

Cheraskov, Michail M.

Tvorenija M. Cheraskova vnov' ispr. i dop

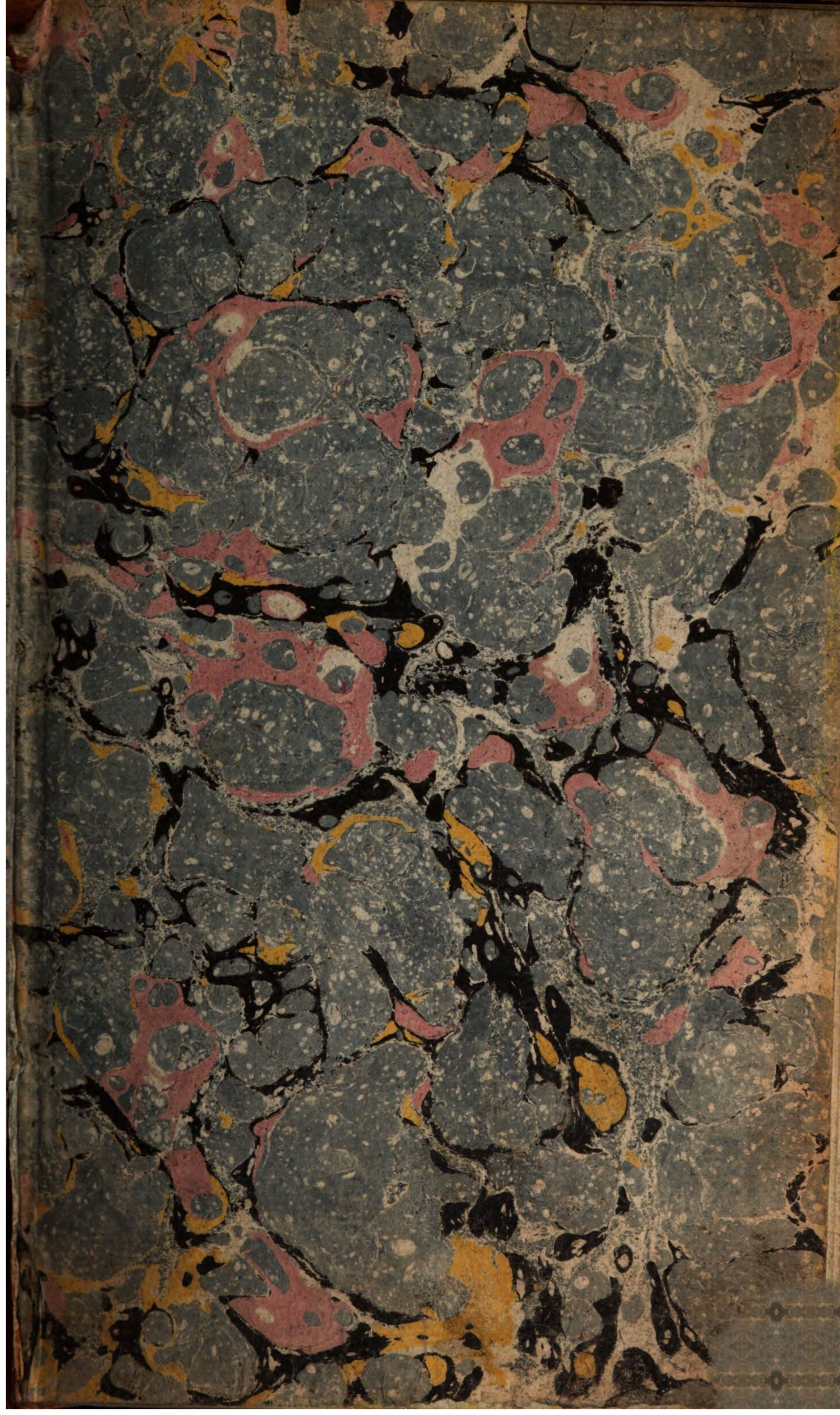
Bd.: 1. Rossijada. - 1807. - XVII, 273 S. . III.

[Moskva] 1807

P.o.russ. 59 e-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610048-7

P.O. russ. 59^e (1

XVc, 64

ТВОРЕНІЯ

(ichajla)
М. ХЕРАСКОВА,

Вновь исправленные

и дополненные.

Часть I.

(1807)

ба 164/491

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ ,

ИМПЕРАТРИЦѢ ,

ЕКАТЕРИНѢ

АЛЕКСѢЕВНѢ

ВТОРОЙ ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ
ГОСУДАРЫНЯ!

Третіе изданіе Россіяды прино-
шу ко священнымъ стопамъ Ваше-
го ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ-
СТВА ; да удостоится и сіе все-
милостивѣйшаго воззрѣнія Вашего,
какого первыя два изданія удостое-
ны были ; и да будетъ то един-
ственно славою Россіяды , что она
посвящена Величайшей Монархинѣ
въ мірѣ, и что слабая моя жерт-
ва Ею не опринута.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

усерднѣйшій вѣрноподданный

Михайла Херасковъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историкъ извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государству состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ все прочія какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ Великаго Князя *ВЛАДИМИРА* разпорженіе Россіи на разныя доли, удѣльныя княжества, междоусобія, неустройства и властолюбіе размножившихся Князей, время отъ времени силы ея испощать начинали; а наконецъ бѣдственному игу хищныхъ Ордъ поработили. Съ того времени угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною учинилась; она подъ своими развалинами въ забвеніи близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію набѣги Татаръ и самовластіе ихъ погрузило; оппорженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у ней похищен-

ныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнуряющихъ свое опечесство; сіе состояніе къ совершенному паденію ее наклонило. Это сіе prosperлось до времени Царя *ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА* Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергнушаго иго Царей Ордынскихъ, и восплавившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новгородцы еще не восве укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство; сія важная и крупная перемѣна произошла при Внукѣ Царскомъ *ІОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ* Второмъ, который есть Герой сея Поэмы.

И такъ не должно ли царствованіе *ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА* Втораго поставлять среднею чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разсвоенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнетенное, внутренними безпокойствами

раздираемое , несогласіемъ многоначальства волнуемое , иновѣрцамъ поработенное , собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ , и представимъ себѣ младаго Государя , самодержавную власнь приѣмлющаго , неуспроиства въ опечествѣ изкореняющаго, сильныхъ и спрашныхъ не-пріятелей держа ы своей поправшаго , многоначальство обуздывающаго , мятежниковъ и въ нѣдрахъ опечества усмирившаго , оппорженные сосѣдами грады возвращающаго, и цѣлыя государства своему скипетру при-совокупившаго; несогласіе и гордосць боярѣ укропившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія поль великаго духа къ Государю? . . . Таковъ былъ Царь *ЮАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ*!

Иностранные писатели , сложившіе не-лѣпыя басни о его суровости , при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самъ *ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ* за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія заимѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями , до пылкаго нрава его относящимися: вѣришь ли поль несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ , оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрныя

Царскія спротоги, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго Государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: по чему сіе твореніе и *Россиадою* названо. Представляю младаго Монарха, лаврами увѣнчаннаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ крапкой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги Грознымъ учинился, и что неустройства боярѣ, на подобіе крупной бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обзрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи; . . . а моя Поема сіе оправданъ обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой трудъ, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуютъ мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое опметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливые намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

ВЗГЛЯДЪ НА ЭПИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

Въ *Иліадѣ* Гомеръ воспѣваетъ гибель Ахиллесовъ, за похищеніе его невольницы Бризеиды Царемъ Агамемнономъ, гибель столько бѣдственныя Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ. — Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ — онъ мститъ за своего друга — убиваетъ храбраго Гектора, и тѣмъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссее* воспѣно десятилѣтнее странствование Итакскаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой, и страшное избиеніе любовниковъ Пенелопиныхъ, которое *Минстерофаней* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеидѣ* воспѣлъ побѣгу Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, прибытіе его въ Карфагену, любовь его съ Дидоною, невѣрность его къ сей несчастной Царицѣ — Другой побѣгу его въ Италію, гдѣ убивъ Турна, сопрягается онъ съ Лавиніею, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ* раѣ важный *Миль-тонъ* повѣствуетъ паденіе перваго человѣка, вкушеніе запрещеннаго плода, торжество дѣвола, изгнаніе Адама и Эвы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злополучія всего человѣческаго рода.

Вольтеръ начинаетъ свою *Ганрияду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую — но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ.

Армида въ *Тассовомъ Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница, *Армида*, есть душа сей неоцѣненной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея остроуміе, ея нѣжности, ея самая свирѣлость по отбытіи Ренода, возхитительны — но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіяду Камуенсону* и *Фарзалию Луканову*. — Первая есть сипранствование Лузитанцовъ въ Африку, обрѣшеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть піишическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живою кистію писанное, сладостное, привлекательное; это есть галлерей преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ,

но каждая изъ нихъ восхищаетъ, прогааетъ, удивляетъ, и въ память врѣзывается.

Фарзалию многіе нарицаютъ Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣвыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не dokonчана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною мѣстою быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну относящуюся до всего человеческого рода — таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь государствѣ произшедшій и цѣлому народу къ славі, къ успокоенію, или наконецъ ко преображенію его послужившій — такова должна быть Поэма **ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ**, которую по моему мнѣнію писать еще не время. Два великіе Духа принимались пѣть **ПЕТРА ВЕЛИКАГО**, Г. Ломоносовъ и Томасъ; оба начали — оба не кончили.

РОССІЯДА, ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свободенну,
Попранну власъ Тапаръ и гордосъ низложенну;
Движенъе древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времяхъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суеша;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтають;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы щещюю почитають,
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,

Часть I.

А

Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Ца-
ремъ ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудетъ
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
Вниманье привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась! . . . Сіяютъ предъ очами
Герои, свѣшлыми увѣнчанны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитесь плесныхъ.

Еще восточную Россіи древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы;
Просперся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;
Куреній олшари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;
Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ шернами ле-
жалъ,
И пасырь въ темный лѣсъ отъ спада убѣжалъ.
Когда свѣтило дня къ полунощи взидало,
Спенящу, спраждущу Россію обрѣшало.
Въ ея обѣщаньяхъ рожденная Казань,
Изъ помныхъ рукъ ея брала позорну дань;
Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
Ошкоть на берега шумящей Волги зритъ.
Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ песчрыми цвѣтами
Поставленъ Башнемъ ко сѣверу врагами,
Чрезъ кои въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,
Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
Разженны вѣрою къ закону своему,
Казань, поверженна въ Магомешанску шму,

Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала ;
 И руки чрезъ поля въ Россію проспирала ;
 Просила помощи и свѣта отъ Князей ,
 Когда злочесшіе простерло мраки въ ней .
 Подвигнушы къ спранамъ природнымъ сожа-
 Народа своево бѣдами и помленьемъ, (лѣньемъ ;
 На часпи полночь всю разторгшіе Князья ,
 Смирjali наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лїя .

Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались ,
 Главы у гидры злой всечасно вновь раждались ;
 И жалы опроспивъ въ глухихъ мѣстахъ свои ,
 Вползали паки въ грудь Россіи шъ змїи .
 Драконова глава лежала сокрушенна ,
 Но древня злоба въ немъ была не попушенна ;
 Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ ;
 Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ ;
 Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попрашна ,
 Во время юности вѣтораго Іоанна .
 Сей дѣда храбраго вѣнчаный славой внукъ
 Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ ;
 Смутился духъ его несчастливымъ походомъ ,
 Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшимъ
 годомъ ;
 Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань ,
 Крылами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань ;
 Онъ мрачной пучею и бурями увился ,
 Подобенъ грозному спрашилищу явился ,
 Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ ,
 Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ ;
 И Волжскія струи на пучны двигнувъ брега ,
 Подулъ изъ жладныхъ устъ морозы, вихрь и снѣги ;
 Ихъ пламенная кровь не спала Россовъ грѣшъ ,
 Дабы въ наснавшій годъ жарчае воскипѣшь .

Въ то время юный Царь въ столицу уклонился ;
 Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился .
 О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ !
 Прости великій Царь мою отважность мнѣ ,
 Что устро днѣи твоихъ во шмѣ дерзну пред-
 ставишь ;

Пресвѣшлый полдень швой громчае буду славишь;
Великъ, что бурю ты вокругъ царства укрощилъ,
Но больше, что спраснямъ душевнымъ воспре-
шилъ.

Увидѣвъ, что Москва оставивъ мечъ уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
Храняща ненависть недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ спрашная гроза;
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,
И злобой движима, мучилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россію ушѣснись, какъ въ прежни времена.
Сей спрашный исполинъ въ Россійски грады вхо-
дитъ;
Убийства, грабежи, насильства производишь;
Рукою мечъ несешь, другой звучащу цѣпь;
Валятся стѣны вокругъ, поминется лѣсъ и степь.
Уже вельніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казань полились Россійской крови рѣки;
И пламенникънося неукропимо зло,
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступ-
пила,
И кровь спрадальческа на небо возопила;
Тамъ плачь уныніе, сиротствующихъ спонъ;
Но ихъ опечесство сей вопль вмѣняло въ сонъ.

Алчба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла спраданіе сполницѣ.
О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачашъ,
Тамъ чувства жалости надолго замолчашъ.
Москва, разимая погибелію внѣшней,
Отъ скорбей внутреннихъ явилась безутѣшней.

Сокрылась истинна на время отъ Царя;
Лукавство, честь поправъ, на собственность
Въ лицѣ усердія въ черпотахъ появилось, (воззря,
Вошло, и день отъ дня сильнѣе спановилось.

Тамъ лесъ предъставилась въ прищворной
 Котора во своей природной наготѣ (красотѣ,
 Мрачна какъ ночь, робка, покорна, шороплива,
 Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
 Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
 Дабы служиши имъ ко преткновенью ихъ.
 Сія природну желчь преобращивъ во сладость,
 Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
 Вельможи, выгодѣ ревнующи своею,
 Соединилися къ спыду державы съ ней;
 И лесъ надежныя подпоры получила,
 Отъ Царскаго лица невинность оплучила.
 Гонима истинна стрѣлами клеветы,
 Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
 Которы искренно отечество любили;
 Соблазны щасія они пренебрегли,
 При явной гибели не плакать не могли;
 Священнымъ двигнушы и долгомъ и закономъ,
 Спенать и сътовать дерзали передъ трономъ;
 Пороковъ торжество, поправну правду зря,
 Отъ лесни ограждать осмѣлились Царя.
 Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружающъ,
 Ихъ слезы общую напастъ изображающъ;
 Пошупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
 Казалось, шуманъ простерли вокругъ вѣнца;
 На смутныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
 Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ вла-
 дѣтель.
 Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщающъ, воздремалъ!
 Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

Унылъ преспоольный градъ, Москва главу скло-
 Печаль ея лице, какъ ночь пріостыла; (ныла,
 Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
 Тоскующъ вокругъ нее прекрасныя мѣста;
 Унынье, разшрепавъ власы, по граду ходишъ;
 Пошупивъ очи внизъ, въ опчаанье приводишъ,
 Бѣишъ себя во грудь, рѣками слезы льетишъ;

На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
 Въ дубравахъ стонъ и плачь, печаль въ долинахъ
 зланныхъ;
 Во градъ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
 Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
 Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
 Грызмая внутри болѣзью всеминупной,
 Казалась Москва водѣ подобна мутной,
 Которая, лилась движенья и прохлада,
 Тускнѣла, портилась и зараждалась ядомъ.
 Народъ опчаянный, гонимый, ущемленный,
 Какъ будто въ Эпиъ огонь внезапно возпаленный,
 Лѣсистые холмы, густыя деревья,
 Съ поверхности горы бросались въ небеса.
 Народъ возмолвалъ! . . . Тогда прибуйство яромъ,
 Отъ искры наглый бунтъ великимъ спалъ по-
 жаромъ;
 По стогнамъ разлился, на торжищахъ горилъ,
 И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зрилъ.
 Противу злыхъ вельможъ мятежники возстали,
 Которы спроголи Царевы подгибали,
 Которы душу въ немъ старались возмущать,
 Дабы при бурѣ сей Россію расхищать.
 Два Князя Глинскіе смятенія жершвой были,
 Единаго изъ нихъ мятежники убили;
 Другой пронырствами отъ нихъ спаслись умѣлъ,
 И новой бурей отъ прона возшумѣлъ.
 Простерся мщенія мракъ надъ свѣплымъ Цар-
 скимъ домомъ;
 Непримирима власть вооружилась громомъ;
 Разила пѣхъ мужей, разила пѣ мѣста,
 Гдѣ правда опверзлась осмѣлилась уста;
 Поборники забавъ награды получали,
 А вѣрные сыны заплакавъ замолчали.

Россія, прежнюю утративъ красоту,
 И видя вокругъ себя раздоръ и пустоту,
 Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
 Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ оппорженны границы,
 Подъ сѣнью роскошей колеблющійся тронъ,

Въ чужомъ владѣнїи, Двину, Днепръ, Волгу,
И приближенїе встрѣчая вѣчной ночи, (Доидь,
Возносишь къ небесамъ заплаканныя очи;
Возносишь рамена къ небесному Отцу;
Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
Открыла грудь свою, грудь помну, избывленну,
Рукою показавъ Москву окровавленную,
Другою вокругъ нее слѣянно море зла;
Взрыдала, и речи ни слова не могла.

На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремя-
щій,
Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
Въ комъ движущая мїры, къмъ все въ мїрахъ жи-
вущъ;
Который съ небеси на всѣхъ равно взираешь,
Прощаешь, милуешь, покоишь и караешь;
Царь пламени и водъ, позналъ Россїи гласъ;
И славы чадъ своихъ послѣднїй видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;
Онъ руку помощи простерши къ ней помыслилъ;
Свѣтлѣе спали вдругъ надъ нею небеса,
Живительная къ ней пустилася роса,
Ея печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно помную Россїю подкрѣпила;
Одѣла полночь вокругъ румяная заря;
На землю Ангели въ кристальну дверь смотрѣ,
Соспавили изъ лиръ небесну гармонию,
И пѣли благодать, вѣнчающую Россїю.

Тогда единому изъ праведныхъ мужей,
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,
Господнему лицу во славу предстоящихъ,
И въ ликъ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ,
Всевышнїй рекъ: гряди къ потомку своему,
Дай видѣть свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему;
Въ лицѣ опечества явился Іоанну,
Да узришь онъ въ тебѣ Россїю всю поправленную! . . .

Скорай, чѣмъ солнца лучь, текущаго въ эфиръ,
 Лепящій средь міровъ, какъ вѣющій зефиръ,
 Небесный мужъ въ спрану полночную низходящъ,
 Блистательну черпу по воздуху проводишь;
 Закрытый облакомъ, вступаешь въ Царскій домъ,
 Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ обвѣятый сномъ;
 Съ пришествіемъ его чертоги озарились;
 Весь градъ запрепешалъ, пороки въ мракъ сокры-
 Является Царю сія святая пѣнь (лись.
 Во образъ такомъ, въ какомъ была въ той день,
 Въ кошорый въ міръ семъ оставивъ зракъ пѣ-
 лесный,
 Взлещѣла возсپенавъ во свѣтлый домъ небесный;
 Пошупленна глава лежаща на плечахъ,
 Печальное лице, померклы свѣтъ въ очахъ,
 Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь пе-
 Трепещущая пѣнь съ молчаніемъ грядуща, (куща,
 И спящаго Царя во ужасъ привела,
 Приблизилась къ нему и такъ ему рекла:

Ты спишь, безпечный Царь, покоемъ улаж-
 денный,
 Весельемъ упоенъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рож-
 Вѣнецъ, опечесшво, законы позабылъ, (денный;
 Возненавидѣлъ шрудъ, забавы возлюбилъ;
 На лонѣ праздности лежишь швоя корона,
 Не видно вѣрныхъ слугъ; ликуешь лещь у шрона.
 Ты зришься шигромъ бышь, лежащимъ на цвѣ-
 шахъ;
 А мы, живущіе въ превыспреннихъ мѣстахъ,
 Мы въ общей гибели учасшіе пріемлемъ,
 Рабовъ швоихъ слова въ селеньяхъ горнихъ
 внемлемъ.
 Ты власпенъ все шворишь, тебѣ вѣщаешь лещь;
 Ты рабъ опечесшва, вѣщающъ долгъ и чещь;
 Но гласа истинны шы въ гордостѣ не внемлешь,
 Ты гонишь искренность, безбожну ложь обвем-
 Мы Князи сей спраны и прадѣды швои, (лещь.
 Мы плачемъ, взоръ склонивъ въ обители сіи,
 Для вѣчныхъ радостей на небо восхищенны,

Тобой и въ райскихъ мы селеньяхъ возмущенны;
О Россяхъ спонемъ мы, мы спонемъ о тебѣ;
Опомнись! нашу скорбь представь, представь себѣ;
О царствѣ, о себѣ, о славѣ твоей помысли,
И избѣженныхъ насъ злодѣями изчисли.

Опверзлось небо вдругъ вздремавшаго очамъ,
И видящаго Иоанна печальныхъ предковъ тамъ,
Которы кровію своею увѣнчались,
Но въ прежнемъ образѣ очамъ его являлись:
Башневъ мечъ во грудь Олегову вонзенъ;
Георгій бранію его лежаща окровавленъ;
Нещасный Богоносца оковы тяжкіи носитъ,
Опмѣненія Ордамъ за смерть и раны проситъ;
Склонивъ главы свои, спонаютъ Князи тѣ,
Которы мучимы въ ихъ были животѣ.
Тамъ видяща законъ поправный, униженный,
Ллющаго токи слезъ и мракомъ окруженный;
Погасшимъ кажется Князей Россійскихъ родъ;
Вельможи плачущи, въ уныніи народъ;
Тамъ лица блѣдныя въ крови изображены,
Которы въ жизни ихъ Ордами поражены;
Онъ видяща сродниковъ и предковъ зрѣща своихъ,
Ихъ муки, ихъ тѣску, глубоки раны ихъ.

И тѣмъ рекла ему: опшедъ въ мученья мно-
гомъ,
Ропная на себя, сѣи споятъ предъ Богомъ;
Послѣдній убійца злодѣйскою рукой
Твой предокъ Александръ, я бывшій Князь Твер-
ской,
Пришелъ съ верховъ небесъ отъ сна тебя воз-
спавша,
Твой разумъ просвѣтитъ, опечесство избавитъ;
Зри язвы твои мои, въ очахъ тѣску и мракъ,
Се точный при тебѣ спраны Россійской зракъ!
Зри члены твои мои, кровавы, сокрушенны,
И селы вообрази и грады разрушенны;
Днесъ потѣ же самый мечъ, которымъ я раненъ,
И тою же рукой Россіи въ грудь вонзенъ;

Ліється кровь ся ! . . . Омытый кровью есю,
 Забыль, что Бога ты имѣешь судією ;
 Вопль cadaго раба, спраданіе и епонь ,
 Взлестѣвъ на небеса, текутъ предъ Божіимъ проишь ;
 Ты подданнымъ за зло отвѣтствовать не чашь ,
 Но Господу за ихъ печали отвѣчаешь .
 Вздremaвшую въ тебѣ премудрость воскреси ,
 Опечесство, народъ, себя отъ зла спаси ;
 Будь пашыръ, будь герой, тебѣ твоей Богъ воз-
 любишь ;
 Пошомство позднее хвалы тебѣ возтрубишь .
 Не мѣшкай! возгреми! рази! такъ Богъ велѣлъ . . .

Вѣшалъ, и далѣе вѣщати не хотѣлъ .
 Чертогъ небесными лучами озарился ,
 Во славу Александръ въ домъ Божіимъ водворился .
 Смущенный Іоаннъ не зрѣлъ его во мглѣ ;
 Спрахъ въ сердце ошупилъ, печали на челѣ ;
 Мечта сокрылася, видѣнье ошлестѣло ,
 Но въ Царску мысль свой ликъ глубоко впечатлѣ-
 И сна пріятнаго Царю не опдаешь ; (ло а
 Съ печальнаго одра онъ смущенъ возстаетъ ,
 Кидаетъ грозныя ко предстоящимъ очи .
 Какъ странникъ во степи среди глубокой ночи ,
 Послыша вокругъ себя шипѣніе змѣевъ ,
 Къ убѣжищу нигдѣ надежды не имѣвъ ,
 Не знаетъ гдѣ ступитъ и гдѣ искать спасенья ,
 При каждомъ шагѣ онъ боится угрызѣнья :
 Таковъ былъ Іоаннъ, напомнивъ страшный сонъ :
 Казалось мерзку лестъ позналъ внезапно онъ ;
 Страшитъ онъ льстецовъ , имъ вѣришься не
 емѣетъ .
 Несчастенъ Царь , когда онъ друга не имѣетъ ;
 Но въ дѣйство тайное хотѣнье произвестъ ,
 Велѣлъ въ чертогъ къ себѣ Адашева привестъ .

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтуши
 Казался при дворѣ, какъ иѣкая планета, (лѣта,
 Вступающа въ свой путь отъ незнакомыхъ мѣстъ,
 И рѣдко зрима среди горящихъ звѣздъ .

Придворные его съ досадою угнѣтали ,
 Но внутренно его сердцами почиали.
 Адашевъ щастія обманы презиралъ ,
 Мірскія пышности ногами попираалъ ;
 Лукавству былъ врагомъ, ласкательствомъ гну-
 шался ,
 Величествомъ души, не саномъ украшался ,
 Превыше былъ страсшей и честностію полнъ.
 Какъ камень посреда кипящихъ бурныхъ волнъ ,
 Борея не боясь, споилъ неколебимо ,
 И волны о него бѣяся, идушъ мимо :
 Адашевъ тако твердъ среди развратовъ былъ ,
 Отъ міра удаленъ, опечесство любилъ ;
 Спокойно въ домъ вступилъ , гдѣ грозный жилъ
 Владѣтель.
 Спрашится ли чего прямая добродѣтель !
 Храняща лествъ еще подъ спражей Царскій дворъ,
 Увидя правду въ немъ, пошупила свой взоръ ;
 Опчаянна, блѣдна и зависшью грызوما ,
 Испышываетъ все, ждеши солнца, шучь и грома.

Предсталъ почтенный мужъ , и честность
 купно съ нимъ ;
 Такъ въ мракъ иногда бываетъ Ангелъ зримъ !
 Въ обѣщаніяхъ своихъ Адашева имѣя ,
 Со подданнымъ Монархъ бесѣдуешъ краснѣя :
 Тебѣ , въ слезахъ онъ рекъ, я сердце отворю ;
 Ты честенъ, можешь ли не быти другъ Царю ?
 Каковъ въ пустынь былъ , будь вѣренъ передъ
 прономъ.

Тогда о страшномъ снѣ повѣдавъ съ горькимъ
 стономъ ,
 Мой Богъ меня смирилъ, онъ съ важнымъ видомъ
 рекъ ;
 Я въ нынѣшней ноши спалъ новый человекъ ;
 Спыжусь, что я блажихъ совѣтовъ уклонился . . .
 Всплакалъ Іоаннъ и праведнымъ явился.
 Какъ мать вѣрный сынъ, опечесство любя ,
 Адашевъ чаялъ зрѣши на небесахъ себя ;

На леснь взирающій вкругь трона соплещенну,
 Оплакивалъ сей мужъ Россію угнѣшенну;
 Въ воспоргъ рекъ Царю: благословенный сонъ!
 Вѣрь, вѣрь мнѣ Государь, что Богомъ посланъ онъ;
 Внемли опечеснѣва, внемли невинныхъ спону;
 На сердцѣ ты носи, не на главѣ корону.
 Что пользы подданнымъ, что есть у нихъ Цари,
 Коль спраждесть весь народъ, поправны олшари,
 Злодѣйство бодрствуетъ, а правда угнѣшенна;
 Не Царь порфиною, порфира имъ почтенна?
 Довольно презиралъ ты самъ себя и насъ;
 Насталъ теперъ твоей и нашей славы часъ!

Глаголамъ истинный внимающій Владѣтель,
 Увидѣвъ съ небеси сходящу добродѣтель:
 Какъ Ангелъ, явльшійся Израилю въ ночи,
 Имѣла вкругъ главы блистательны лучи;
 Се вѣрный другъ тебѣ! Монарху говорила,
 И ликъ Адашева сіяньемъ озарила.
 Увидѣвъ Царь, ея, въ его челѣ черты;
 И такъ воззвалъ къ нему: будь мой сопридникъ ты;
 Мнѣ нуженъ разумъ твой, совѣтъ, твоя услуга.
 Всѣхъ паче благъ Царю искаши должно друга.
 Вѣдай мнѣ истинну, ея намъ грозенъ видъ;
 Но видъ сей отъ коронъ и троновъ гонитъ спыдъ;
 Гони сей спыдъ, гони, и спрогимъ мнѣ совѣтомъ
 Яви стези йти премудрости за свѣтомъ!

Адашевъ чувствуя, коль хитро можеть
 леснь
 Отъ истинны отвлечь, Царя въ обманъ привестъ;
 Вѣдалъ: отъ нашихъ душъ соблазны да отгонимъ,
 Себя отъ здѣшнихъ спѣвъ и праздности укло-
 Небесной мудрости пріобрѣсти руно, (нимъ;
 Уединеніе научитъ насъ одно;
 Премудрость гордости и лести убѣгаетъ,
 Мірскую суешу она пренебрегаетъ;
 Среди развратностей гражданскихъ не живетъ,
 Въ пещерахъ и лѣсахъ ее находитъ свѣтъ;
 Гдѣ нѣтъ тщеславія, ни лести, ни думъ сму-
 щенныхъ,

Пойдемъ еѣ искать въ обителѣхъ священныхъ ,
 Отколѣ чистый духъ взлѣпаетъ къ небесамъ :
 О Царь мой! избери сѣю обитель самъ ;
 Россія силъ еще послѣднихъ не лишена ,
 Любовь къ отечеству не вовсе пошущена ;
 Вели собратъ совѣтъ , на истинну воззри ,
 И нечестивости совѣщѣ разори :
 Увидишь славу ны парящу предъ собою ;
 Мы ради кровь пролишь , теперь готовы къ бою .
 Господь , Россія вся и весь пространнѣй свѣтъ ,
 Ко славѣ Царь тебя онъ праздности зоветъ !

Есть мѣсто на земномъ лицѣ сооруженно ,
 Сподвижникомъ свящѣныхъ отшельцевъ освященно ;
 Угодники отъ полъ возшедь на небеса ,
 Оставили свои неплабны плѣса ,
 Которыя прѣявъ усердное моленье ,
 Даруютъ миръ , покой , скорбѣющимъ изцѣленье ;
 Угодникъ Сергѣй нѣ обитель основалъ ;
 Онъ въ малой хижинѣ великѣй трудъ скрывалъ ;
 Небеснымъ житіемъ сѣи мѣста прославилъ ,
 И Богу тамъ олтарь приличному поставилъ ;
 Увидя спѣсны вокругъ и храмовъ красоту ,
 Возможно городомъ почестъ пустыню ту ;
 Въ обитель Божію сокровища внесены
 Являють души къ ней усердіемъ возженны :
 Тамъ холмъ потокомъ водъ цѣлебныхъ напоенъ ,
 Который Сергіемъ изъ камня изпоченъ :
 Развѣсисны древа пригорокъ оѣняють (*) ,
 И храмомъ на главы вершины преклсняютъ .
 То зданье къ святости за плѣмъ прѣобщено ,
 Что славы древнихъ лѣтъ хранилъ залогъ оно :
 Герои кистью плѣтъ живой изображенны ,
 Которыми враги Россіи изложены ;
 Тамъ видѣнъ Святославъ , сѣдящій на земли ,
 Ядущій хлѣбъ сухой и въ пощѣ и въ пыли ;

(*) Нынѣ сѣе мѣсто большою [Живоначальныя
 Троицы церковію застроено .

Онѣ зрится будто бы простой межѣ ратныхъ
воинѣ ;
Но древнимѣ предпочтенѣ Атридамѣ бытъ до-
стоинѣ :

Владимирѣ мечѣ и пальмѣ носящѣ изображенѣ ;
Стоитѣ профеями и свѣтомѣ окруженѣ ;
У ногѣ его лежатѣ поверженна химера ;
Со славой сѣдиняетѣ его вѣнчаеши вѣра .
Тамѣ лавры Ярославѣ имѣеши на главѣ ;
Донской блистаетѣ здѣсь ; тамѣ Невскій на Невѣ ;
Тамѣ ликѣ Великаго представленѣ Іоанна ,
Цесарской перваго короною вѣнчанна ;
Побѣды, торжества, блистанія вѣнца ,
Кѣ дѣламѣ великимѣ огонь внушаютѣ во сердца ;
Для сихѣ причинѣ въ сей храмѣ, ко славѣ предвиз-
Адашевѣ убѣдилѣ склонитѣся Іоанна. (бранна,

Еще не скрылося въ волнахѣ свѣтило дни,
Доспигли мирнаго убѣжища они.
Сопутницей своей имѣя добродѣтель ,
Какѣ будто видѣлъ рай въ обители Владѣтель :
Во славѣ зрится Богѣ, присутствующій тамѣ !
Сѣ священнымѣ ужасомѣ вступилѣ въ Господній
храмѣ ;

Онѣ вѣдалѣ, что душа, на небо вознесена ,
Отѣ тѣла своего врачевна и неплѣнна ,
Творила многія и нынѣ чудеса ,
И то сказать могла, что кроютѣ небеса ;
Приходитѣ кѣ Сергію, мольбы ему приносишѣ ,
Всевышней помощи противѣ Казани проситѣ ,
Вѣщая: Мужѣ Святой! ты Дмитрію помогѣ ,
Татарскія Луны сломитѣ кичливый рогѣ ,
И миѣ ты помози, дерзнувѣ противѣ Казани ;
Россію оправдашѣ во предлежащей брани ;
Мое опечесство, о Сергій ! и твое . . .
Возносишѣ предѣ тебя моленіе сѣе !
Молитва въ воздухѣ какѣ дымѣ не исчезаетѣ ,
Но будто молнія небесный сводѣ пронзаетѣ ,
На радужныхѣ она возносится крылахѣ :
Моливу искренну чинаетѣ Богѣ въ сердцахѣ ;

Она небесный сводъ и звѣзды сквозь переходитъ,
Въ умильность Ангеловъ, геенну въ страхъ при-
водитъ.

Мольбы его какъ громъ предъ Богомъ раздались,
Проснулася Москва, Ордынцы потряслись!

Въ сѣю достойную вниманія годину,
Измѣривалъ Творецъ двухъ царствъ земныхъ
судьбину:

Россійскій до небесъ возвысился вѣнецъ,
Ордынской гордости означился конецъ;
Но побѣдительнымъ народамъ и державъ,
Препятства предлагають въ гремящей будущъ
славѣ.

Разеѣется Орда, угаснетъ ихъ престолъ;
Но Россамъ напередъ устроишь много золъ.

Тогда Господнее изрекъ опредѣленье
Органъ небесныхъ шайнъ въ священномъ изспу-
пленѣ,

Трепещущъ, Духомъ полнъ, служащій олшарю,
Душъ паспырь возвѣспилъ пророческвы Царю:

О Царь! слепшаюся тебѣ вѣнцы лавровы;

Я вижу новый проиъ, короны вижу новы!

Но царства покорить и славу обрѣсти,

Ты долженъ многія спраданья пренести.

Гряди, и буди твердъ! . . . Слова произнеслися,

И гласомъ пѣсеннымъ по сводамъ раздалися.

Въ душѣ Монархъ тогда спокойство ощутилъ,

И паки шествіе ко граду обратилъ.

Адашевъ къ славѣ огнь въ Царѣ усугубляетъ;

Написанныхъ Князей въ предсѣнїи являетъ.

Се Рюрикъ, предокъ твой, вѣщаетъ онъ Царю,

Троянску опрасль въ немъ и Августову зрю;

Онъ силы подкрѣпивъ колеблемой державы,

Пошомкамъ начершалъ безсмертной образъ славы:

Се Ольга мудрая, казняща Искорестъ,

Лучи вокругъ главы, въ рукахъ имѣетъ крестъ;

Коль свято царствуетъ полночною страной!

Жена прославилась правленьемъ и войною;

Се праотцы твои! взгляни на нихъ, взгляни :
 Ты видишь славу ихъ! колѣна преклони.
 Здѣсь кисль ученіе твое изобразуешь. . . .
 И дѣда Царскаго Адашевъ указуешь ;
 Который внутрь и внѣ спокоилъ царствъ раз-
 доръ ;
 Но кажется къ Царю суровый менцель взоръ ,
 И внука праздностью на тронъ укоряешь.

Краснѣя Іоаннъ на ликъ его взираешь ,
 Токъ слезный отъ спыда изъ глазъ его печешь ;
 Начнемъ, начнемъ войну! Адашеву речешь.
 И се парящая въ кругахъ эфирныхъ слава ,
 Гласишь: гоповся цвѣсть Россійская держава !
 Благочестивый духъ Царя въ Казань ведетъ ;
 Престольный градъ его съ гремящимъ плескомъ
 ждешь.

Всевышній на него склонилъ свою зѣницу ,
 И Царь торжественно вступилъ въ свою столицу ;
 Окрестности ея внезапно прозвѣли ,
 Во срѣшеніе ему, казалось, рощи шли ;
 Суровостью времянь веселость умерщвлена ,
 Въ долинахъ и лѣсахъ явилась оживленна ;
 Какъ будто бы струи прешедый чермныхъ
 водъ ,
 Ликуешь на холмахъ толпящійся народъ ;
 Подъемлешь высоко Москва верхи златые ,
 И храмы пѣніемъ наполнились святыя ;
 Любовью видишь Царь возженные сердца ,
 Зришь въ подданныхъ дѣшей, они въ Царѣ
 отца ;
 На лицахъ радости, въ очахъ увеселенье ,
 И духомъ сладкое вкушаешь умиленье.

Коль Царь всевышнюю власль нечестіемъ
 гнѣвишь ,
 Нашура вся тогда пріемлешь смутный видъ ;
 Но есѣли подъ вѣнцемъ сіяешь добродѣтель ,
 Ликуешь весь народъ, нашура и Владѣтель !
 Казалось Іоаннъ вновь царство пріобрѣлъ ;

Избранной Думѣ быть въ чертоги повелѣлъ (*);
До нынѣ стольный градъ спящій, утружден-
Явился будто бы осады свободенный. (нынѣ,

(*) Избранная Дума именовалась въ то время выш-
нее правительство, что нынѣ Сенатъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О вы, щаспливые грядущихъ лѣтъ пѣвцы !
Завидны ваши мнѣ Парнаскіе вѣнцы:
Вы ихъ получите, воспѣвъ ЕКАТЕРИНУ.
Мнѣ Музы не сію назначили судьбину :
Велятъ ко временамъ минувшимъ прелестѣтъ ;
Дивись въ мысляхъ Ей, а Іоанна пѣтъ.
Но древнѣя дѣла имѣя предъ очами,
Ея премудрости одушевляюсь лучами.

Изгнавъ изъ Царскаго жилища Іоаннъ
Развраты, клевету, коварство, лести, обманъ ;
Оставя праздну жизнь въ зломъ одрѣ лежащу,
И маковы дѣтны и гроздіе держащу ;
Отвергнувъ отъ очей соблазновъ темношу,
Что истинны святой скрывала красоту ;
Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ, ставъ незлобенъ,
Былъ солнцу Іоаннъ восточному подобенъ ;
Которое когда свое лице явишь,
Сіяніемъ лучей вселенную живишь.
Льстецы, что слабости Монарши умножали,
Какъ темны облака домъ Царскій окружали ;
Подобно солнечный вселенной льстящій зракъ,
Сгущенныхъ тучъ отъ глазъ скрываетъ часто
мракъ,
Когда поверхность ихъ лучами озлащенна,
Отъ грома ихъ земля бываетъ устрашенна ;
Но нынѣ смутныя веселости разгнавъ,
Всю важность ощутивъ Владѣтелевыхъ правъ,
И возвративъ себя народу и коронѣ,
Явился Іоаннъ какъ дневный свѣтъ на тронѣ ;
Сердца возрѣніемъ безмрачнымъ восхищаль,

Со умиленіемъ Боярамъ онъ вѣщалъ :
 О вы, которые державу мнѣ вручили (*),
 И царствовать меня во младости учили !
 Мнѣ мнился, моего правленія заря
 Не кажетъ днесь во мнѣ достойнаго Царя ;
 Мечтается въ умѣ моихъ мнѣ предковъ слава ;
 Я вижу подвиги младаго Святослава ;
 Онъ зрится въ полѣ мнѣ между шумящихъ
 стрѣлъ ,
 Парящъ во слѣдъ врагамъ Россійскимъ какъ орелъ :
 Ревнуетъ дужъ во мнѣ Владимиру святому ;
 Завидую изъ рукъ его звучащу гресу ,
 Который онъ на Тавръ, на Халкидонъ металъ ,
 И солнцемъ наконецъ своей державы спалъ ;
 Опдавъ покой и миръ врагамъ своимъ недавнымъ,
 Россію просвѣтилъ закономъ православнымъ.
 Предспалъ моимъ очамъ Великій Мономахъ ,
 Который наводилъ на Цареградцовъ спрахъ ,
 И гордость обуздавъ Монарховъ ихъ надмѣнныхъ,
 Къ ногамъ своимъ Царей увидѣлъ преклоненныхъ ;
 Смирися Комнинъ, въ знакъ мира наконецъ ,
 Ему приносилъ въ даръ порфиру и вѣнецъ.
 Я сей вѣнецъ ношу, державу шу имѣю ,
 Но предковъ шествовать спезями не умѣю ;
 Недавно возгремѣлъ побѣдами мой дѣдъ ,
 Опечество свое опъ многихъ спасшій бѣдъ ;
 Россія вознесла главу при немъ высоко ,
 Потупилося ордъ враждующее око :
 Потомокъ я и сынъ Монарховъ таковыхъ ,
 Имѣя шу же власъ, неиду слѣдами ихъ.
 Злодѣями со всѣхъ споронъ мы угнѣшенны ,
 И сполько презрѣны, сколь были мы почтенны :
 На что народамъ Царь, Вельможи имъ на что ;
 Когда ихъ защищать не думаетъ никто ?
 Вельможи и Цари опечества ограда !

(*) Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной,
 говоренной Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ при
 тогдашнемъ случаѣ.

Мы спимъ, какъ пастыри безпечные у стада ;
 Не Крымъ, и не Казань губители его ,
 Мы первые враги народа своего.
 О Россы! ваша честь и слава умерщвлена ,
 И есть ли въ свѣтѣ мы, забыла вся вселенна:
 Надъ самой бездною мы злощасія споймъ ,
 Мы гибнемъ, но спасать Россію не хотимъ!
 Казань, которая Россію ненавидитъ ,
 Теперь со трепетомъ Свѣяски спѣны видитъ ;
 Тамъ другъ отечества, тамъ вѣрный Царь Алей,
 Разсѣянныхъ Татаръ погналъ во градъ съ полей;
 Въ единое гнѣздо злодѣи наши скрылись ,
 Широкіе пупы намъ къ славѣ отворились ;
 Не наши выгоды хочу вамъ описатьъ ,
 Хочу совѣта, какъ отечество спасать?
 Опважись ли намъ съ Ордами къ трудной
 брани ,
 Иль въ справѣ погребѣшься и имъ готовишь дани?
 И справѣ отечества, а вы его сыны ,
 И должны ваши бытъ совѣты мнѣ даны. . .

Такое Іоаннъ представилъ искушеніе ,
 Вельможамъ собраннымъ на твердое рѣшеніе ;
 Но каждый взоръ изъ нихъ другъ на друга ки-
 далъ ;
 И младшій старшаго къ совѣту ожидалъ.
 Тогда отвѣтъ простеръ съдиной умащенный ,
 Носящъ чинъ Ангельскій и санъ первосвященныи ,
 Небеснымъ житіемъ извѣстный Даніилъ :
 О Царь! ты кровь мою къ отмщенію воспламе-
 нилъ ,
 И бѣдство общее шоль живо мнѣ представилъ ,
 Что не любишь въ сей разѣ враговъ меня за-
 ставилъ ;
 Но правила мои и санъ претитъ мой мнѣ ,
 Другова поощрять и мыслишь о войнѣ.
 Когда бы дѣйствіе слова мои имѣли ,
 Нигдѣбѣ оружія во свѣтѣ не гремѣли ;
 Однако есть враги, и бранямъ должно бытъ ;
 Ихъ можно дозволять, но брани грѣхъ любить ;

Не кровію алкашь Монарха устремляю,
Но вѣру защищать тебя благословляю.

Казалось съ небеси тѣ слышались слова
И преклонилася вѣнчанная глава.
Сіяли радости въ очахъ у Іоанна;
Но слышенъ тихій гласъ Боярина избранна,
Который зрѣлымъ былъ разсудкомъ озаренъ,
Власами бѣлыми, какъ снѣгомъ, покровенъ;
Кубенскій Князь то былъ, сполѣтїя достигшій,
Заслуги многія отечеству чинившій,
Дрожащу руку онъ прижавъ коперсямъ рекъ:

Сѣдины на главѣ мой древній кажутъ вѣкъ,
И щастіе уже не льститъ мнѣ никакое,
Я только жизнь мою хочу скончать въ покоѣ;
Не сродника во мнѣ почти, о Государь!
Но старцевыхъ рѣчей послушай юный Царь:
Не полагаясь на память усыпленну,
Взгляни на грудь мою во браняхъ избязвленну;
Докажетъ подвиги мои тебѣ она,
И сколько мнѣ должна извѣстна быть война,
Подъ сѣнью пишины цвѣшетъ держава краше;
Миръ сладкій, не война вѣнчаетъ щастье наше.
Въ любви къ отечеству я самъ и твердъ и гордъ;
Но слабы спали мы прошиву сильныхъ Ордъ.
Димитрій, предокъ твой, въ чувствительномъ
уронѣ,
Мамая сокрушилъ и съ воинствомъ при Донѣ;
Но долго ли покой въ Россіи процвѣталъ?
Свирѣпый Тахшамышъ, какъ бурный вихрь, воз-
сталъ,
И въ сердце нашего отечества вломился,
Россійской кровію полночный край омылся.
Судьбы державы всей на случай не возлагай,
Людей, о Государь! не грады берегай.
Для славы воевать, слаба сія причина;
А царство безъ гражданъ пустыня лишь едина.
Спокойсь смутный духъ, моимъ словамъ внимли:
Коль любишь царствовать обширностью земли;

Твои границы Днепръ съ полудня орошаетъ ;
 Россія Волжскія струи до днесь вкушаетъ ;
 Тамъ бурный Волховъ зришь, шамъ крошкуну
 Оку ;

Ты Царь обширныхъ странъ! я смѣло изреку ;
 Введи съ престола ты твои повсюду очи,
 Владѣтель цѣлыя явишься полуночи ;
 Народъ въ сравненіе обширности возми,
 Мы бѣдны не землей, но бѣдны мы людьми.
 Съ кѣмъ хочешь въ брань ищи? Опцы у насъ
 побиты ;

Младенцы бѣдствуютъ правленіемъ забыты ;
 Сшарайся въ мужество ихъ младость привести,
 И юнымъ симъ пленцамъ дай время возрасти ;
 Тогда со снадомъ симъ къ побѣдамъ устрем-
 ляйся.

Готовъ ко бранямъ будь, но алчнымъ не являйся.

То слово съ жадностью Князь Глинскій под-
 хватилъ ;

И взоры на себя всей Думы обратилъ.
 Сей Князь, коварный Князь, Вельможамъ былъ
 ужасенъ ;

Злокозненъ во враждѣ, и въ дружествѣ опасенъ,
 Въ сей часъ во мрачности шаяща острый взоръ,
 Вгнѣзденна жгучесть шамъ, гдѣ Царскій пыш-
 ный Дворъ,

Во облакъ густомъ надъ Думою носилась,
 Коснулась Глинскому, и въ мысль его вселилась ;
 Разсыпавъ вокругъ его туманистую мглу,
 Просперлась по его нахмуренну челу ;

Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной
 Возведши впалыя на Іоанна очи, (ночи ;
 Онъ шако рекъ возставъ : блюди твой Царскій
 санъ,

Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ.
 Тебѣ ли сѣновать, тебѣ ли Царь крушиться,
 И сладкой пищи для подданныхъ лишиться?
 Ты Богъ нашъ! Еслибъ мы могли и нищѣ
 спастись ;

То намъ ли на тебя отважишься роптать?
 Припомъ на что Казань, на что война и грады?
 Пріемлемъ безъ того изъ рукъ твоихъ награды;
 Блаженство во твоемъ владѣніи цвѣшетъ;
 Любителямъ войны и цѣлый пѣсенъ свѣтъ!
 Къ тому достойны ли любви народы оны,
 Которы бунтовавъ дерзнутъ противъ короны?
 Свидѣтелемъ тому бунтующій сей градъ,
 Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой
 братъ!

Умолкъ, и сладостью придворной оболь-
 щенны,
 Развратныя сыны казались восмищенны;
 Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣтъ;
 Ни чей не спрашенъ спалъ ласкателямъ отвѣтъ;
 На собственну корысть въ умъ они взираютъ,
 Но пользу общую ногами попираютъ.

Вдругъ будто въ пепелъ огонь, скрывая въ
 сердцѣ гнѣвъ,
 Князь Курбскій съ мѣста вспалъ, какъ ѣдкій
 ярый левъ;
 Власы вздымались, глаза его блиспали;
 Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ читали.
 На Глинскаго онъ взоръ спроптивый обративъ,
 Вышалъ: ты знаменъ Князь, но ты несправед-
 ливъ! Цѣпы, которые разсыпаны по бою,
 Ужасную змѣю скрывающъ подъ собою;
 Ты мщеніемъ однимъ за сродника горя,
 Опца у подданныхъ, отъемлешь ихъ Царя.
 Что Глинскій плаваешь въ довольствѣ и покоѣ,
 Россію счастье не сохранишь такое.
 О Царь мой! власенъ ты мою изчерпашъ кровь,
 Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
 Позволь мнѣ говорить: оставь богатству нѣги,
 Вели ты намъ прейтъ пески, и зной, и снѣги;
 Мы ради съ цѣлою вселенной воевать,
 Имѣніе и женъ гошвы забываешь,
 Гошвы защищаютъ отечество любезно;

Не рѣбками намъ бышь, но храбрыми полезно.
 Орды ужасны намъ, ужасны будемъ имъ,
 Ужасны, ежели мы лѣность побѣдимъ;
 Опмстимъ за прадедовъ, за сродниковъ не-
 щасныхъ,
 За насъ самихъ опмстимъ Ордамъ до днесь
 подвластныхъ;
 Лишь только повели, за Днепръ и за Казань,
 Въ сердцахъ мы поднесемъ войну, превогу, брань!
 Но естли праздношью себя мы безславимъ,
 И нашихъ силъ прошивъ Ордынскихъ не поста-
 вимъ,

Пойду отсель на край вселенной обитать;
 Любви къ отечеству мнѣ нечѣмъ здѣсь питать!
 Подавлена она и сокрушена лещью;
 Чины пріобрѣтать единой должно чещью,
 Служить отечеству шудами и мечемъ;
 О чещи я пекусъ, а больше ни о чемъ . . .
 Какъ море бурями опвсюду возмущенно,
 Не вдругъ при шинѣ бываетъ укрощенно:
 Таковъ и Курбскій былъ; бесѣдовать преспалъ;
 Но спонъ произносилъ и весь онъ прешпалъ.
 Въ то время Іоаннъ умильными очами
 Далъ знакъ, что Курбскаго доволенъ былъ рѣ-
 чами:

Пріятный Царскій взоръ шипая за опвѣщъ,
 Придворные и сей одобрили совѣщъ.
 Испорченный давно придворныхъ почитаньемъ,
 Схватясь за мечъ рукой, Князь Глинскій вешалъ
 съ ропшаньемъ.

Но шупъ присутствуя, какъ шихая весна,
 Адашевъ ихъ разторгъ, какъ облаки луна;
 И рекъ: какой намъ стыдъ! врагамъ какая слава!
 Отъ нашихъ неустройствъ колеблется держава.
 Теперь ли внутренни раздоры начинашь,
 Когда пришли часы отечества спасать?
 Мужайся Царь, спупай тебѣ опверстымъ слѣ-
 домъ
 Къ спасенью общему оицемъ твоимъ и дѣдомъ;

И терны оные пожни швоей рукой,
 Которые до днесъ смущаютъ нашъ покой.
 А вы, правленія почтенныя подпоры,
 Вельможи! прежніе забудьте днесъ раздоры.
 Се! намъ опечесство спеная предстоитъ;
 Оно друзьями намъ въ совѣтахъ бытъ велитъ;
 Оно рыдаючи сынамъ своимъ вѣщаетъ:
 Тотъ врагъ мой, за мои кто слезы не опшмидаетъ;
 Взгляните, говоритъ, на горы, на поля,
 Тамъ кровью Россіянъ увлажена земля;
 Тамъ ваши сродники и дѣти избіенны,
 Выходятъ изъ гробовъ на васъ ожесточенны;
 Опмстите вы за насъ, опмстите! вопіютъ;
 Не мстимъ, и нашу кровь до днесъ враги лѣютъ.
 Вельможи! какъ свою державу успокоимъ,
 Единодущія колы въ Думѣ не успроимъ?
 Презрѣнна зависть насъ снѣдаетъ и дѣлитъ,
 А честь о пишинѣ пецися намъ велитъ.
 Соединимъ сердца, раздоры позабудемъ,
 Тогда почтенными людьми мы прямо будемъ;
 Насъ Царь, опечесство къ спасенію зоветъ.
 О други! шруденъ ли на сей вопросъ отвѣтъ?

Тогда Геройства духъ, во свѣшломъ видѣ
 зримый,

Явился вкругъ всего собранія носимый;
 Спокойство сладкое на лица изливалъ,
 Жаръ бодрости въ сердцахъ Боярскихъ запылалъ,
 И рѣчь сію уста Хилкова воспрубили:
 О братія! онъ рекъ, иль бѣдство вы забыли,
 Княщее вездѣ, какъ шоки бурныхъ водъ?
 Князя за скипетры, за нихъ спрадалъ народъ,
 И буря бранная въ опечесствѣ шумѣла;
 Она близъ прехъ вѣковъ какъ громъ вездѣ гре-
 въ сіи постыдныя Россіи времяна, (мѣла;
 Погасли Княжески священны имяна;
 Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
 Изгладились слѣды Россійской древней славы,
 Иль грозныхъ дней опяшь дождатся мы хо-
 тимъ?

Что мы гнѣздилища враговъ не истребимъ?
 Россіане! изъ сей, изъ гордой сей Казани,
 Грозитъ набѣги намъ, раздоры, смуты, брани;
 Когда опечесиво погибло не совсѣмъ,
 Слѣпому щаспїю обязаны мы шѣмъ;
 Но естли гидры сей глава не сокрушишся,
 Россія имяни со временемъ лишится.
 Вельможи! презришъ насъ унывшихъ цѣлый
 свѣтъ;
 Потомкамъ плачущимъ мы должны дать отвѣтъ.
 Но царству кто изъ насъ не хочетъ обороны,
 Тотъ врагъ опечесива, врагъ вѣры, врагъ короны,
 И долженъ общее презрѣніе нести.

Князь Глинскій не умѣлъ терпѣнья соблю-
 сти:
 Садился, возспавалъ, въ лицѣ переменялся,
 И немощь возмечтавъ, изъ Думы уклонялся.

Но Царь, глаза свои возведши къ небесамъ,
 Вѣщалъ: хочу ипши, хочу на Орды самъ.
 Онъ вѣдалъ мягкое Вельможей многихъ свойство,
 И любящихъ Двора роскошное спокойство,
 Въ которое своимъ примѣромъ ихъ вовлекъ;
 Къ терпѣнью и трудамъ привлечь ихъ, тако
 рекъ:
 Вы узрите меня въ войнѣ примѣръ дающа,
 Вкущающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща;
 Я твердость понесу одну противъ враговъ:
 Мнѣ будетъ одръ земля, а небо мой покровъ;
 Труды для подданныхъ мнѣ будутъ улаж-
 деньемъ,
 Начну я собственнымъ побѣды побѣжденьемъ;
 Коль роскошь узрите когда въ шатръ моемъ,
 То въ нѣгажъ упоать позволю войскамъ всѣмъ;
 И требую отъ васъ, когда вы мнѣ послушны,
 Пребудете въ подвигахъ со мной единодушны,
 Устройте къ общему спасенію умы,
 Да Россы будучи, и братья будемъ мы.

Слова сіи сердецъ уже не премѣнили ,
Но пушимъ жаромъ ихъ къ войнѣ воспламенили,
И шумъ внимаемъ былъ какъ звукъ военныхъ
лирб ;

Казалось не на брань готовятся , на пиръ.
Но слово, кое Царь и въ тайнствѣ вѣщаетъ ,
Ни храмина въ себѣ, ни градъ не умѣщаетъ :
О скрытыхъ узнавать пекущая дѣлахъ ,
Нескромность Царску мысль выноситъ на кры-
лахъ ;

Сія позорна спрасть, принявъ лице и шѣло ,
По Царскимъ комнатамъ , по спогнамъ ходишь
Касается она Царицынымъ ушамъ , (смѣло ,
Вѣщая: Іоаннъ идетъ къ Казани самъ !
Князь Глинскій, правдою сраженъ, еще лукавилъ,
Въ ужасныхъ видахъ ей походъ Царевъ пред-
ставилъ ;

Какъ буря тихій день, въ ней сердце возмущалъ,
И смерть Монаршую супругъ предвѣщалъ.

Когда спокойствіемъ Царь и славой услаж-
Единою совѣтъ душею оживлялся ; (дался ,
Послушность ихъ была сходна водѣ рѣчной ,
Текущей по ея стремленью съ быстриной.

Вдругъ видяшь плачущу Царицу къ нимъ
входящу ,
Младенца своего въ объятіяхъ держащу ;
Казалось, отъ глазъ ея скрывался свѣтъ ,
Или сама печаль въ лицѣ ея грядетъ ;
Тоски она несла въ чертахъ изображенны ,
И руки хладныя ко персямъ приложенны.
Толь смутной иногда является луна ,
Когда шуманами обѣмлется она ,
Съ печальной помнностью лице къ землѣ скло-
няетъ ,
И видъ блистательный на блѣдный премѣняетъ.
Пришла, и на Царя взглянувъ, взрыдала вдругъ,
Скрѣпилась и рекла: ты ѣдешь мой супругъ !
Ты жизнь свою цѣной великою не ставишь ;

Но вспомни, что меня опчаянну оставишь!
 Когда не пронешься любовію моею,
 Ужель не умягчишь тебя младенецъ сей?
 У ногъ твоихъ лежишь онъ съ матерью неща-
 сной.
 Уже лишенной чувствъ, уже теперь безгласной!
 Смотри, онъ силился въ слезахъ къ тебѣ воз-
 зрѣть,
 Онъ хотѣлъ вымолвить: не дай мнѣ умереть.
 Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
 О чемъ языкъ молчишь, о томъ расскажешь взоры;
 Выдастъ онъ: спаси меня отъ сиротства,
 И мать несчастную отъ слезнаго вдовства.
 О Царь мой! о супругъ! имѣй ты жалость съ
 нами,
 Не ошдѣлись отъ насъ обширными странами,
 Военнымъ бѣдствіямъ не подвергай себя;
 Иль храбрыхъ въ царствѣ нѣтъ вельможей у тебя?
 На что отваживать тебѣ не принужденно,
 Для Россіи здравіе твое неощенно?
 Храни его для всѣхъ, для сына, для меня!
 Останься! я молю, у ногъ твоихъ спеша.
 Когда же люшый сей походъ ужъ положенъ,
 И въ брань ищи отказъ Монарху невозможенъ,
 Такъ пустьъ единою мы правимся судьбой;
 И сына и меня возми мой Царь съ тобой!
 Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
 Я камни и пески почту за брачно ложе;
 Возми съ собою насъ! . . . Какъ кедръ съ раз-
 личныхъ странъ
 Колеблемъ въпрами, былъ движимъ Іоаннъ:
 Но въ мысляхъ пребылъ твердъ . . . Царю во
 умиленіе
 Представилось у всѣхъ на лицахъ сожалѣніе;
 Слезъ токи у Бояръ рѣками потекли;
 Останься Государь! Царю они рекли.

Усердіемъ пронутый и нѣжными слезами,
 Заплаканными самъ воззрѣвъ къ нимъ Царь гла-
 зами;

Супругу вѣрную поднявъ облобызалъ ;
 Вельможамъ наконецъ такой отвѣтъ сказалъ :
 На что мнѣ быть Царемъ, коль трудъ за бремя
 ставишь ,
 И царствомъ самому отъ праздности не правишь?
 Чужими на поляхъ руками воевать ,
 И разумомъ чужимъ законы подавать ;
 Коль шишломъ мнѣ однимъ Монарха веселиться ,
 То власъ моя и пронъ со всѣми раздѣлился ;
 Я стану имянемъ единымъ обладать ,
 По томъ отъ подданныхъ законовъ ожидать ;
 Какъ плѣнникъ буду я, прикованный ко прону,
 Вожди другимъ вручивъ , къ стыду носишь ко-
 рону!
 На что же мнѣ вѣнецъ? . . . Возлюбленна моя!
 О ты, котору чпу не меньше жизни я!
 Къ тебѣ я узами сердечными привязанъ ;
 Но прежде былъ служишь отечеству обязанъ ,
 И только спалъ во свѣтъ наследникомъ рожденъ,
 По званію сему ужъ былъ предубѣжденъ ,
 Въ народномъ щасіи мое блаженство числишь,
 И собственность забывъ , о благѣ общемъ мы-
 душевны слабости и нѣги опмешаешь , (слишь.
 Во подданныхъ друзей и ближнихъ почишаешь ,
 Вотъ должностъ Царская . . . О вѣрная су-
 пруга ;
 Мой первый есть законъ отечеству услуга ;
 Не отторгай меня отъ бремани сего ,
 Которо свято есть для сердца моего ;
 Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду ,
 Супругъ и Царь тогда достойный я не буду.

Скончавшу таковы Монарху словеса ,
 Казалось, новый свѣтъ излили небеса ;
 Царица лишь одна обземлющая сына ,
 Какъ солнце зрѣлася въ зашмѣннѣи едина.

Когда отъ слезъ Монархъ Царицу ублажалъ,
 Свѣяжскій вдругъ гонецъ въ собраніе вбѣжалъ ;
 Онъ ужасъ на челѣ и видъ имѣлъ смущенный ,

И такъ оповѣстивалъ Монархомъ вопрошенный:

Измѣна, Государь, измѣна въ царствѣ есть!
Безбожный Царь Алей, забывъ законъ и честь,
Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся;
Съ Сумбекою Алей въ Казань зашворился;
Боящихся Небесъ я присланъ отъ Бояръ,
Сей новый возвѣститъ опеческву ударъ.

Имѣя Иоаннъ своимъ Алей другомъ,
Казался быть раженъ унынія недугомъ;
И рекъ въ смущеніи не умѣряя словъ:
Се нынѣшнихъ друзья изпорченныхъ вѣковъ!
Несытая корысть ихъ узы разрушаетъ,
И прелестъ женская горячность попушаетъ!
Но Адску злобу мы у нашихъ узримъ ногъ;
Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша
Велите возвѣститъ слова мои народу, Богъ!
И движемъ силы всѣ къ поспѣшному походу;
Коломна цѣлю да будетъ всѣмъ полкамъ,
Куда собравъ имъ, куда собравъ намъ;
Опшолъ попечемъ, устроивъ силы къ брани,
Подъ сѣнію Орла Россійскаго къ Казани.
Хоть весь на насъ воспокъ вооруженный зримъ,
Но съ вами въ брань идущъ я есмь непобѣдимъ!
Царица нѣжная отъ прена удалилась,
И въ сердцѣ у нее надежда поселилась.

Едва лишь возгремѣлъ во градѣ трубный
гласъ;
Духъ брани по сердцамъ простерся въ потъ же
часъ;
И храбрость на сѣнахъ вздремавшая проснулась,
На щипъ, на копье, на мечъ свой оглянулась!
Я вижу въ пражѣ васъ, орудіямъ рекла,
И пылъ съ себя спрягнувъ, по спогнамъ по
шекла;
Гдѣ праздность роскоши въ объятіяхъ гнѣзди-
лась;
Тамъ грозная война какъ огонь воспламенилась;

Зажженный пламенникъ несетъ своей рукой,
Летящъ изъ градскихъ стѣнъ утѣхи и покой,
Межъ крошкѣхъ поселянъ убѣжище находящъ;
Граждане шумъ одинъ и ужасъ производящъ.
Уже орудія звучащъ вокругъ знаменъ,
Ошмѣенъ вырвавшись готовился изъ стѣнъ;
Брони его блестящъ; прямые Царски дружки
Съ охотой жизнь несутъ отечеству въ услуги;
Въ заботѣ радостной ликующъ дома ихъ,
Нахмуренна печаль въ слезахъ сидитъ у злыхъ.

О вѣчность! обрати теченіе природы,
И живо мнѣ представь исчезнувыя годы.
Се вѣчность, возмущивъ священну тишину,
Мнѣ кажетъ ратниковъ грядущихъ на войну!
Держащій булаву и щипъ златый руками,
Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными пол-
Густыми перьями покрытъ его шоломъ, (ками,
И мнился, издающъ его доспѣхи громъ.
Не угроженіемъ, не спрогимъ разговоромъ,
Но мнился правитъ Князь полки единымъ воз-
Изъ юношей сія дружина состоитъ, ромъ.
Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ.

Блестящій мечъ нося, Князь Палецкій вы-
ходищъ,
Съ пищалями стрѣльцовъ и съ копьями выводивъ;
Вдали являюща они какъ лѣсъ густой,
И молніи родящъ оружіи чистотой;
Великое они покрыли ратью поле;
Но сильны не числомъ, а храброспѣю болѣ.

Но что воскишило вниманіе и взоръ?
Я вижу пламенныхъ Опричниковъ соборъ (*)!
Се войска цѣлаго подпора и надежда,
Сіяетъ, будто огонь, златая ихъ одежда.

(*) Опричниками назывались лучшіе воины, составляющіе гвардію Царскую.

Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной,
 Съ сердечной ревностью на воинство взираешь,
 И руки томныя на небо простираешь;
 Открылася его израненная грудь,
 О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
 Съ высокой храмины взирающей со стономъ;
 Но въ духъ подкрѣпленъ святымъ своимъ зако-
 номъ,
 Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіешь:
 Я можешь быть съ тобой въ послѣдній вижу
 свѣтъ!
 Но естли жизнь свою ты въ полъ и сста-
 вишь;
 Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
 Небесный обрѣши, или земный вѣнецъ;
 А естли я умру, то Царь тебѣ отецъ.
 Тамъ смотря мамери на чадъ во умиленъ —
 Но все умолкло вдругъ, зрю новое явленье!
 Просерши взоръ къ Царю чертоговъ съ высоты,
 Царица нѣжная въ слезахъ мнѣ зришься ты!
 Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно просишь,
 Младенца своего на раменахъ возносишь;
 Распрепанны власы; взоръ томный, блѣдный
 видъ;
 Поколебалъ Царя! . . . Но спонъ въ груди былъ
 скрытъ;
 Слезъ капли оперевъ, взглянулъ на мечъ, на
 войски,
 И чувства на лицѣ изобразилъ геройски;
 Еще мнѣ видится съ небесъ простерта длань,
 Вначающа полки, грядущіе на брань.

Но пусть къ Ордамъ несетъ Россійскій
 Марсъ перуны,
 Хочу переменить на звучной лирѣ струны;
 Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
 Воззримъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
 О Музы! лиру мнѣ гремящу переспстройте,
 И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ
 пойте;

Дабы за вами въ слѣдъ мой духъ быспрѣй па-
рилъ,
Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ
Еще опдалены побѣдоносны брани, Скриль;
Въщайте трепетъ, ласку и жироссти Казани!

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Уже блюстишели Казанскія измѣны,
Восходящѣ высоко Свѣжски горды спѣны;
Сумбекъ городъ сей былъ шучей громовой,
Висящей надъ ея пресполомъ и главой,
И Волга зря его, свои помчала волны,
Россѣйской славою, Тамарскимъ страхомъ полны;
Ужасну вѣсть Ордамъ о градъ принесла;
Въ Казанъ смущная опасность возрасла,
Надежда отъ сердецъ кичливыхъ удалилась,
И махеръ безпокойствъ, въ нихъ робость посе-
лилась:
У дня отъземлетъ свѣтъ, спокойствію у нощей,
Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;
При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слышны
громы;
Въ дыму и въ пламени имъ кажутся ихъ дома:
Обвишый въ черную одежду общій страхъ,
Казанцамъ видится на спогнахъ и спѣнахъ;
Кровавый мечъ въ рукъ онъ зрится имъ носящимъ,
Луну дрожащу съѣчь съ ихъ капищей жпящимъ;
Имъ часто слышится въ полночный тихій часъ,
Поющихъ Христіянъ благочестивый гласъ;
Священный зрится крестъ, рушитель ихъ покою,
Начертанъ въ воздухъ невидимой рукою.
Народамъ такъ грозилъ вселенныя Творецъ,
Когда державъ ихъ готовилъ Онъ конецъ.

Какъ будто жили Енопскія Додоны,
Отъ коихъ древнія родились Мирмидоны,
Разъярена Орда, посылавъ грозу брань,

Изъ дальныхъ самыхъ мѣстъ подвиглася въ Ка-
 Уже обильные луга опустошили, (зань.
 Которыхъ Россіянъ ихъ праотцы лишили.
 Подъ сѣнь Казанскую народы пришекли,
 Которы святоспи кумировъ предпочли;
 Отъ бурныя Суры, отъ Камы быспропечной,
 Семейспва движутся Орды безчеловѣчной.
 Поля оставили и Волжскій покъ рѣки,
 Языческихъ боговъ носящи Остѣки,
 Ихъ нѣкій страхъ съ луговъ подъ градски спѣ-
 ны гонитъ;
 Увидя ихъ Казань, главу на перси клонитъ!
 Бойницы множитъ вокругъ, огромность стѣнъ
 крѣпитъ;
 Но ими окруженъ, народъ не сладко спитъ:
 Онъ слышитъ стукъ мечей и трубны въ полѣ
 звуки,
 Возноситъ къ небесамъ препещущія руки;
 Но Богъ, развратныя сердца познавъ въ нихъ,
 Ликъ свѣтлый отвратилъ, отринувъ прозбы ихъ,
 И мраки въ воздухъ ихъ вопли препинали!
 Упала шма на градъ, шамъ стѣны возспенали!
 Казалось небеса паденіемъ грозятъ;
 Казанцы помну грудь въ опчаянѣ разятъ.
 Но гордость тяжкому спенанію не внемлетъ,
 Изъ моря общихъ золъ главу она подвемлетъ,
 И попирающа ногой своей народъ,
 Съ его унынія пожаши жошетъ плодъ:
 Вѣщаютъ рѣки брань, поля ее вѣщаютъ;
 Но духа гордыя Сумбеки не смущаютъ.
 Въ то время Фурія, палаща смертныхъ кровь,
 Рожденная во шмѣ развратная любовь,
 Которая крушитъ и мучитъ челоуковъ,
 Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ;
 Не та, копорая вселенной въ юныхъ дняхъ,
 Отъ пѣны сребряной родилася во волнахъ,
 Сія вещей союзъ во свѣтѣ соспавляетъ;
 Другая рѣшитъ все, все портитъ, разспавляетъ.
 Такю былъ Иракль къ Омфалъ распаленъ,
 Такой Целсеевъ сынъ подъ Троей ослѣпленъ;

На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима,
 Когда вздыхалъ на нихъ преобразившъ Рима;
 Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
 И шокмо вздохами питаеися она,
 Тоской, мученьями и плачемъ веселился.
 Развратныхъ ищетъ душъ, алкая въ нихъ все-
 лишься.

Пришедша посѣпипъ восточную сипрану,
 На тронъ зришъ она прекрасную жену;
 Ея спенанію, ея желаньямъ внемлетъ,
 И пламенникъ она и крылія пріемлетъ,
 Сумбекъ предстоитъ, раждаетъ огонь въ крови,
 Вѣщая: тягостны короны безъ любви,
 Противна безъ нее блестящая порфира,
 И скучны безъ любви блаженствы здѣшня мѣра;
 Дай мѣсто въ сердцѣ мнѣ, будь жрицею моею,
 И не спрашисъ войны, коварствъ, ни маетежей.
 Мечтами лесными Сумбеку услаждаетъ,
 И сладкій ядъ свой пипъ Царицу убѣждаетъ;
 Она какъ плѣнница за ней спремится въ слѣдъ,
 Закрывъ свои глаза, идетъ въ пучину бѣдъ.

Сумбекъ на яву, Сумбекъ въ сновидѣньѣ,
 Столицы и вѣнца является паденье,
 Ей вопли слышатся, ей шѣни предстоятъ:
 Лишишься царства ты! и день и ночь пвердятъ.
 Ея трепещетъ тронъ, и нѣкій духъ незримый
 Отъ юности ея на Камѣ ея чпимый,
 Сей духъ, Перуновымъ разрушенный огнемъ,
 Сумбекъ видится и нощю и днемъ;
 Онъ перси молніей является опаленны,
 Кровавое чело и члены раздробленны.
 Жестокая любовь! колико ты сильна!
 Ни спраха, ни угрозъ не чувствуетъ она.
 Сумбека собственну напасъ пренебрегаетъ,
 Не къ браннымъ помысламъ, къ любовнымъ при-
 бѣгаетъ,
 Къ сему орудію коварствующихъ женъ;
 О! кто не знаетъ ихъ, шотъ подлинно блаженъ!
 Она казалась бытъ Ордынцами владѣя,

Киприда красотой, а хитроспью Цирцея,
Для выгодъ собственныхъ любила Царскій санъ;
Смущали душу въ ней, не брани, Князь Ос-
манъ (*),

Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
Любовью тающей, въ любви неблагодарный;
Османъ, Таврискій Князь, былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змѣя, лежаща межъ цвѣтовъ:
Приблизиться къ себѣ прохожихъ допускаетъ,
Но жало усремивъ, свирѣпость насыщаетъ.
Сумбекъ агнца онъ въ лицѣ своемъ явилъ,
И сердце еспрастью въ ней какъ жаломъ уязвилъ.
Царица пламенной любовью возженна,
Жестокимъ Княземъ симъ была пренебреженна,
Познала, что уже обманута она,
Не вѣренъ ей Османъ, она ему вѣрна;
Эмира взоръ его и сердце оповратила,
Которую какъ дочь Сумбека возростила.
Часы опсущствія, въ свиданьѣ мрачный взглядъ,
Во грудь Царицыну вливали смертный ядъ;
Утѣхи, коими до днесь она пишалась,
Изъ сердца вснѣ ушли, надежда въ немъ осталась,
Надежда! слабый другъ несчастливыхъ людей,
Единой тѣнью льстивъ послушницъ своей.
Когда умножилась народныхъ скорбей сила,
И робость вокругъ нее спокойство погасила;
Когда Казань власы въ опчаяньѣ рвала,
Она въ чертогъ къ себѣ Сеита призвала.
Сей извергъ первый былъ чиновникъ ихъ закона;
Хотѣла удалить его она отъ прона;
Ему прощивенъ былъ и спрашенъ Князь Османъ;
Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ;
На кровь Османову горшанъ его зѣяла;
Сему вступившему Сумбека вопіяла:

Мы гибнемъ всѣ теперь! се близокъ гроз-
ный день,

(*) Подлинное его имя Уланъ Кацакъ.

Который вѣчную сулишь Казани шѣнь!
 Прибѣгнушь надлежишь боговъ моихъ ко храму:
 Иди, почтенный мужъ, иди теперь на Каму,
 Богатства въ даръ богамъ и жершвы понеси,
 Живущихъ шамъ духовъ опѣша испроси,
 На насъ ли громъ они, или на Россовъ кло-
 няшь?
 Вручаешь ли имъ Казань, иль насъ опселя изго-
 няшь:

Когда цвѣтущіе вѣла я тамо дни,
 Опѣшы ясныя давали мнѣ они;
 Прошиву Христіянъ питающей злодѣйство,
 Мнѣ страшное открыли чародѣйство;
 Могла я приказать свѣшиламъ печь назадъ;
 Но царствуя Ордой, забыла грозный адъ;
 Внушенія боговъ при томъ не забывала:
 Я кровь Россійскую рѣками проливала.
 За жершвы шаковы награды я хочу:
 Народу, сыну я спасенія ищу;
 И естли помнишь ты и любишь Сафгиря,
 Спѣши, вниманіе къ его вдовѣ имѣя,
 Спѣши для царства ты, для вѣры, для себя!
 Коль сила есть въ богахъ, послушаютъ тебя...
 Сеишь съ молчаніемъ опъ трона удалися,
 На многи дни въ степяхъ походъ его продлился.
 Сумбека преуспѣвъ Сеиша отдалишь,
 Намѣрилась престолъ съ Османомъ раздѣлить.

Но Богъ намѣренъ людскія разрушаетъ,
 И гордость какъ просирикъ джновеніемъ сокру-
 шаетъ,
 Зришь наши Онъ сердца съ небесной высоты,
 Людскіе помыслы развѣетъ какъ мечты.

Увидя жителей опчаянныхъ Казани,
 Вносящихъ къ небесамъ прелещущія длани;
 Престольный видя градъ уныніемъ пораженъ,
 Внимающа дѣвицъ рыданіе и женъ,
 Сумбека собственну преволгу въ сердце скрыла,
 Народъ созвавъ, лице и голосъ припворила.

О мужи храбрые! она вѣщаетъ имъ,
 Отъ ксихъ препешалъ и Греція и Римъ,
 Которы имянемъ Чингиса и Аппилы,
 Явили спрашными свои народамъ силы;
 Которыхъ мужествомъ исполненъ цѣлый свѣтъ;
 Вы, коихъ Скиѣми вселенная зоветъ!
 Скажите мнѣ, сеголь колѣна вы попомки,
 Которы славою во всей вселенной громки?
 Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы,
 Давали Княжески по выбору вѣнцы?
 Какъ полночь робкая, въ Казань простерши длани,
 Намъ вѣрностью клялась и приносила дани!
 Довольно было намъ содѣлать знакъ рукой,
 Чтѣбъ градамъ ихъ пылать и рушить ихъ покой,
 Возжечь въ народъ семъ войну междоусобну,
 Родства оковы рвать и зависъ сѣять злобну.
 Еще на тѣхъ горахъ споймъ нашъ гордый градъ,
 На коихъ страшенъ былъ его Россіи взглядъ;
 Еще ты Волжская струя не уменьшилась,
 А прежней лѣпоны Казань уже лишилась;
 Взведемъ ли очи мы на сѣверъ съ нашихъ горъ,
 Тамъ нашей власти вокругъ уже не кажетъ взоръ;
 Но что я говорю о даняхъ и о славѣ?
 Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
 И щасъе учинивъ упрямый оборотъ,
 Порабощаетъ ихъ закону мой народъ;
 Свѣжскъ раждается, коль дивныя премѣны!
 Уже къ намъ движущся Россійски съ громомъ
 снѣжны.

Но кто сїи враги, которые намъ грозятъ,
 Которы ужасомъ сердца у васъ разятъ?
 То наши данники, то слабые народы,
 Которыхъ жизни мы лишали и свободы.
 О! ежели сїи враги ужасны вамъ,
 Возмите посохи, спупайте ко спадамъ;
 Не шлемами главы, украсыте ихъ вѣнцами,
 Женopodobными гордитесь вы сердцами;
 И въ роскошахъ уснувъ на гордыхъ сихъ бре-
 гахъ,
 Гдѣ прежде обиталъ духъ бодрости и страхъ,

Забудьте предковъ вы, опечесство забудьте ;
 Или проснишесь и паки Скиѣи будьте.
 Надежды въ браняхъ вамъ когда не подаетъ ,
 Во мнѣ мой слабый полъ , сыновнихъ юность
 лѣтъ ,
 Что дѣлать ? Я должна супруга вамъ предста-
 вишь ,
 Который бы умѣлъ Ордынскимъ царствомъ пра-
 вишь ;
 Подъ видомъ бодрости Сумбека скрыла спрасъ ;
 Уничижаяся, усилишь часъ властъ ,
 И виды льстивые дающая обману ,
 Не къ благу общему, склоняетъ мысль къ Осману.

Но вдругъ въ окружности, спирался гдѣ на-
 родъ ,
 Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ ;
 Предсталъ онъ весь покрытъ и шиной и правою,
 Попоки мутные опряживалъ главою,
 Очами грозными Казанцовъ возмущалъ ;
 Увы, Казань! увы! спеная онъ въщалъ ,
 Не жить Ордынцамъ здѣсь ! . . . Смущенные
 рѣчами
 Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами ?
 Но посланъ шаршаромъ, иль волею небесъ ,
 Сей мужъ невидимъ спалъ , и яко дымъ исчезъ.

Боязнь, которая ихъ чувства убивала ,
 То знаменіе имъ въ погибель полковала.
 Пророчесствомъ сіе явленіе почли ;
 До самыхъ облаковъ спенанья вознесли ;
 Свое производя изъ вида примѣчанье ,
 Во смутномъ весь народъ являеся молчанье ;
 На лицахъ кажется, на смутныхъ ихъ очахъ ,
 Тоска, опчаянье, уныніе и страхъ.

И се ! предсталъ очамъ Казанскихъ золъ
 рачитель ;
 Сеишь, закона ихъ начальникъ и учитель ;
 Какъ будто страшною мечтою пораженъ ,

Или кровавыми мечами окруженъ ;
 Или вспрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи :
 Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи ;
 Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ ,
 Какъ спрашнымъ львомъ гоимъ въ собраніе
 вбѣжалъ.

Пріобрѣтаючи вельможи раны къ ранамъ ,
 Казались каменнымъ подобны испуканамъ.
 Собравъ разсѣянныхъ свихъ остатокъ силъ ,
 И руки вознося, сей сшарецъ возгласилъ :
 О братія мои и други! горе! горе!
 Иль молніями насъ постигнетъ небо векоръ ;
 Или уста свои разпоргнувъ спрашный адъ ,
 Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный
 градъ ;

Сквозь мраки вѣчности я вижу руку мстѣщую ,
 Огонь, войну и смерть на насъ послать жгущую ;
 Я слышу день и ночь , смущаясь вѣщаетъ онъ ,
 Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!
 Ходилъ не давно я спокоитъ духъ смущенный,
 На Камскіе берега, во градъ опустошенный ,
 Определеніе проникнуши небесъ :
 Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ ,
 И спросилъ духовъ, во градъ семъ живущихъ ,
 Въ сомнительныхъ дѣлахъ опвѣты подающихъ ;
 Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и
 правой ;

Опвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой ,
 Опчаянье и стонъ, во храмъ нами чшимомъ ;
 И вдругъ покрылась вся поверхность чернымъ
 дымомъ ;

Увидѣлъ я изъ ней лещащую змѣю ,
 Въ громахъ вѣщающую гибель мнѣ сію :
 Напрасно чшупъ меня и славяиъ человекъ ,
 И вы гибненье и я гибнѣю на вѣки!
 Змѣй пламенной спрѣлой ко западу упалъ ,
 Внимающій ему окамененъ я спалъ.
 О други! сиры спавъ въ опасностяхъ безмѣр-
 ныхъ ,
 Пойдемъ и призовемъ Срадинъ единовѣрныхъ ;

Они на вопли женѣ, на слезы пришекутъ ,
И нашу зыблему державу подопрутъ . . .
Въщая тѣ слова, онѣ ризу раздираютъ ,
Возкрикнувъ: тако Богъ насъ въ гнѣвъ покараетъ!
Ко суевѣрїю сей склонный человекъ ,
Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекъ въ страхѣ
рекъ :

Имѣя смутну мысль и душу возмущенну ,
Когда приблизился я къ лѣсу освященну ,
Гдѣ солнца не видашь, ни свѣтлыя зари ,
Гдѣ наши древнїе покояшся Цари ;
Увидѣвъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
И мнѣ сїи слова съ сненанїемъ гласящу :
О спарче! поспѣшай, Сумбекъ объяви ,
Да сладостной она пропитавшя любви.
Хочу, да избереши себѣ она въ супруга ,
Престола Царскаго и пользы общей друга ;
Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойствію при-
зовеши !

Подобно какъ Борей въ пучинѣ заревеши ,
У плаващелей страхъ искусство ихъ отъемлещи,
Разсудку здравому никто уже не внемлещи :
Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ ;
Пронзающа облака смѣшенный нѣкій гласъ ;
Но гордостъ при такихъ волненїяхъ не дрем-
лещи ,
Приговорство видѣ любви къ отечеству прїем-
лещи ;
Вельможи гордые на проиѣ завистно зрящи ,
Народъ склонили къ себѣ желанїемъ горячи.
Казанскій Князь Сагрунъ (*) заслуги изчисляещи,
Которыми права къ державѣ подкрѣпляетъ ,
Чего намъ ждатель? онъ въ грудь бьющій гово-
риши ;
Погибли мы, когда Москва насъ покоритъ !
Мы будемъ изъ своихъ селеній извлеченны ,

(*) Подлинное его имя Чапкуиъ.

И горь во вѣнченность на вѣки заключенны ;
 Отнимешь свѣтъ у насъ блестящій потъ мѣ-
 шалъ ,
 Который у враговъ Казани , богомъ спалъ .
 Нѣтъ мира намъ съ Москвой ! коль градъ спаси
 хоще ,
 Другова , иль меня на царство избери
 Сейтъ со Княземъ симъ единомышленъ былъ ,
 Въ немъ нравы онъ , своимъ подобные любилъ ;
 Тебѣ принадлежишь , онъ рекъ , съ Сумбекъ ой цар-
 ство
 Ты знаешь , какъ спасаешь отъ Россовъ государ-
 ство ;
 Но злобу посрамишь и гордость ихъ попрашь ,
 Алея предлагалъ Гирей Царемъ избрать ;
 Уже Алей , онъ рекъ , два раза нами правилъ ,
 Но видя нашу лѣсть , Казанскій тронъ оставилъ ;
 Возвемъ къ нему еще , корону поднесемъ :
 Чрезъ то Свѣяжскъ падетъ , чрезъ то себя спа-
 семъ .

Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась ,
 И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ прекло-
 нялась ;
 Являлся вдали , какъ новый Энкеладъ ,
 Который будто бы возспалъ , пресиливъ адъ ;
 То Князь былъ Аспалонъ : онъ шелъ горь по-
 добенъ ;
 Сей выпязь цѣлый полкъ единъ попрашь удобенъ ,
 Отваженъ , лютъ , свирѣпъ сей врагъ Россіянъ
 былъ ,
 Во браняхъ , какъ простинокъ , соперниковъ ру-
 билъ ;
 Пошелъ въ средину онъ покрытъ броней златою ,
 И палицей народъ раздвинувъ предъ собою ,
 Какъ гласомъ многихъ трубъ , вѣщалъ Казан-
 цамъ онъ :
 Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный
 Аспалонъ !
 Я слова украшаю цвѣтами не умѣю ,

Но храбрость лишь одну и силу я имѣю.
 При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхвѣ-
 шилъ,
 Который множествомъ поднятъ не можно силъ,
 Одной рукой его поставилъ надъ главою;
 Кто силой одаренъ, въщаеиъ, таковою?
 Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
 И въ землю часть его уходитъ глубоко;
 Вотъ опытъ силъ мсихъ, онъ рекъ, шумящъ
 бронями;
 Закроешь моею вы грудью, не спѣнами,
 Готовъ я гнать одинъ Россійскіе полки;
 Но требую во мзду Царицыной руки,
 Въ награду не хочу всего Казанска злата,
 Сумбека за труды едина мнѣ заплаша;
 Когда не примете желанья моего,
 Поспѣшно выду вонъ изъ города сего;
 И все собраніе окинулъ спрашнымъ окомъ.

Народъ казался бытъ въ молчаніи глубокомъ;
 Но имъ спокойства въ немъ представилась заря;
 Уже хотѣли всѣ признаи въ немъ Царя;
 Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны
 были,
 И съ Княземъ въ бракъ вступитъ Сумбекъ при-
 судили.

Какой погибельный Сумбекъ приговоръ!
 Она пошупила въ слезахъ прекрасный взоръ.
 Такъ плѣнникъ, чающій пріятныя свободы,
 И льстящійся прожитъ съ весельемъ многи годы,
 Со страхомъ видитъ цѣпь несомую къ нему,
 Предвѣщающую всегдашній плѣнъ ему.

Сумбека гдѣ себя Царицей почиала,
 Сумбека въ царствѣ томъ невольницею спала;
 Рабы противъ ея свободы возстаютъ,
 И сердца раздѣлитъ съ Османомъ не дають.

Томленна горестью, въ печали углубленна,

Любезный зракъ нося въ груди Царица ялѣнна,
Вѣщаетъ къ подданнымъ, смущаясь и снѣня :
Вы въ жертву лютоствамъ приносите меня !
Такъ вы Царя сего, котораго любили ,
Неблагодарные ! въ лицѣ моемъ забыли ;
Но бысть моихъ рабовъ работою не хочу ,
И прежде землю я и небо возмущу ,
Подамъ лунѣ самой и солнцу я ушавы ,
Чѣмъ вы похищите и власъ мою и правы .
Въ лицѣ сѣ ея стыдомъ изображался гнѣвъ .

Такожъ является свирѣль и грозенъ левъ ,
Когда опрѣзавъ пущь ему къ лѣсамъ и къ полю ,
Безстрашные ловцы влекучъ его въ наволою .
Въ народѣ воспаетъ необычайный шумъ ;
Сумбекинъ движимъ былъ какъ будто море умъ ;
Любовь огни свои въ Сумбекѣ разжигаетъ ,
Тяжелу цѣпь сна на гордость налагаетъ ;
Предпечу слабости спонъ тяжкѣй извлекла .
Сумбека спросилю смягченная рекла :
Увы ! мнѣ дорого отечество любезно ,
Царя назначишь вамъ и мнѣ и вамъ полезно ;
Но паче утвердишь согласіе мое ,
Потребна склонность мнѣ и время на сіе : . . .
Позвольте мнѣ моею послѣдней волей льститься !
При сихъ словахъ шокъ слезъ изъ глазъ ея ка-
тился .
Вѣщала, и народъ къ послушности склонилъ ,
Хотѣла не любовь, но время опмѣнить .

Но вдругъ нечпущаго ни правилъ ни зако-
новъ ,
Гремящій голосъ былъ услышанъ Аспалоновъ ,
Сумбеки хипросью, вѣщаль , ожесточенъ ,
Я долго не привыкъ бысть въ стѣны заключенъ ;
Доколь рога луны въ кругъ полный не сом-
кнулся ,
Стопы мои бреговъ Казанскихъ не коснутся ;
Но я клянусь мечемъ, и клятву сдѣлавъ льщусь ,
Что презрѣннымъ опсель тогда не возвращусь ;

А естъли кто иной свою получитъ руку,
Погибнетъ! палицу я спавлю вамъ въ поруку.
И палицу сію в-зложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.

Какъ съ корнемъ дерева, верхи съ домовъ
срывая,
Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
Куда свирѣпый вихрь поднявшись ей прешитъ,
Усшая грудь Борей на градъ ее спремитъ;
Подобно Аспалонъ при новомъ приближеньѣ,
Наполнилъ ужасомъ Казанцовъ воображенъе,
Къ паденью чаюпъ зрѣтъ склоняющійся градъ,
Коль въ бракъ не вступитъ онъ, пришедъ въ
Казань назадъ.

Сумбека изпребитъ печали удрученъе,
Пріемлетъ на себя о бракъ попеченъе;
Вы знаете, она Казанцамъ говоритъ,
Что сердца моего боязнъ не покоритъ;
Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
Коль нужно, возмущу и небо я и землю!
Мнѣ сила полная надъ шарпаромъ дана,
Не устрашитъ меня Россійская война.
О! естъли адъ меня Казанцы не обманетъ,
Земля дрожатъ начнешъ, и громъ предъ нами
За слезы я мои, за ваши опомщю, (гранешъ;
Спокойтесь! вамъ Царя достойнаго сыщу.

Но страхъ съ полночныхъ странъ, угрозы
Аспалона,
Сумбекины слова, ея пресполъ, корона,
Ввергающъ въ бурныя сумнѣнія народъ;
Народъ колеблется, какъ въпромъ шоки водъ.

Въ любовныхъ помыслахъ, какъ въ тмѣ ноч-
ной сокрыта,
Сумбека свой народъ послала предъ Сеипа;
Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдсвахъ
имъ,

Отправила его съ прошенемъ, рабскимъ въ
Крымъ.

Царица между шѣмъ въ зелену рощу входитъ,
На миршовы древа печальный взоръ возводитъ;
Ципериныхъ она встрѣчая тамо пшшцъ,
Лобзающихся зршъ на въшвахъ голубицъ;
Тамъ нѣжныхъ горлицъ зршъ во вѣки нераз-
лучныхъ,
Взаимнымъ пламенемъ любви благополучныхъ;
Румяностью заръ подобные цвѣты,
Какъ спѣны видимы тамъ розовы кусты;
Все тамо нѣжшся, вздыхаетъ, шаетъ, любитъ,
Тоску Сумбекину то зрѣлице сугубитъ;
Казалось межъ древесъ играя съ мракомъ свѣтъ,
Къ любовнымъ нѣжностямъ входящаго зоветъ.
Но будто рокъ ея Сумбекъ возвѣспили,
Сокрылись прелести, которы вшрамъ льстили;
Вздыхаетъ и сдержатъ она не можетъ слезъ.
Увидѣла она Османа межъ древесъ;
Имѣлъ въ рукахъ своихъ Османъ златую лиру,
И тихимъ голосомъ произносилъ Эмиру.
Любовной пѣсни слогъ и нѣжной лиры звонъ,
Извлекъ у спраждущей Сумбеки тяжкій спонъ;
Пронзая въшви спонъ, листы привелъ въ дви-
женъе,
И сладкое смущилъ въ Османѣ воображенъе;
Сумбеку нѣжности къ невѣрному влекли;
Но видетъ слезный взоръ и смущный видъ вдали,
Который предвѣщалъ Царицѣ учасъ слезну?
Уже изъ града скрылъ Османъ свою любезну.
Еще въ незнающей гибели такой,
Надеждой подкрѣпленъ Сумбекинъ былъ покой;
Она въ очахъ его любви искавъ, вѣщаетъ:
Сумбека нѣжная вины швои прощаетъ,
Забвенью предаю пошoki слезъ моихъ,
Которыя лились онъ сшрогостей швоихъ;
Пускай надеждою пустою обольщенны,
Мной будущъ всѣ Цари Ордынскіе прельщенны;
Единаго шебя съ горячностью любя,

И сердце и престолъ имѣю для тебя ;
 Намѣренью препятствъ ни малыхъ не встрѣ-
 чаемъ ;
 Пойдемъ передъ олтарь, и нѣжноспѣ увѣнчаемъ!

Какъ будто устрашенъ упавшимъ камнемъ
 съ горъ ,
 Бесовѣстный Османъ потупилъ смущенный взоръ,
 Въ которомъ темнопа казалась мрачной ночи ;
 Достойныль прелести пакія видѣть очи !
 Мучительный въ его груди спирался спонъ ;
 Но глазъ не возводя, сказалъ Царицѣ онъ :
 Я жизнь могу вкушать пріятну безъ короны ,
 Безъ той всегдашняго спокойствію препоны ;
 Изъ подданныхъ меня ты хочешь возвести
 На тронъ, основанный на мятежахъ и лести ;
 За щедрости твои уже народъ твой злится ,
 Что будетъ, коль престолъ со мною раздѣлится?
 Моей судьбинѣ злой подвергну и тебя ;
 Тони меня опеешь, но ахъ! спасай себя !

Когда сѣи слова изъ устъ его лепѣли ,
 Вдругъ миршвы дѣва по рошѣ зашумѣли ;
 Пужливы горлицы скрывались по кустамъ ,
 И крыльями онѣ зашрепетами тамъ .
 Не Прогниа сестра то яспреба пужалась ,
 Не туча съ градомъ то и съ громомъ прибли-
 жалась ,
 Страшнѣе молніи къ Сумбекъ вѣсть неслась ,
 И снужа у нее по сердцу пролилась .

Бѣгущи дѣвы къ ней Сумбекинъ духъ сму-
 щающъ ;
 Эмиринъ ей побѣгъ изъ града возвѣщающъ :
 Со множествомъ она Османовыхъ богатствъ ,
 Подъ Княжымъ имянемъ не видяща препятствъ ,
 Къ Таврійской шествіе направила границъ .
 Громовый сей ударъ приносилъ смерть Царицѣ ;
 Какъ будто зря главу Горгонину она ,
 Движенія была надолго лишена ;

Наполнилъ сердце мразь, горько гдѣ прежде
 пламень;
 Пресбращалася Аглавра шако въ камень;
 Скипѣлася у ней и застудилась кровь.
 О коль мучительна презрѣнная любовь!
 Трепещущій Османъ стыдишся и блѣднѣешь;
 Сумбека силъ еще и плакать не имѣешь!
 Но духа укротивъ шревогу своего,
 Се корень, вопіешь, привѣстна твоего!
 Увы! не нѣжна мать тебя носила въ чревѣ;
 Ты львицею рожденъ, изверженъ адомъ въ гнѣвъ,
 Не здѣшнихъ мысленныхъ ты хочешь скрыться
 бѣдъ,
 Бѣжишь ты отъ любви другой любви во слѣдъ;
 Но сердце я мое на все теперь опважу:
 Возмите, вопіешь, измѣнника подъ стражу!

Какъ будто ей бѣдой сѣя грозила рѣчь,
 Изъ глазъ ея рѣкой пустились слезы печь;
 Бѣжитъ въ чертогъ къ себѣ, собою не владея,
 Распрепаны власы и блѣдный видъ имѣя;
 За ней послѣдуютъ тоска, печаль и спѣхъ,
 Забвенъ любезный сынъ, забвенъ вѣнецъ и трѣхъ,
 Лежитъ поверженна къ ногамъ ея порфира,
 И въ мысляхъ царства нѣтъ, едина въ нихъ
 Эмира!
 Какъ львица злобствуетъ, въ груди стрѣлу
 имѣвъ,
 Сумбекинъ шакъ на всѣхъ простерся первый гнѣвъ;
 Въ болѣзнь сердечная пресбращилась рана;
 Встаетъ, великъ отъ узъ освободить Османа;
 Но вспомнивъ, что уже Эмиры въ градъ нѣтъ,
 О духи адскіе! въ свирѣпствѣ вопіешь,
 Свое покорство мнѣ и силу вы явите,
 Измѣнницу въ ея пупи ссѣпановите,
 Представьте вы ее на муки въ сей мнѣ часъ! . . .
 Вѣщаетъ; но ея невнятенъ аду гласъ;
 Тогда къ подѣйствію надъ шартаромъ потребны,
 Произнесла сна еще слова волшебны:
 Змію въ кошлѣ варишь, Кавказскій корень шрешь;

Дрожащею рукой извишый пруть береть,
 И пламеннымъ главу убрусомъ обвиваетъ;
 Луну съ небесъ, духовъ изъ ада призываетъ;
 Но адскій Князь отъ ней сокрылъ печальный
 зракъ;
 Сумбека видя въ кругу единый только мракъ,
 Искусствомъ чародѣйствъ черпы изображенны,
 Теряютъ силу ихъ, или пренебреженны:
 Молчащій адъ предъ ней самой наноситъ страхъ;
 Тоска въ ея душѣ, опчаянье въ очахъ,
 Безмѣрна грусть ея и гнѣвъ ея безмѣренъ;
 Вскричала: мрачный адъ! и ты мнѣ спалъ не
 вѣренъ!
 Или ты, злобы Царь! безчувственъ спалъ и
 нѣмъ?
 Нѣтъ! тартаръ не исчезъ, онъ въ сердцѣ весь
 моемъ!
 Я мщенья моего безъ дѣйства не оставлю;
 Въ любви безсильна ставъ, враждой себя про-
 славлю! . . .

Медея такова казалася спрашна,
 Когда Язону мстить спремилася она.

Но око Божіе на полночь обращенно,
 И чернокнижія свирѣпствомъ возмущенно,
 На сей вѣло разъ гееннѣ замолчать,
 Ко дверямъ приложивъ ужасную печать.
 Священный крестъ сія печать изображала;
 Гнепомая крестомъ, геенна задрожала;
 Сіяніемъ своимъ небесный сныи знакъ,
 Въ подземной пропасти сугубитъ вѣчный мракъ,
 И козни бѣдственныхъ замкнулись чарованій;
 Не видно ихъ торжествъ, не видно пированій,
 Въ срединѣ тартара свободы лишены,
 Въ оковахъ пламенныхъ лежатъ заключены.

Такъ басни о сынахъ Эоловыхъ полкуютъ,
 Которы въ сердцѣ горъ заключены бунтуютъ;
 Тамъ слышенъ шумъ отъ нихъ, бореи и стонъ,
 Колебля гору всю, не могутъ выйти вонъ.

Спокойство потерявъ сѣдящая на тронѣ;
Сумбека спраждущей подобилась Дидонѣ;
Лежаща на одрѣ попоки слезъ лїетъ,
Почто любила я? спрадая вопїетъ.

Познавъ, что адъ молчитъ, что ей любовь
не внемлетъ,
Сумбека ядъ принять въ безумствѣ предпрїем-
летъ,
И хочетъ прекратитъ болѣзнь въ единый разъ;
Но нѣкій внутренній и тихій слышитъ гласъ:
Оставь, вѣщаетъ онъ, оставь печаль и злобу,
Иди несчастная къ супружескому гробу:
Услышитъ онъ него спасительный отвѣтъ;
Иди и упреждай Сумбека дневный свѣтъ!

Богъ чуднымъ промысломъ спасаетъ чело-
вѣка!
Движенью тайному покорствуетъ Сумбека!
Тоска исчезла вдругъ; воскресла пвердость въ ней;
Исполнитъ хочетъ то, что гласъ внушаетъ ей;
На время зажила ея сердечна рана;
Коль вѣритъ лъзя тому, забыла и Османа.

Когда покровы ночь раскинетъ надъ землею,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она неколебима спрахомъ,
Ишти бесѣдовавъ за градъ съ супружнимъ пра-
хомъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскихъ видѣнь
лѣсъ,

Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки ,
Проходимъ дивные являющи призраки ;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ ;
Трепещущи листья дають печальный стонъ ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ ,
Тамъ вянутъ вокругъ цвѣты , кустарники жел-
тѣютъ ;

Когда усыплень ночь звѣздами небеса ,
Тамъ кажутся въ огнь ходящи деревья ;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бур-
ный пламень ;

Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень ;
Не молкнень шумъ и спукъ, тамъ вѣчно спрахъ
не спитъ ,

И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ ;
Пылаетъ гордый дубъ и попопы маслины ,
Повсюду слышатся зыванія и свисты ;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ ,
Онъ шумомъ ужасу дубравъ придаетъ ;
Непоспѣжимый спрахъ входящаго встрѣчаетъ :
Лѣсъ воеетъ, адъ ему спенаньемъ отвѣчаетъ .
Вѣщаютъ , что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ Небесъ не смѣлъ вступать никто ;
Издравле для прохладъ природою основанъ ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ .

Среди дубравы сей обширно мѣсто есть ,
На коемъ должное вниманіе и лесъ ,

Надъ тлѣнной жертвою они земной утробы ,
Возстали Царямъ Казанскимъ горды гробы ;
Которыхъ грозная не опдала война ,
Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей пошлена.

О коль такая честь тщетна для человека!
Въ сей лѣсѣ печальная должна иппи Сумбека ;
Не можетъ удержатъ сію Царицу страхъ :
Ей нуженъ въ крайности супружникъ тлѣнъ и прахъ ;
Отчаянна любовь надеждъ тщетной внемлетъ ,
И путь назначенный Царица предпріемлетъ .
Ужъ первый утра часъ на небѣ возсіялъ ,
Авроринъ блѣдный путь цвѣтами усыпалъ ;
Сумбека не спрашася ни ноши, ни злодѣя ,
Надежду въ сердце взявъ, и спрассію владѣя ,
Судьбу свою отдавъ на произволъ Небесъ ,
Осважна и бодра vstupаетъ въ мрачный лѣсъ .
Рабыни вѣрныя за нею въ слѣдъ текущи ,
Уныніе и страхъ въ сердцахъ своихъ несущи ,
Vступитъ во мрачный лѣсъ съ Сумбекой не могли ;
Трепещущи кругомъ на холмахъ возлегли.

Волшебство нѣкое, или прекрасны взоры ,
Віющіхся змѣевъ въ подземны гонятъ норы ;
Сумбекинъ будто бы почувствуя приходъ ,
Умолкъ звѣриный ревъ и шумъ бурливыхъ водъ ;
Мечтанія отъ ней и страхи удалились ,
Казалось, деревья предъ нею разступились ;
И вихри пламенны преспали въ вѣтви дупъ ;
Все кроется отъ ней, и все даетъ ей путь .

Уже въ печальную она долину входитъ ,
На гробы Царскіе смущенный взоръ возводитъ :
Унылоспъ у гробницъ, попокомъ слезъ лїяетъ ,
Сѣдяща зрится тамъ на гробъ облокошася ;
Тоска свою главу на грудь печальну клонитъ ,
И въ помнѣмъ шсспвіи повсеминушно стонетъ ;
Раскаяніе грудь свою разяще тамъ ,
Терзающе власы являеся очамъ ;

Тамъ пышность на себя съ опчаяньемъ взираетъ,
И мнился каждый часъ съ Царями умираетъ;
Къ лежащей гордости свирѣпый змѣй ползетъ,
И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
Тамъ рвешся узами окованна кичливость;
Подъ камнями лежашъ сѣня несправедливостъ;
Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
Которые Цари творили въ животѣ:
Несправедна война, забвеніе вѣрной службы,
Презрѣніе къ сиротамъ и нарушеніе дружбы;
Тамъ горестъ мучилъ ихъ, тоска, и зной, и
Во образѣ такомъ изображаютъ адъ, (жладъ,
Въ который мстѣющими включены Небесами,
Порочные Цари мученіе терпяшъ сами. . . .
Печальный швой покровъ, о Муза! опусти;
Гробницы Царскія и жизнь ихъ возвѣспи.

Тамъ видѣнъ черный гробъ свирѣпаго Батыея,
Которымъ вольности лишилася Россія.
Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣгалъ,
Рѣками кровь течилъ и грады пожигалъ;
Богемію держалъ и Польшу подъ пятою;
Сей варваръ былъ почтенъ какъ Богъ Ордой зла-
Москва, лишенная цвѣтущей красоты! (пою.
Преобразилась въ прахъ его набѣгомъ ты!
Подъ пепломъ зрѣлися швыи прекрасныя дома;
Дѣвицы были въ плѣнѣ изъ сѣнѣ твоихъ влече-
комы;
Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
По улицамъ ручей невинной крови текъ;
Дать сердцу своему послѣдніе удары,
Оставилъ швой злодѣй тебѣ одни пожары.
Какъ бурный вихрь, прешедъ Россію всю Батый,
Коснулся и тебѣ, о Кіевѣ! градъ святой:
Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
Надолго красныя мѣста опустошились;
Гдѣ крестъ Пророческій Андреемъ водруженъ,
Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ положенъ;
И вмѣсто пѣнія опшелейцовъ сладкогласныхъ,
Спалъ въ шровѣ слышенъ шумъ, и ревъ звѣрей
ужасныхъ.

Сїи нещастїя, погибель и бѣды,
 Буншующихъ Князей родились отъ вражды,
 Когда за скипетры другъ съ другомъ воевали,
 И хищною рукой вѣнцы съ чела срывали.
 О Муза! какъ сїи напаси возглашу?
 Я шоки слезъ лїю, когда о нихъ пишу.
 Сыиъ всталъ противъ отца, отецъ противу сына,
 И славой сдѣлалась пронырливостъ едина;
 Не уважючи въ Россїи общихъ золъ,
 Стремился похищать у брата братъ престолъ.
 Россїя надъ главой узрѣла вѣчны тѣни,
 И раздробленна вся поверглась на колѣни;
 Въ ней жало зависти кровавый тронъ вертелъ;
 Батый на зыблему Россїю налетѣлъ;
 Такъ юныхъ двухъ шельцовъ, гдѣ гладный волкъ
вспрѣчаетъ,
 За пашву бьющихся, ихъ въ добычу получаетъ.

Толикихъ золъ Батый причиной Россамъ
былъ;
 Онъ кровью ихъ Князей престолы ихъ омылъ:
 Но чтожъ осталось отъ сей причины страха?
 Единый мрачный гробъ, и горсть исплѣвша
праха;
 Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
 Того остатки вихрь разноситъ по лѣсамъ;
 Лѣсещы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
 Лишь спятъ на немъ змїи, и только въпри
вѣютъ.

О вы, которымъ весь пространный місенъ
свѣтъ,
 Которыхъ слава въ брань кровавую зоветъ!
 На прахъ, на пѣнный прахъ Батыевъ вы взгля-
ните,
 И гордости тщету съ своею соравните.
 Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ,
 Но славитъ васъ любовь подвластныхъ вамъ
сердецъ.

Изъ твердыхъ камней тамъ составленна
гробница,
Подъ нею погребенъ насытый кровопийца,
Сартакъ, Батыевъ сынъ. Онъ слѣдуя спцу,
Коснулся Суздальскихъ владѣтелей вѣнцу,
И робость сѣя въ нихъ, прошиву общихъ правилъ,
Своихъ начальниковъ по всей Россіи спавилъ.

Тамъ въ тлѣнномъ гробѣ спитъ Баркай,
Батыевъ братъ,
Чинившій горести Россіи многокрапъ.
Онъ чувствуя въ войнѣ свое изнеможенъе,
Россіянъ принуждалъ себѣ на вспоможенъе;
Но днесъ на небесахъ носящъ вѣнецъ злапый,
Опважны Александръ, Князь храбрый и свя-
тый,
До самой крайности ихъ власъ не допуская,
Тапаръ не защищать, скленилъ умѣлъ Баркая.

Тамъ врановъ слышенъ крикъ, производящій
спрахъ,
Крылами вѣющихъ Менгу - Темировъ прахъ;
Ошмщается ему сѣя по смерти рана,
Которой онъ пресѣкъ дни храбраго Романа.
Цари! мученья вамъ суляпся таковы,
Подъ видомъ дружества гдѣ, зло чините вы.

Тамъ видится Узбекъ, лишенный вѣчно
свѣта;
Онъ первый принялъ пму и басни Махомета;
Россію угнѣпалъ сей Князь во весь свой вѣкъ,
Онъ имянемъ своимъ Ордынскій родъ нарекъ.

Такъ дремлетъ блѣдный спрахъ, на гробѣ
Россійскаго врага, невѣрнаго Нагая, (возлегая,
Который въ родспвенный съ Князьями вшедъ
союзъ,
Уважишь не хотѣлъ родства священныхъ узъ,
Мечемъ и пламенемъ опустошалъ Болгары;
Днесъ терпитъ въ адѣ самъ подобные удары.

Тамъ видѣнъ изъ земли твоей черепъ, За-
 нибекъ ;
 О ты, свирѣпый Царь, и лютый человекъ !
 Который гордаго принудилъ Симеона ,
 Искать Россійскаго твоей рукою прона.
 Сей братіевъ родныхъ для царства погубя ,
 Усилилъ спрашну власть въ Россіи и себя ;
 Просперши въ сердце къ ней грабительныя длани,
 На храмы Божіи взложилъ позорны дани :
 Но Богъ, отъ горнихъ мѣстъ бросая смутный
 взоръ ,
 Въ отмщеніе послалъ на Орды гладъ и моръ ,
 И смерти Ангелъ ихъ гонящъ мечемъ суровымъ,
 Разсыпалъ по брегамъ при Донскимъ и Днепро-
 вымъ ; . . .
 Являюся главы и плѣнны кости шамъ ;
 Мнѣ тѣни предстоятъ ходящи по холмамъ.
 Я вижу межъ древесъ сменящаго Хидира ,
 Который кроется по смерти отъ Темира.
 Темиръ свирѣпый мечъ просперъ въ полночный
 край ,
 Но съ прона свергъ его безвременю Мамай ;
 Мамай какъ будто бы изъ нѣдръ изшедый
 земныхъ ,
 Въ Россію прилетѣлъ со стучей войскъ наемныхъ ;
 Къ нему склонилися, измѣны не пая ,
 Противъ Димитрія Россійскіе Князья ;
 Обширныя поля ихъ войски покрывали ,
 И рѣки цѣлѣя въ походъ выпивали.
 Таковую Перекій Царь громаду войскъ имѣлъ ,
 Когда съ угрозами на древнихъ Грековъ шелъ ;
 Но лавры жиупъ побѣдъ не многими полками ,
 Сбираютъ въ брани ихъ геройскими руками.
 Оставилъ намъ примѣръ отважности такой ,
 Ко славы нашихъ спрашъ, Димитрій, Князь
 Донской ;
 Съ Непрядвой онъ смѣшалъ Татарской крови рѣки.
 Мамай ушелъ въ Кафу, и шамъ погибъ на вѣки ;
 Но вскорѣ ожививъ вражда Ордынскій прахъ ,
 Повергла съ пламенемъ въ предѣлы наши спрахъ ;

Хотя Казань не разъ поверженна лежала ,
Но вновь главу поднявъ, злодѣйства умножала;
Томилися отъ ихъ Россіяне Царей ;
Ей много золъ нанесъ послѣдній Сафгирей.

Являлась гордая надъ симъ Царемъ гробница.
Едва приблизилась къ ней томная Царица ,
Какъ будто въ оный часъ супруга лишена ,
На хладномъ мраморѣ поверглася она ;
Всѣ члены у нее дрожали, разрушались ;
Власы разбились, и съ прахами смѣшались ;
Разитъ себя во грудь, горчайши слезы льетъ ,
Дражайшій мой супругъ! Сумбека вопіетъ ;
Какой мы лютою разлучены судьбою ;
Но ахъ! доспойналь я спенать передъ побой ?
Я та, кошорая тебя забытъ могла ,
Въ чьемъ сердцѣ новый огонь любовна спрасъ
зажгла.

Увы! я шѣмъ себя и паче обвиняю ,
Что твоей цѣлуя прахъ, рыдаю и спенаю :
Достойно ли моимъ слезамъ мѣшались съ нимъ ,
И бытъ услышаннымъ спенаніямъ моимъ ?
Пошюки слезъ моихъ изъ пѣхъ очей капились ,
Которы къ прелестямъ другава обратились ;
И спонъ, позорный спонъ, изъ сердца извлеченъ ,
Которымъ спалъ иной супругомъ нареченъ ,
Успа въщаючи тебѣ свои печали ,
Не давно прелести другава величали.
Но бѣдная твоя и сирая жена ,
Совмѣстникомъ твоей любви опомѣдена ;
Конечно онъ мою невѣрность ясно вѣдитъ ,
Во образъ моемъ порокъ мой ненавидитъ.
О! естли можешь ты прейти изъ тмы во свѣтъ ;
Воспанъ мой Царь! воспанъ ! подай ты мнѣ со-
вѣтъ ;

Твоею смертію отъ брака свободенна ,
Входитъ въ другой союзъ я зрюся принужденна ;
Отъ подданныхъ моихъ къ неволѣ я влекусь.
Но съ кѣмъ я брачными цѣпями сопрягусь ?
Одни противъ себя не видя обороны ,

Со мной вступаюшѣ въ бракъ лишь только для
 короны ;
 Съ кѣмъ сердце я дѣлю, любви не вижу въ томъ,
 Любви того бѣгу, зажгла я сердце въ комъ.
 Кому пожертвую себя, мой прѣнѣ, и сына ?
 Мой Царь ! въ твоихъ рукахъ Сумбекина судь-
 бина ;
 Скажи, что дѣлать мнѣ ? . . . Но ты во гробъ
 спишь !

О тѣнѣ, любезна тѣнѣ ! ты слезъ моихъ не зришь.
 Дабы покойствѣе твоя вдова имѣла ,
 Мнѣ тѣмъ твоя припѣи къ гробницѣ повелѣла ,
 И нѣкій тайный гласъ привлекъ въ мѣста сіи ;
 Внемли спенанія и жалобы мои.
 При сихъ словахъ она обѣмлетъ гробъ руками,
 И слезы горькія лѣетъ надъ нимъ рѣками ;
 Тревожа въ сихъ мѣстахъ Царей усопшихъ сонъ,
 Сумбекинъ слышался между гробами спонъ ;
 Отъ гласа плачущей и рвущейся Царицы,
 Поколебались и праги и гробницы ;
 Покрышы мхомъ сѣдымъ и перномъ многи дни,
 Сходящи съ мѣстъ своихъ казались они.
 Завылъ ужасный вихрь, земля кругомъ дрожала ;
 Сумбека слыша то, во ужасъ лежала ,
 Казалось, ее внезапно чувствъ лишиа ,
 Ушла изъ ней во гробъ смущенная душа.
 И тѣнѣю жизнью дхновенъемъ ожи-
 вилась.

Дверь гроба отворивъ, тѣнѣ Царская яви-
 лась ;
 Какъ нѣкій дымъ густой подѣмлетъ она ,
 Но въ образъ видѣлся мгновенно сложена ,
 Одежду прежнюю и прежній видъ пріемлетъ ,
 Все ясно окреситъ зрѣтъ , всему спокойно внем-
 летъ.
 Тогда отъ горести почти лишенной силъ ,
 Царицѣ голосомъ унылымъ возгласилъ. . . .
 Но тѣшечно движитъ онъ уста и отверзаетъ ,
 Составленная рѣчь въ гортани исчезаетъ.

!

И Провидѣніе на крыліяхъ паритъ,
Поверхъ его главы небесный огонь горитъ;
Тончаетъ мракъ предъ нимъ кругомъ лежащей
Повсюду у него и ушеса и очи. (ночи,
Нѣтъ въ вѣчности отъ нихъ сокрытаго часа;
Какъ жартія ему отверзшы небеса;
И тако предлежатъ, какъ чистое зеркало,
Мірскихъ вещей конецъ, середина и начало.
Непоспѣжимое такое божество,
Тѣнь Царску облекло во прѣжне существо;
И только мысль его сіяньемъ озарило,
На будущіе дни глаза ему открыло;
Черезъ прошедшее давало разумъ,
Коль горько, не познавъ блаженства, умереть. . . .
О Муза! пѣть хочу дѣла необычайны,
И нѣкія открытъ натуры скромной тайны;
Воспоргомъ пламеннымъ наполнился мой духъ,
Да внемлетъ пѣсни сей имущій внятный слухъ.

Не постигая самъ толь важныя премѣны,
Изшелъ изъ гроба Царь, и жадны движеніи
члены;
Но больше Ангела нарящаго не зрѣтъ;
Къ Сумбекъ приступивъ, споная говоритъ:
Разпоргнушы мои съ тобою смертью узы,
По смерти бракъ забвенъ, забвенны всѣ союзы.
Почто, несчастная! тревожишь тѣнь мою?
Мнѣ тяжко то, что я изъ гроба встаю;
Но дамъ тебѣ совѣтъ, о сынъ сожалѣя:

О! еслии избереши супругомъ ты Алея,
Любовью пламенной возженнаго къ тебѣ:
Симъ бракомъ угодишь народу и судьбѣ;
Не будетъ слышанъ громъ Россійской грозной
брани,
Доколѣ Царь Алей не выйдетъ изъ Казани;
Люби его, люби! Но что я говорю?
Я нѣкую мечшу, иль точну бытность зрю! . . .
При сихъ словахъ смутясь, тѣнь Царская пре-
пещетъ,

На мрачны небеса печальны взоры мещеиъ ,
 И паки въ темный гробъ спремится убѣжать ;
 Но хошеиъ пѣнь сѣю видѣнье удержать
 Увы! мнѣ кажется, что ты чрезъ духъ и воду,
 Сумбекъ онъ сказалъ, премѣнишь вдругъ природу;
 Тебѣ отверзутся и съ сыномъ небеса ;
 Вы новы узрите во свѣтѣ чудеса ;
 Обѣиъ вижу васъ, я вижу предъ очами,
 Какъ свѣтлой ризою одѣянныхъ лучами ;
 Но какъ исполнишь? что значишь все сѣе ?
 Безсильно по поспичь понятіе мое ! . . .
 Въшалъ, и будто бы ума во испупленѣ ,
 Впоришно видишь онъ сквозь мраки провидѣнье ,
 Которо смутну пѣнь желая наказать ,
 Ей будущіе дни хошѣло показать .
 Тогда подѣмлется времяиъ завѣса мрачна ,
 И вѣчностъ вокругъ него открылася прозрачна ;
 Ему познаніе о видимомъ даеиъ ;
 Царь зная жребій свой, Сумбекъ вопіеиъ :

Увы! я чувствую позоръ Махомешанства ,
 И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіан-
 ства ;

Подъ защищеніемъ она грядеиъ Небесъ ,
 Освѣщениъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ .
 На сихъ мѣстахъ, гдѣ мы спокойный сонъ имѣли,
 Гдѣ нашъ шревожишь пражъ живущіе не смѣли;
 На самыхъ сихъ мѣстахъ созиженъ будеиъ домъ ,
 Всечасно мещущій на Махомеша громъ .

Вода, сѣи мѣста и дрeвеса кропяща ,
 Насъ больше будеиъ жечь, геенна чѣмъ паляща;
 Куреніе масрикъ и пѣсней сладкій гласъ ,
 И день и ночь въ гробахъ шревожишь будупъ
 насъ ;

Пришельцы бѣдствія и нашу грусть умножаиъ ,
 По пражу нашему слѣды они полагаиъ ;
 Гробницы гордая ногой своею попретиъ ,
 Убранства Царскія изъ сныхъ извлекуиъ .
 Здѣсь видя крестъ внесенъ на вышнія степеня ,
 Не могуиъ обижать гонимы наши пѣни .

О! естѣли я когда побою былъ любимъ,
 Терпѣшь такой позоръ не дай костямъ моимъ;
 Внемли унылому желанію просящихъ,
 Собратіевъ моихъ со мной Царей лежащихъ;
 Впоричну нашу смерть Сумбека упреждай,
 Огню съ гробами нашъ печальный прахъ пре-
 дай. . .

Какъ вѣтеръ горъ крупныхъ въ ущеліи шумящій,
 Такъ слышанъ отъ гробовъ былъ гласъ произхо-
 дящій.

Сумбеку помную холодный пошъ покрылъ;
 Но Царь печальную симъ словомъ ободрилъ:

Не бойся! жалобы къ тебѣ Цари приносящъ,
 Се! помощи твоей несчастны предки просящъ;
 Отъ бѣдства и спыда ихъ плѣнѣе избавь,
 На поруганіе Россіянъ не оставь;
 Который мысль мою на казнь мнѣ просвѣщаетъ,
 Мнѣ Ангелъ таинства открытъ не запрещаетъ,
 Дабы спокойна ты во свѣтѣ семъ была!
 Увидишь дивныя въ дубравѣ сей дѣла,
 И можешь прахъ спасти несчастнаго супруга,
 Хранящаго тебѣ во узахъ смерти друга;
 Исполни, что велю: Здѣсь древній пополь есть,
 На коемъ начала гнѣздо орлица плеснетъ;
 Удобно сыщешь ты подъ онымъ древо знакомъ,
 Оно окружено густой травой и злакомъ;
 Пожми сію траву, и корень обнаживъ,
 Сей корень извлеки, тамъ ключъ увидишь живъ;
 Изчерпай изъ него до дна текущу воду,
 И влагу ты найдешь совсѣмъ другаго роду;
 Зелену древа вѣтвь отъ попола проспри,
 И влагу оную поспѣшно собери.
 Когда ты все сіе рачительно исполнишь,
 То мой еще завѣтъ впоричный да напомнишь:
 Ни змѣй ползущихъ вокругъ, ни тѣней не стра-
 шись;
 Спаси супружнинъ прахъ, спаси себя рѣшишь;
 Теки на слезныя сіи мѣста обратно,
 Исполни прещіе, что всѣмъ Царямъ пріятно:

Чшо помнишь ты меня, Сумбека, докажи,
 Гробницы въшвами сухими окружи;
 Кропи, кропи на насъ изчерпнушую воду,
 Дай смерти плѣнникамъ желанную свободу,
 И жди подѣйствія оныхъ сихъ волшебныхъ водъ,
 Доколѣ солнечный покажется возходъ.
 Тогда познаешь ты, коль дивенъ Богъ бываетъ,
 Когда на судъ къ себѣ Онъ грѣшныхъ призы-
 ваетъ;
 А ты безспрашна будь! . . . Но свѣтишь ужъ
 Сокрылся Сафгирей, по слово говоря, (заря;
 И рѣчи Царскія внимались во гробницѣ,
 Повелѣвающи начать свой трудъ Царицѣ.

Хотя приказъ такой Сумбеку возмущалъ,
 Исполнила, что ей супругъ ни возвыщалъ,
 И злаки и праву вокругъ попола находилъ;
 Но самый сей успѣхъ въ боязнь ее приводитъ:
 Отводитъ водный шокъ и влагу доставитъ;
 Сухія въшвыя оны пополовъ беретъ.
 Кострами ихъ она расклала межъ гробами,
 Водю оросивъ и горькими слезами.
 Тогда всходящее въ небесну высоту
 Горяще солнце всю явило красоту,
 Живительны лучи на шаръ пустило земный,
 И въ первый ими разъ сквозь мѣсь проникло
 (темный.
 Стоящи деревья во мракъ въ той странѣ,
 Казались очамъ какъ будто бы въ огнѣ;
 Пускающъ страшный вопль на нихъ ноцныхъ
 птицы;
 Просперся блѣдный свѣтъ на мрачныя гробницы,
 И будто молнія сверкнувшая въ ночи,
 Въ долину слезную бросающа лучи;
 До сложенныхъ коспировъ Сумбекой достигающъ,
 Сухія въшвыя и влагу возжигаютъ.

Такія въ древности явили чудеса,
 Пророческой рукой въ Персидѣ Небеса;
 Когда олшарнаго огня въ землѣ искавый,

И вмѣсто онаго воды гнѣздо доспавый,
 Неемій вѣшвія сухія напоилъ,
 И солнцевъ лучъ огонь опѣ вѣшвей воспалилъ.

Подобно вѣшвія Сумбекой разложенны,
 При восходѣ солнечномъ сдѣлались возженны;
 И пламень межъ гробницъ водимый какъ рукой,
 Простерся огненной вѣющей рѣкой;
 Одежды Царскія и кости разрушаетъ.
 Сумбека пламень сей слезами утешаетъ.
 Но воля праведныхъ исполнилась Небесъ;
 Уже Батыевъ гробъ сгорѣлъ, погибъ, исчезъ;
 Сумбека Царску тѣнь винитъ и провидѣнье,
 Какъ облакомъ луна въ ней тѣнится разсужденье;
 Желаетъ опѣ гробницъ огни скорѣй оплечь,
 Но огонь, какъ бурный вихрь, спѣшитъ гробни-
 цы жечь,
 И разстилается волнами красный пламень;
 Горящій спонетъ лѣсъ, жестокій шаепъ камень.
 Касается пожаръ пригоркамъ и кустамъ,
 Но невредимою Царица зрится тамъ.
 Уже гробницы вокругъ свирѣпый огонь обѣмлетъ;
 Пылаетъ Сафгирей! Сумбека ризу сѣмлетъ,
 И хочетъ защищать супруговъ тѣльный
 прахъ. . . .

Вдругъ чувства у нее обѣмлетъ новый страхъ:
 Увидѣла она изъ сихъ гробовъ горящихъ,
 Какъ будто изъ воды героевъ исходящихъ;
 Одежды Царскія являлися на нихъ,
 Но блѣдны зрѣлися и смутны лица ихъ:
 Какъ тонки облака зефирами гонимы,
 Цари по воздуху несомы были зримы;
 Не держитъ пламень ихъ, не держитъ ихъ земля,
 Но вѣтры повлекли въ геенскія поля;
 И нудитъ нѣкое упорное влеченье,
 Последнее шворитъ со свѣтомъ разлученье.

Какъ лѣтнихъ нѣжныхъ птицъ отъ полу-
 нощныхъ странъ,
 Осенній гонитъ хладъ за дальній Окіянь:

Часть I.

Д

Бѣгушѣ изѣ пламени печальны тако шѣни,
Ошверзилѣ вѣ бездну имѣ спруисшый огнь спѣ-
пени.

Экаша! пламенникѣ на время воспали,
И видѣшѣ внушренносшѣ геенны мнѣ вели!
Ошверзлись предо мной со шрепешомѣ и сѣ гро-
момѣ;

Мѣспа, Аидовымѣ слызупѣ которы домомѣ;
Собравѣ грубѣйшее швореній сущесшво,
Успроило его во гнѣвѣ Божесшво.

Небесный сколько огнь другижѣ вещей шончае,
Толико адѣ сущесшвѣ во свѣшѣ всѣхѣ шяжчае;
Три крашы девашѣ числѣ сѣе вселенной дно,
Ошѣ круга звѣзднаго лежишѣ опдалено.

Тамѣ предсшавляется волнами вѣчный пламенѣ;
Тамѣ видима земля, какѣ раскаленный камень;
Зловонный всходишѣ парѣ ошѣ загустѣвшихѣ
водѣ;

Изѣ мрака ссѣвшійся обѣемлетѣ бездну сводѣ;
Но свода шемнаго проникнушѣ не возможно:
Подѣ онымѣ сѣшуютѣ ведущи дни безбожно;
Тамѣ скрежешѣ, вопли, плачѣ, бѣжишѣ ошполѣ
снѣ;

Дыханье грѣшниковѣ, повсеминушный спонѣ;
Тамѣ души вѣ шрелешѣ ко сводамѣ возлешающѣ;
Но шрепкновеніе повсюду обрѣшающѣ,
И шлѣющѣ бездны сей, какѣ искры, вѣ исподи;
Тамѣ вихри огненны, тамѣ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣшѣ во мрачной сей державѣ;
Тамѣ вижу злыхѣ вельможѣ, живущихѣ прежде
вѣ славѣ;

Недремляющая грусть шревожишѣ шѣни ихѣ,
Драконы огненны вращающѣ вкругѣ нихѣ;
Тамѣ души испинну по смерти познавающѣ;
Но грѣхѣ свой явно зря, шомаяшѣ, унывающѣ;
Плоская сладость ихѣ преобращилась вѣ ядѣ;
Ошрады вѣ мукахѣ нѣшѣ: грѣхѣ самѣ собою адѣ!
Свяшою вѣрою желая просвѣшиться,
Сшарающѣ они на землю возвращишѣся,

На солнце съ плошю въ раскаяньѣ възрѣтъ ,
 Дабы спокойнѣе въпорично умереть :
 Но таинственна дѣль, какъ змѣй кругомъ лежала,
 И въ заключеніи преступниковъ держала.
 Тамъ самолюбіе, увидя адско дно ,
 Познало, что тщетой прельщалось оно ;
 Достигнувъ райскаго веселія изрядство ,
 Познало тѣнь сребра, несытое богатство ,
 И слезы ошъ него, которыя текли ,
 Какъ огненна роса богатыхъ тѣни жгли.
 Тамъ сладострасіе весь адъ пронзаетъ стономъ,
 Имѣя равну часть во шмѣ со Иксіономъ :
 Являюща еще прелестны тѣни имъ ,
 Коснувшись ихъ устамъ, и превращаясь въ дымъ ;
 Тамъ вѣчный терпимъ жадъ угрюмая измѣна ;
 Мучитель вкругъ себя кровавы зримъ знамена ,
 Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ ,
 Которы ошъ него скрываютъ Божій градъ ;
 Тамъ страхъ смиренію кичливы души учимъ ;
 Прошедшее враговъ и будущее мучимъ.

Башей, какъ будто бы послѣдуемъ ошъ
 шѣхъ ;
 Которыхъ кровь излилъ не сдѣлалъ онъ за грѣхъ,
 Со трепетомъ глаза на небеса возводитъ ;
 Но блескомъ ихъ сраженъ , въ подземный мракъ
 уходитъ ;
 Изъ пламени ему устроенъ тамо шронъ ,
 Бѣжитъ, но слышится по немъ во гробъ стонъ.

Преемники его злодѣйствами не сыты ,
 Низходятъ въ адъ за нимъ, змѣями вкругъ увины ;
 Спровождаетъ вопль на адски муки ихъ ,
 И вѣчно кроется душевный миръ ошъ нихъ ;
 То жажда тѣни ихъ, то гладъ, то зависть му-
 чимъ ;
 И были добрыми чрезъ то живущихъ учимъ.
 Но тщетно мрачный адъ мучителямъ грозимъ,
 Ихъ тщетно молнія спрашиваетъ и разимъ !
 Умремъ едино зло, другое возрастаетъ ;

Какъ язва страшная по всей землѣ лѣзаетъ,
 Тѣснитъ, свирѣпствуетъ, терзаетъ, множитъ
 стонъ.
 Нѣтъ, кромѣ слезъ, иныхъ безсильнымъ оборонъ,
 И есѣли въ нѣ часы гонитель не прѣпещетъ,
 Когда земля дрожитъ и небо громы мещетъ:
 Что пользы, что стихи въ улику ихъ пишу?
 Ахъ! есѣли каплю слезъ невинныхъ осушу,
 И малую подамъ печальному опраду:
 Уже я получилъ за слабый трудъ награду!
 Злощасѣе облегчилъ текущей нынѣ вѣкъ;
 Спалъ меньше въ наши дни несчастенъ человекъ,
 Да вѣчно шакowymъ блаженствомъ усладимся....
 Но мрачный лѣсъ завылъ, тѣнь стонетъ; обра-
 тимся!

Свирѣпый Тахшамышъ, какъ огненной стрѣлой
 Свергается во адъ для вѣчной казни злой;
 Тамъ тѣней вокругъ себя онъ узритъ вопіющихъ,
 И пламеннымъ бичемъ во тмѣ его бьющихъ.
 То тѣни мстительны несчастныхъ тѣхъ людей,
 Которыхъ умертвилъ мучительски злодѣй.
 Но большимъ варваръ сей терзается призракомъ,
 Встрѣчаясь со врагомъ своимъ Темираксакомъ.
 Жестокой оный врагъ родился пастухомъ,
 И ставъ разбойникомъ, Монархомъ былъ по томъ;
 Каковъ былъ съ посохомъ, шаконъ онъ и въ ко-
 ронѣ:
 Разбойникъ былъ пастухъ, разбойникъ сталъ на
 тронѣ.
 Спрадаетъ въ адъ самъ теперь Темираксакъ,
 Но страшенъ для Царей его и тамо зракъ.

Тамъ кроется во тмѣ, боясь небесна свѣта,
 Трепещущая тѣнь Царя Улу-Махмета,
 Отъ собственныхъ сыновъ который бывъ гонимъ,
 Обязанъ спалъ Москвѣ спасеніемъ своимъ;
 Своихъ защитниковъ привлекъ коварствомъ къ
 брани,
 И Россовъ побѣдивъ, направилъ путь къ Казани,

Развалины ея и пронѣ возобновилѣ ;
 Враждующихъ змѣвѣ Россіи оживилѣ ;
 Подѣ пепломѣ злобу онѣ сокрышную воспавилѣ.
 И стрѣлы на Москву изѣ дерзкихъ рукъ на-
 правилѣ.
 Но дружбы прерванной въ опмщеніе и въ знакѣ,
 Жизнь отнялѣ у него и сына Мамошякѣ.
 Улу-Махмеша скорбѣ сія еще терзаетѣ ,
 Нося въ рукахъ своихъ младенца, лобызаетѣ ,
 И въ адѣ свергаяся, уже онѣ муки зриѣ ,
 Которыми ему ношѣ вѣчная грозитѣ :
 Тамѣ въ узы огненны онѣ буденѣ въ вѣкѣ за-
 кованѣ ,
 И пламенный вѣнецѣ злодѣю угопованѣ.

Тебя идущаго зовешѣ съ весельемѣ адѣ ,
 О ты, поруганный и гордый Царѣ Ахмашѣ !
 Еще швой духѣ грызешѣ; Басма швоя попрашна
 Стопами храбраго Монарха Іоанна ,
 Который ко швоей гибели рожденѣ ,
 Которымѣ при Угрѣ въ конецѣ ты побѣжденѣ ,
 И слава дѣлѣ швоихъ на вѣки пролетѣла ;
 Ордынская швоя держава запусѣла.
 Спѣши во мрачный адѣ, и тамо нынѣ зри ,
 Что должны гордые во шмѣ терпѣть Цари !
 Они позорныя оковы тамо носятѣ ,
 Послѣдніе рабы за гордость ихъ поносятѣ ,
 И ихъ несчастія во свѣшѣ семѣ шворцы ,
 Надѣ ними подлые ругающа лъсписы ;
 Они поруганны народомѣ зряѣ короны ,
 Пошомки съ мерзостью на ихъ взирающѣ троны ;
 Тираны бѣдствія такія терпяѣ тамѣ ,
 Которыя дадутѣ ужасный видѣ спихамѣ.
 Но, Муза! вѣчному терзанью ихъ оставимѣ ,
 И добродѣтели единыя прославимѣ.
 О! ешлы кто ея не знаешѣ красоны ,
 Несчастенѣ! Царѣ ли ешѣ, или невольникѣ ты.
 Для душъ чувствительныхъ болѣзнь несчастныхъ
 бремя ,
 И шѣней спраждущихъ оставитѣ, Музы! время.

Выходитъ наконецъ смущенный Сафгирей ;
 Онъ горести въ себѣ вмѣщаетъ всѣхъ Царей ,
 Глазами помными Сумбеку озираетъ ,
 Къ ней съ шепетомъ идетъ , и руки прости-
 раетъ :
 Прощись, вѣщаетъ ей, прощись на вѣкъ со мной !
 И нашъ ко аду путь не ставъ швоей виной ;
 Ты насъ связующи оковы разрѣшила ,
 И то, что насъ въ гробахъ держало, сокрушила ;
 Пороки, кои мы шворили въ свѣтъ семъ ,
 Не ошдѣлялися ошъ нашихъ тѣлъ ничѣмъ ,
 И насъ они къ землѣ прикованныхъ держали ;
 Мы тысячу мукъ гнѣшомы здѣсь лежали.
 Но солнечный огонь очисшилъ нынѣ насъ ,
 И мы съ веселіемъ идемъ во адъ сей часъ ;
 Не плачь теперь! ты намъ огнями угодила ,
 И насъ ошъ близкаго позора свободила.
 Увы! . . . Ордынску власть Россія изпребитъ ,
 Меча ея ничто ошъ насъ не ошвратитъ ;
 На огонь, который насъ палитъ и очищаетъ ,
 Россійскимъ воинамъ гибель предвѣщаетъ.
 Ахъ! вскорѣ новый здѣсь сіяшъ будетъ свѣтъ ,
 И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ !
 А мы ошъ муки сей избавлены шобою.
 Зовешъ насъ грѣхъ во адъ, какъ шѣкою шрубою ;
 Спасай себя и шрошъ, спасай и слезъ не лей :
 Возстанъ! ошвѣшуйся! ужъ близокъ Царь Алей ;
 Исполни ты мои слова и завѣщанье !

Сумбеку пронуло шоль горькое прощанье.
 Какъ будшо громовой стрѣлой поражена ,
 Хотѣвша вымолвить, безмолвствуетъ она ;
 Лѣсъ солнечнымъ шогда сіяшъемъ озарился ;
 Сумбека впала въ сонъ, и Сафгирей сокрылся.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Уже златую дверь Аврора отворила,
И ризой небеса червленной озарила.
Усердной ревностью къ Россіи пробужденъ,
Явился Царь Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ;
Парящій такъ орелъ по воздуху высоко,
На пшицъ препенущихъ кидаетъ быстро око,
И видя ихъ мятежъ, висящъ межъ облакъ, ждещъ,
Куда удобнѣе направитъ свой полетъ.
Ордынскимъ жителямъ въ напастъ и въ оскор-
бленье

Приходитъ Царь познать Казани укрѣпленье;
Сопровождается во подвигъ своемъ
Спрѣлами легкими и острыми копѣемъ.
Когда Алей возвелъ глаза на градску гору,
Свяшый законъ предсталъ его смущенну взору;
Зеленый на главѣ его вѣнецъ лежалъ,
Обвишый пальмами онъ крестъ рукой дер-
жалъ;

Зарѣ подобная на немъ была одежда,
Въ очахъ его любовь, и вѣра и надежда;
Какъ двѣ звѣзды, глаза къ Алею обращалъ,
Онъ лирнымъ голосомъ сіи слова вѣщалъ:
Бѣги Алей! за чѣмъ въ страну пришелъ невѣрну?
Здѣсь водный пѣкъ огню, цвѣты подобны терну;
Здѣсь кроютъ молніи и ужасъ небеса,
И заразительны пріятные лѣса.

Какъ упренни пары, сокрылося видѣнье;
Алей воспрепешалъ, и впалъ во размышленье.
Онъ мыслилъ самъ въ себѣ: какія можетъ мнѣ

Напассти приключить токъ водный въ сей странѣ?
 Приспойноль рыцарю шакое искушенье?
 Подвѣхалъ къ роцѣ онъ въ надеждѣ и въ сумнѣннѣ.

Уже дремучій лѣсъ казался освѣщенъ,
 Который терніемъ былъ прежде зарощенъ;
 Живущи духи въ немъ и мраки исчезали,
 Зефирамъ деревья дороги опверзали;
 И солнце озлапивъ лучемъ вершины ихъ,
 Казалось взирашь съ веселіемъ на нихъ.
 Мѣшался блескъ его съ зелеными листьями,
 Какъ онъ мѣшается со влажными струями:
 Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотою,
 Явилось лунною одеждою злою.
 Пріемлетъ Райскіе сія дубрава виды,
 И свой преноситъ тронъ въ зеленость сынъ Киприды.

Животвореніе, лешая въ слѣдъ за нимъ,
 Древамъ приноситъ цвѣтъ, приноситъ роскошь
 Явились вездѣ забавы и опрады: (имъ;
 Подъ тѣнью пляшущи представились Дріяды;
 На вѣпвахъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ,
 Ключи прозрачные въ пригоркахъ зланныхъ бьютъ,
 И въ мѣлкѣе они испочки дѣлясь;
 Наяды ихъ струи свивая веселясь;
 И вѣпры нѣжные, играя во цвѣтахъ,
 Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
 Лужайки процвѣли, и воздухъ оживился;
 Проснулось эхо тамъ, Нарцисъ у водъ явился;
 Такія видимы всемѣсно красоты,
 Какихъ не можешь къ себѣ очамъ представить ты!
 Щасливѣе шѣхъ мѣстъ, чѣмъ славилась Енна,
 Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна,
 Иль можно ихъ равнять съ прекрасною страной,
 Гдѣ древній царствовалъ садами Алкиной.
 Тамъ разныхъ прелестей совокупились роды,
 Которы красота являетъ намъ природы.
 Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
 На днѣ имѣющій жемчугъ, златый песокъ;
 И будто въ зеркалъ вода изображаетъ

Все то, что берега цвѣтущи окружаетъ.
 Зелены деревья сомкнувшись въ кругъ стоятъ,
 Вершины преклонивъ въ источники глядятъ;
 Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
 Пригорки движутся, кустарники смѣются;
 Источники въ травѣ вѣся говорятъ;
 Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;
 Зефиры рѣзвые листочки ихъ цѣлуютъ,
 Струи въ ключахъ кружатъ, въ зелены вѣтви
 дуютъ.

Уже представился не потъ печальный лѣсъ,
 Гдѣ не былъ видимъ свѣтъ ни солнца, ни не-
 бесъ;
 Кореньями дерева въ то время не свивались,
 Другъ къ другу преклонясь, вершины опревались;
 Теперь любовныя въ нихъ чувства восстаютъ,
 Другъ другу вѣтви, какъ руки подаютъ;
 И составляюща изъ нихъ густые своды,
 Подъ коими сквозь лѣсъ перебирались ходы;
 И словомъ, зрится тамъ прекрасный верхоградъ,
 Какимъ изображенъ намъ Гесперидскій садъ.

Въ недоумѣніе сей видъ Царя приводитъ,
 Со удивленіемъ на рошу взоръ возводитъ;
 Бѣги опселя! бѣги! разсудокъ вопіетъ,
 Стремленіе тайное къ деревьямъ его влечетъ;
 И чувству нѣжному разсудокъ покорился.
 Подвѣхалъ къ нимъ Алей, между деревьями скрылся;
 Отъ шороха ко другой, какъ вѣтромъ листъ
 влекомъ,
 Прелестныя мѣста обходитъ снѣ кругомъ.
 Но хитрость, въ рошу ту Эропомъ привлеченна,
 Обманамъ, нѣжностямъ, прихворствамъ изучен-
 Ручей соспавила, чертя рукой песокъ; (на,
 Ручей потъ сладостенъ, но дѣйствіемъ же-
 спокъ;
 Сребристая вода прохожихъ приглашаетъ;
 Теряетъ волю потъ, кто каплю водъ вкушаетъ.
 Соблазнами влекомъ несчастный Царь Алей,

Какъ будто сквозь шуманъ къ водѣ приходитъ
Сопровождающа Алея осторожность, (сей.
Скрываеиъ во струяхъ вредъ, пагубу, нишож-
Влечеиъ его къ водѣ коварная любовь (носпъ;
Онъ каплю взялъ въ уста, и въ немъ зажглася
кровь.

Которыя Царя къ потоку привлекали,
Наяды, вынырнувъ руками всплескали;
Свой рокъ предвозвѣстивъ, несчастный возсте-
наль,
Алей, Алей вздохнулъ, но самъ о чемъ, не зналъ;
Тогда любви Царь въ селеніяхъ воздушныхъ
Прекрасныхъ Геніевъ созвалъ ему послушныхъ.
Они, съ написаннымъ припворствомъ на челахъ,
Слепающа къ нему на радужныхъ крылахъ;
Желанья водятъ ихъ, ушѣхи упреждающъ,
Умильнѣсти влекутъ, превѣги провождающъ;
Зажженный пламенникъ держащій Царь въ ру-
кахъ,
Вѣщадъ имъ движимымъ на тонкихъ облакахъ:
О вы, власпишели вселенныя! лепите,
Сумбекину любовь въ оправу обратите;
Тревожьте духъ ея, коварство съйше въ ней;
Да мучится она, да мучится Алей!

Коварны Геніи крылами влпрепешали,
И стрѣлы въ руки взявъ, изъ облакъ вылетали,
Зажгли на воздухъ любовные огни;
Алея встрѣпили между древесъ они;
Кипридинъ сынъ предъ нимъ со пламенникомъ
жодишъ,
Невидимъ будучи, въ долину шѣ приводитъ,
Гдѣ нѣжны Граціи, любви поспавивъ пренъ,
Сумбеку плачущу склонили въ сладкій сонъ,
Какое нѣжное любовнику явленье!
Забылъ онъ зримое въ дѣсахъ увеселенье.
Забылъ онъ самъ себя, и чувствуеиъ и зрииъ
Едино только то, что взору предлежишъ.
Гдѣ нѣжныя сплелись багряновидны лозы,

Подъ тѣнью зришь кустовъ разсыпанныя розы ;
 Съ лилеями въ правѣ смѣшались они ,
 Весенняго красу изображая дни. . . .
 Увы! не день то былъ, не розы, но Сумбека ,
 Прельснншъ швердѣйшаго могуща челоѡка ;
 Зефиръ лицу ея прѣяшства придавалъ ,
 Онъ шихими надъ ней крылами повѣвалъ ;
 И прелести отъ глазъ ея не отступали ;
 Глаза сомкнувшись, огонь въ сердца метали.
 Увы! когда совсѣмъ откроются они ,
 Коль сильно могутъ жечь ея очей огни!

Алей на сонную умильный взоръ возво-
 дитъ ;
 Остановляея, шрепещетъ, къ ней подхо-
 дитъ.
 Что значить? мыслилъ онъ, что значить, что
 Въ безмолвномъ семъ лѣсу покоишя одна?
 Увы! она меня вторию въ узы ловитъ.
 Обманы новые Сумбека мнѣ готовитъ. . . .
 Такъ мыслилъ Царь, еще разсудкомъ озаренъ ,
 Онъ хочетъ, какъ Улиссъ, избѣгнуть отъ Си-
 ренъ.
 Видѣнъе на горъ и лѣсъ ея напомнилъ ,
 Намѣренъе свое почти уже исполнилъ ;
 Глаза отъ прелестей Сумбеки отвратилъ.
 Увидя то Эротъ, за грудь его схватилъ ,
 И въ сердце прелестѣвъ, воскрикнулъ велегласно?
 Жестокій! спрашно ли тебѣ лице прекрасно?
 Оно орошено потокомъ слезъ теперь. . . .
 Разсудокъ вопѣялъ: не вѣрь сему! не вѣрь!
 Взгляни на прелести, любовь ему вѣщала ,
 И взоры къ прелестямъ неволей обращала.
 Тогда Кипридинъ сынъ въ кругахъ воздушныхъ
 скрытъ ,
 Своимъ дхновеніемъ ее животворитъ:
 Сумбека взоръ спыдомъ исполненный подѣмлетъ,
 И сердце у Царя почти уже отѣмлетъ.
 Взоръ въ грудь ему проникъ, какъ солнце сквозь
 хрусталь ,

Онъ съ прелестью вмѣщалъ припворство и пе-
Печаль смягчающую сложенія суровы , (чаль ;
Дающую новыя любовникамъ оковы.

На прелести ея взводящій томный взглядъ,
Алей горѣлъ огнемъ и пилъ любовный ядъ.
Куда сокроюсь я? Сумбека говорила ;
Закрyla очеса, но хитросеть ихъ открыла ;
Алея покоришь, Алея удержишь ,
Вздохнула, двинулась и хочешь убѣжать.
Казалось, Граціи шокъ слезный проливали ;
Наяды плакали, Амуры унывали ;
Свернулись вдругъ цвѣтки, спенали дерева ;
И капли слезныя излили небеса ,
Кропили оными и розу и лилею.
Алей не камень былъ; какъ твердо бышь Алею!
Сумбекинъ взоръ Царя въ неволѣ удержалъ ;
Герой исчезъ! и рабъ у ногъ ея лежалъ.
Дрожащимъ гласомъ рекъ : пойдѣмъ въ Свѣяжскъ
отсюду;
Здѣсь я врагомъ кажусь , твоей плѣнникъ тамо
буду !
Приданнымъ дань должна Казань свою мнѣ кровь;
Россія увѣнчашъ мою съ тобой любовь ! . . .
Сія пристрастна рѣчь Сумбекъ изъвила ,
Что сердце въ немъ любовь стрѣлами уязвила.
Сумбека вобразивъ, что ей супругъ велѣлъ ,
Своихъ пріятностей не пожалѣла стрѣлъ.
Прельщай! еще прельщай! припворство вопіяло,
Которо близъ ея невидимо спояло ;
Оно, Сумбекины умножишь красоты ,
Казало розы въ ея устахъ цвѣты ;
Улыбка нѣжная, пронзающіе взгляды ,
Во грудь Алееву вливали медъ и яды.
Сумбеку подкрѣпишь, съ стрѣлой Эротъ летишь,
И ею дѣйствуешь, въ очахъ ея сокрытъ ;
И внемлетъ Царь отъ ней сіи слова жестоки :
Невѣрный! видѣлъ ли мои ты слезны шокъ ?
Они въ долину сей лилися по шебъ ;
Что дѣлаешь мнѣ теперь при злой моей судьбѣ?

Ахъ! слезы мнѣ теперь послѣдняя отрада!
 Жестокій! для тебя я выслана изъ града;
 Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
 Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
 Они любовь мою и вѣрность къ Сафгирею,
 Почли къ тебѣ, Алей, суровостью моею;
 Велятъ несчастной мнѣ, твоей знаемый родъ
 любя,

Или оставишь пронъ, или смягчишь тебя.
 О коль послѣднее велѣнье мнѣ пріятно!
 Сама ищи въ Свѣяжскъ хошла я спокрашно;
 Хошла предъ тобой потоки слезъ пролишь,
 На твой престолъ тебя хошла умолишь.
 Но я напастъ мою какъ будто предузнала,
 Предстать очамъ твоимъ я прежде не дерзала,
 Доколѣ не могла сомнѣнїевъ пресѣчь;
 Для нихъ была должна супружнинъ гробъ со-
 жечь;

Боролась съ жалостью, боролась со страхомъ,
 Дабы не уличалъ меня и симъ ты прахомъ.
 Взгляни на гробы ты, на пепелъ ихъ взгляни!
 Усердіе мое къ тебѣ являть они.
 Но пользуешь ли мнѣ такое увѣреніе?
 Во градъ вижу я, внѣ града подозрѣніе!
 Увы! суровыя смягчились небеса,
 И камни пронулись, и дикіе лѣса;
 Все, все въ дубравѣ сей, ахъ! все преобразилось!
 Лишь сердце для меня твое не умягчилось!
 Жесточе ты древесъ, жесточе твердыхъ горъ?
 Сумбека лишь еще коварный разговоръ:

Увы, любезный Князь! войдемъ во градски
 стѣны,
 Не бойся жипроси, не бойся ты измѣны.
 Тебя корона шамъ, любовь и скипетръ ждущъ;
 Взаимный миръ съ Москвой въ тебѣ Казанцы
 чшущъ;
 За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю. . . .
 Но ты задумался, я рѣчь мою скончаю.
 Моей преданности стыдись я должна! . . .

Взрыдала, и пошла, спешаючи она.
 Попоки слезъ проливъ казалась удаленна ;
 Какъ роза нѣжная росюю окропленна ;
 Пріятны Граціи пѣснились вокругъ нея,
 И прелести припавъ цѣлуютъ слѣды ея ;
 Пріятности кругомъ лица ея лешали,
 Они лобзаньями слезъ токи изщипали.
 Какой бы человекъ, какой бы спрогій богъ,
 Ея заразами разпрогаться не могъ ?
 Сумбека кинула взоръ нѣжный ко Алею,
 Пошла. . . . и Царь Алей спремился въ слѣды
 за нею !

Алциною Асполфъ обманутъ тако былъ.
 Алей уже едва Россію не забылъ ;
 Коль вѣра, мысль его отъ спраси опзывала,
 Любовь и слабостямъ похвальный видъ давала.
 Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
 Прислать изъ ней въ Москву съ присягой вско-
 рѣ дань ;
 Мягшежныя сердца Ордынцовъ успокоить,
 Ихъ наглость обуздавъ, всеобщій миръ успрсить.
 Сей чаемый предлогъ его къ Сумбекъ влекъ ;
 Обманы дарспвующъ! въ ихъ волѣ человекъ !
 Любовь, копорая тогда надъ нимъ лешала,
 Сумбекинымъ его невольникомъ щипала.
 Такъ часто обладавъ собою льспимся мы,
 Когда во власъ беретъ у насъ любовь умы.

Припворно воздыхающъ Сумбека продолжала,
 Скрывалась, но любовь Цареву умножала.
 Вскричалъ онъ, видящій взведенныхъ прелестъ
 глазъ :
 Увы ! я бытъ могу еще обманутъ разъ ;
 Но слѣдую тебѣ ! . . . Тѣ рѣки излешали,
 Во книгу вѣчности они внесены спали,
 И должно было впредъ испланился имъ ;
 Невинность во слезахъ пошла во слѣды за нимъ.
 Сумбека жипросшюю напасъ запечатлѣла,
 Копорая Царю во срѣшенъе лешала.

Аишь выступилъ Алей дубравы изъ границъ ;
 Идущаго Царя встрѣчаетъ ликъ дѣвицъ ;
 Подобно Граціямъ блистая красотою ,
 Ко граду пушь онѣ усыпали цвѣтами.
 Ушѣжи, прелесни, шѣснятся вокругъ его ;
 Берутъ оружіе съ усмѣшкой у него ,
 Благоуханіемъ одежду оросили ,
 И гимны свойственны случаямъ возгласили ;
 Вѣнцы сплетающа соблазность изъ цвѣтовъ ,
 Къ Алею подступивъ, подѣмлетъ свой покровъ ,
 Снимая шлемъ съ Царя, главу его вѣнчаетъ ,
 И мечъ его укравъ, цвѣты ему вручаетъ ;
 Коварство робкое пріемля смѣлый видъ ,
 Отѣмлетъ у него копье и лукъ и щитъ .
 Казлася любовь въ Героя превращенна ;
 А храбрость Царская послѣднихъ силъ лишенна .

Тогда крылатая въ Казань паритъ молва ,
 Недремлюща во вѣкъ, скоро, быстра, жива ;
 Молва Алеево прибытіе вѣщаетъ ,
 Съ Москвой взаимный миръ Казанцамъ обѣщаетъ .
 Пріятная судьба Казани смутной льститъ ,
 Которую сулилъ Царицѣ ихъ Сейтъ .

Златая встрѣтила Сумбеку колесница ,
 Съ Алеемъ въ торжествѣ возсѣла въ ней Царица ;
 Народъ въ восторгѣ зрѣтъ съ высокихъ градскихъ
 стѣнъ ,
 Идущаго Царя во произвольный плѣнъ .
 Чье имя спрахъ Ордамъ недавно наводило ,
 Пришесствіе того спокойствіемъ граду льстило .
 О шигръ, жителей копорый устрашалъ ,
 На пажитяхъ спада пасомы пожищалъ ,
 Съ такимъ веселіемъ граждане разсуждаютъ ,
 Когда его въ цѣпяхъ по граду провожатъ .
 Спѣшаща обрѣсти сокровища и честь ,
 Является Царю въ лицѣ вельможей лестъ ;
 Защитникомъ Орды Алея называетъ ,
 И слезы радостны ласкаясь проливаетъ ;
 Имѣя въ разумѣ о выгодахъ вечны ,

Къ подножію его разсыпала цвѣты.
И подлосць рабская шоль гнусно унижалась,
Что ко стопамъ его главою понижалась;
Лице покорности умѣюща принявъ,
Кольна Царскія спремилася обнять.

Любовь народныя плесканья подкрѣпили,
И въ Царскій древній домъ любовники вступили.
Темница, спрасъ куда Алея привлекла,
Казалася ему съ Сумбекой весела.
Цирцеѣ гордая Сумбека подражаетъ,
Она и взоръ его и духъ обворожаетъ,
И въ сердце ласкныя вливающа слова,
Во агнца слабаго преобратила льва.
Коль слѣпы въ ихъ любви бываютьъ человеки!
Алей весь міръ включалъ во прелестяхъ Сумбеки.
По радостямъ его летаетъ плѣнный взоръ,
На что ни смотритъ Царь, вступая въ Царскій дворъ.

Тамъ рядъ древесъ казалъ широкія дороги,
Сквозь кои пышныя открылися чертоги;
Вкругъ нихъ свѣшились столпы въ златыхъ
венцахъ,
И бисеръ въ солнечныхъ играющей лучахъ.
Споенія сего наружное изрядство
Роскошною рукой возвысило богатство;
Со пестрымъ мраморомъ тамъ аспидъ сопряженъ;
Блистая хрусталемъ, казался домъ зажженъ.

Предъ онымъ зрѣвъ Алей столпами окру-
женну,
Изъ твердыхъ мраморовъ Казань изображенну;
Какъ нѣкій исполинъ, имѣя грозный видъ;
На каменномъ она подножіи стоишь.
Художникъ плѣнную изобразилъ Россію,
Ко испукановымъ стопамъ склонившу выю;
И узы, на ея лежащія рукахъ,
Являли прежній плѣнъ и прежній Россовъ страхъ.
Казань десницею ужасный мечъ держала,
И горду власъ свою чрезъ то изображала.

Въ сей страшный испуканъ устроенъ тайный
входъ ;
Которымъ ихъ Цари вступаая каждый годъ ,
Молишвы ложному пророку приносили ,
Всегдашня торжества надъ Россами просили :
Въщающъ, будто имъ завѣщъ волхвами данъ :
Доколъ невредимъ сей будетъ испуканъ ,
Дошолъ славный градъ безвреденъ сохранился ,
И благо ихъ во зло во-вѣкъ не превънишся .
Коль пламенно Алей Сумбеку ни любилъ ,
Едва въ сѣи часы любви не испребилъ ,
Казанской гордости когда онъ знакъ увидѣлъ ;
Алей щеславіе и пышность ненавидѣлъ .
Хоть сердце опіяла Сумбека у него ,
Россія въ памяти присуществуетъ его ;
Противенъ испуканъ его казался взору :
Россійскаго Алей не могъ терпѣть позору :
Но то коварная Царица усмотрѣвъ ,
Изгнала прелестями его изъ сердца гнѣвъ :
Она глаза къ нему шоль страстно устремила ,
Что ими прочіе всѣ виды вдругъ зашмила ;
И нѣжныя слова лишь шолько изрекла ,
Алея за собой въ чертоги повлекла .

Тамъ пѣсни юныхъ Нимфъ повсюду разда-
вались :
Вѣнцы изъ нѣжныхъ розъ Алею въ даръ сви-
вались :

Подобны Уріамъ казались Нимфы тѣ ,
О коихъ Махометъ въщаепъ красотѣ .
Онъ пріятности любовныя въщали ,
Которы и боговъ небесныхъ восжищали ;
Воспѣли рыцарей великихъ имена ,
Которы въ древнія любили времена .
Отправой сладкою любовникъ упивался .
Армидою Рейодъ подобно такъ прельщался .

Сумбекъ нравилось прельщеніе сѣе .
Алей какъ нѣкій рай жилище зрѣлъ ее ;
Искусствомъ помрачивъ убранства горделивы ,
Часть I. Е

Тамъ видны на стѣнахъ изображенья живы ,
Ихъ кисть волшебная для глазъ произвела ,
И видъ естественный и душу льну дала.

Въ лицѣ пріятнаго и крошкаго зефира
Изобразила кисть златое царство мира ;
Миръ страшный брани храмъ заклепами крѣпимъ ,
У ногъ его въ правѣ волкъ съ агнцемъ купно
спитъ ;
Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ ,
И львица юнаго шельца млекою питаетъ ;
Во всей веселости между цвѣтовъ видна ,
Подъ тѣнію древесъ сѣдяща тишина ;
Алмазный щитъ надъ ней спокойствіе держало ,
И щастіе сію богиню окружало.

Съ другой страны встрѣчалъ обвороженный
Военный подвиги, сраженія, раздоръ : (взоръ
Тамъ зрился во крови свирѣпыхъ бичей Царица ;
Тамъ раны видимы, тамъ кровь , тамъ блѣдны
Герои въ цвѣтѣ лѣтъ кончающіе дни, (лица ;
И спонунъ, кажется, написанны они.

Сумбека на Царя коварствуя взираетъ ,
Узнавъ, къ чему свои онъ мысли просираветъ ;
Чѣмъ паче занявъ онъ, кровавой ли войной ,
Или цвѣтущею въ покоѣ тишиной ?
Ей мнилось, что война его вниманью льстила ,
И взоромъ взоръ его къ иному отвратила.

Тамъ новый видъ глаза Царевы поразилъ :
Художникъ пламенну любовь изобразилъ.
Любовь, которая казалася на тронѣ ,
Съ калчаномъ стрѣлъ въ рукахъ и въ розовой
коронѣ ;
Тѣ стрѣлы сыплются въ день ясный и въ ночи,
На всю вселенную, какъ солнечны лучи.
Лучами шаръ земный ны солнце освѣщаешь ,
И грады оными и степи посыпаешь :
Подобно стрѣлы такъ изъ рукъ любви летятъ ,

Равно Владѣтеля и паспужа являишь ;
И щастье равное они тогда вкушаютъ ,
Когда свои сердца любовью утѣшаютъ .

Что живописью цвѣтовъ на льнѣ изображалъ ,
Художникъ въ томъ живой натурѣ подражалъ :
Тамъ гордыя древа долины осѣняли ,
И кажется, они верхи свои склоняли :
Межъ камней извившись источники кипятъ ,
И мнится, на стѣнѣ написанны шумятъ ;
Тамъ кажется Нарцисъ еще глядитъ въ попоки ,
И будучи цвѣткомъ, пускаетъ слезны токи ;
Нещастный Адонидъ, спавъ жертвою любви ,
Еще является на стеблѣ во крови .
Алей на все взираетъ, взираетъ и возжищался ;
Но бодрый духъ его слабѣетъ и возмущался ;
Толико мысли онъ въ забавы углубилъ ,
Что друга вѣрнаго Гирея позабылъ .

Другъ часто близокъ къ намъ во отдаленнѣй
прона ,
Но въ немъ лишь видѣнъ Царь , когда на немъ
корона .

Алей возшедъ на тронъ, въ день щастья своего,
Не помнитъ дружества, но помнитъ другъ его!
Казанцы жизнь при немъ предвидящи щастливую,
Морскому въ онъй день подобились приливу ,
Который Царскій домъ какъ море наполнялъ :
Весь градъ передъ Царемъ колѣна преклонялъ ;
И вѣрность радости свой вездѣ трубила .

Алея подлинно Казанска чернь любила ;
Уже два раза онъ сердцами ихъ владѣлъ ,
Какъ будто о своемъ, о благѣ ихъ радѣлъ ;
Имѣли въ немъ они отъ сильныхъ оборону .
Алею поднесли порфиру и корону ;
Не страшны Россы имъ, не страшенъ Аспалонъ ,
Когда приосенилъ Алей Казанскій тронъ .

Но завясть и раздоръ среди вельможъ ле-
стающихъ ,
Которыхъ Царя наружно почитаютъ .

Сии двѣ фурїи, шревожа ихъ сердца ,
Неволяшъ ихъ алкашъ Казанскаго вѣнца ;
И каждый думаетъ Алею быть подобенъ ,
Иль паче , нежелъ онъ , владѣшъ Ордой спосо-
бенъ.

Но завистью Сагрунъ сильнѣе всѣхъ горитъ ,
Онъ взоры пламенны кидая, говоритъ :
Какіе подадимъ мы служи нынѣ свѣту ,
Избравъ того Царемъ, кто врагъ и Махомету ,
Кто рабствуя Царю Московскому служилъ ,
И можетъ быть его на насъ вооружилъ ?
Или мы собственныхъ достоинствъ не имѣемъ ,
Что выбрать во Царя другъ друга не умѣемъ ?

Но прервалъ рѣчь его Гирей, Алеевъ другъ ,
Вельможей собранныхъ вступивъ въ мяшежный
кругъ :

Не лзя прошивишся, онъ рекъ, судебъ устави ,
Алею отдаюшъ они его державу ;
Державу, до сего носиму имъ не разъ ;
Кто смѣетъ быть Небесъ прошивникомъ изъ
насъ ?

Не вѣру толковать вѣнчается Владѣтель ;
Онъ въ поданныхъ вселяетъ обязанъ добродѣтель ;
Кто лучше озаритъ Казанскій ея тронъ ?
Кто лучший дастъ примѣръ въ геройствѣ , коль
не онъ ?

О! естли исполнять жотѣнія сердечны ;
На царство выборы здѣсь будутъ безконечны ,
И будемъ въ пренїи о тронѣ мы вовеки .
Начальствовать другимъ желаетъ человекъ ;
Но царство возмущивъ , уграшимъ мы свободу .
Однако отдадимъ сіе на судъ народу :
Народомъ подкрѣпленъ бываетъ Царскій тронъ ,
Да скажетъ, симъ Царемъ доволенъ естли онъ ?
Спросилъ, и гласы ихъ какъ волны зашумѣли ,
Казанцы собраны согласну мысль имѣли ;
Не слышно, кромѣ сихъ торжественныхъ рѣчей :
Пусть нами царствуютъ съ Сумбекою Алей !

Сребристая луна на горизонтъ вступила ,
 Но радости въ сердцахъ она не усыпила ;
 Стараясь удержатъ во градъ ясность дни ,
 Казанцы возгнѣли блестящіе огни ;
 Веселость подданныхъ наружны кажутъ блески,
 Восходящъ къ облакамъ торжественные плески;
 Какъ шумъ морскихъ валовъ, достигъ къ черто-
 гамъ гласъ :

Да наши радости возрадуютъ и васъ !
 Сумбска нѣжностіей подъ пепломъ искру крыла;
 Тронъ швой, и я швоя, Алею говорила ;
 Съ моимъ сливающимся народныя сердца ;
 Отъ нихъ и отъ меня пріемлешь два вѣнца ;
 Одинъ Царемъ тебя шворитъ надъ сей страной,
 Другой надъ волею моею и надо мною.

По мнѣ сей градъ, престолъ и весь народъ есть
 швой ;

А съ нами примирясь, смири Казань съ Москвой;
 Мы ей селенія за-Волжскія уступимъ ,
 И естли хочешь ты, присягой миръ съ ней
 купимъ.

Мы браней не хотимъ! . . . Хотя и льщуся я,
 Что можетъ защищать Казань рука швоя ;
 Но ты Россіи другъ; а царствуя надъ нами ,
 Россіянъ учини ты нашими друзьями ,
 И станемъ въ градъ семъ златыя дни веспи. . . .

Алей, не чувствуя сея Царицы льсти ,
 Сумбеку подкрѣпилъ въ пріятномъ упованъѣ.
 Взоръ нѣжный усладилъ и еспрасъ и пированье,
 Казалось, разлился веселій океанъ.

Но часто кроется подъ ласками обманъ ;
 Кругомъ любовниковъ слезающія ушѣхи ,
 Слезаются въ чертогъ умильности и смѣхи.
 Но виды таковы Сумбекинъ Дворъ имѣвъ ,
 Таилъ въ спѣнахъ своихъ притворство, зависъ ,
 гнѣвъ ,

Которыя открытъ лица еще не смѣли ,
 И зримы будучи, припворный видъ имѣли.
 Сумбека зрѣлася при радостяхъ смущена. . . .
 Османа помнила, ахъ! помнила сна ;

Невѣрности его Царидѣ въ мысль приходящѣ ,
Какъ облако во дни на сердце мракъ наводящѣ .

Досада, ревность, гнѣвъ, ея перзая грудь ,
Отверзли мщенію къ Сумбекѣ въ сердце путь .
О коль спрашна любовь, опмищающа измѣну !
Османа привеспи даещѣ приказъ изъ плѣну .

Свирѣпства, жипроспи и мщенія полна ,
Алею говорищѣ сменаючи она :
Онѣ врагѣ мой, врагѣ и швой, злодѣй всего народа ,
Которымѣ опниа была моя свобода !

Я дружбы прежнія съ нимѣ узы нынѣ рву ,
И въ жертву опдаю тебѣ его главу
Алей сказалѣ. Османѣ! внемли, что я вѣщаю ;
Ты врагѣ мнѣ, я тебѣ свободу возвращаю ;
Познай теперь, Османѣ, какѣ Христіане мещашѣ ;
Ты можешь съ нами жить , оставишь можешь
градѣ .

Сумбека , будто бы предбудущее зрѣла ,
Еще подѣ стражею держашѣ его вѣла .

Османѣ опходитѣ прочѣ , но прочѣ любовь
нейдещѣ ,
По сердцу разлилась , и власть надѣ нимѣ бе-
рещѣ ;
То спужу дѣлаещѣ, то множинѣ люпый пламень ,
И сердце размягча падещѣ какѣ въ воду камень ,
Сумбека, чающа Османа не любивѣ ,
Сѣ Алеемѣ щастлива въ забавахѣ хочещѣ быти .
Сей плѣнникѣ , въ Царскія вешупивѣ священны
нравы ,

Вдаещя въ новыя съ Сумбекою забавы ,
Желая облегчитѣ правленія шруды ,
Влечещѣ его она въ роскошныя сады ,
Гдѣ тысящи пріятешѣ для Флоры и Помоны ,
Волшебною рукой сооружили шроны :
Тамѣ розовы вокругѣ кустарники цвѣшущѣ ,
Зефирѣ покоишя на ихѣ листочкахѣ шущѣ ;
Тамѣ вѣшвями древа густыми соплетенны ,
Прохлады завсегда въ шѣни хранящѣ весенны ;

Чрезъ виды разные стремящаяся шамъ,
 Подъемлется вода шумяща къ облакамъ;
 Любовны нѣжности въ кустахъ себя скрываютъ,
 И пицы сладость ихъ и прелестъ воспѣваютъ;
 Зеленые лужки въ тѣни деревьевъ цвѣтутъ,
 И кажется, любовь одры готовитъ тутъ;
 Наяды у ручьевъ являюща сѣдящи,
 Волшебны зеркала въ рукахъ своихъ держащи,
 Въ копоры Граціи съ усмѣнками глядятъ;
 Амуры обнявшись, на мягкой травкѣ спятъ;
 Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни,
 Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни.
 Сумбекъ въ мысль пришли минувши времена,
 Когда съ Османомъ здѣсь видалася она;
 Любовныя свои прохлады вспоминула:
 Взглянула на мѣста, и тяжко воздохнула;
 Но скрыла грудь ея снѣдающую спрасть,
 Беретъ надъ слабостью Сумбека полную власть;
 Запечатлѣнные намѣренія имѣя,
 Османомъ прельщена, взвела на тронъ Алея.
 Алею ввѣрила владычество свое,
 Но царствовалъ Османъ надъ сердцемъ у нее.
 Уже Алей Казань мятежну успокоилъ,
 И къ миру онъ сердца людей своихъ устроилъ,
 Союзъ готовился съ Москвой запечатлѣть;
 Но искра мятежа не преставала палѣть.

Османъ отверженный, Османъ лишенъ покою,
 При общей радости терзается тоскою;
 Ему являюща мечтанія во шмѣ,
 Эмира у него и въ сердцѣ и въ умѣ.
 Гуляетъ ли въ садахъ, или въ ноши воздремлетъ,
 И мракъ и дерева лице ея пріемлетъ;
 Тмишся духъ его и спынетъ въ жилахъ кровь.

Взирая на сіе развратная любовь,
 Любовь, мрачаща умъ, когда въ крови заплился;
 Любовь сердецъ и душъ спраданьемъ веселился,
 Любовь, опѣмлюща покой, разсудокъ, стыдъ,
 Пріемлетъ на себя теперь Эмиринъ видъ:

Къ Осману спящему со трепещомъ приходишь,
 Отраду зрѣнію, но сердцу скорбь наводишь.
 Эмира, будто бы сей жизни при концѣ,
 Имѣешь блѣдное и смутное лице;
 Раздранная на ней казалася одежда;
 Речешь: моя теперь исчезла вся надежда,
 Исчезла, видѣться и вмѣстѣ быть съ тобой:
 Намъ должно жить, Османъ, весь вѣкъ въ раз-
 лукъ злой!

Опечаленный она вѣщая взоръ кидала,
 Главу пошупила, и горько возрыдала.
 Но ктожъ причиною сердечныхъ нашихъ ранъ?
 Эмира говоришь: причиною ты, Османъ!
 Спѣши, ты можешь быть спасти меня успѣшь,
 Къ свободѣ средству ты надежныя имѣешь,
 Успѣхъ получишь ты надъ слабою женою;
 Рыдай предъ ней, спѣши увидѣться со мною.
 Сии слова не развѣ ему твердила,
 И взоры слезные кидая уходила.

Османъ, какъ будто бы пронзенъ во грудь
 стрѣлой,
 Трепещетъ, мучится, смущается мечшой,
 Встаетъ; и се въ чертогъ Сагрунъ коварный
 входитъ;
 Онъ взоры на него печальные возводитъ.
 Въ вельможѣ семъ душа какъ адъ была смутна,
 Къ различнымъ хитросетямъ склонялася она;
 Грызомый завистью, покоя не имѣешь;
 Желая людямъ зла, о бѣдствѣ ихъ жалѣешь;
 На блѣдномъ у него написано лице,
 Что мыслилъ день и ночь о Царскомъ онъ
 вѣнцѣ.
 Нося въ груди своей намѣреніе злобно,
 Хотѣлъ, какъ самъ себя, и всѣхъ смущать по-
 добно;
 И такъ Осману рекъ: о коль швой скорбенъ
 взоръ;
 Но долго ли тебѣ такой терпѣть позоръ?
 Таврискій храбрый Князь въ Казанѣ узы носитъ,

О вольности своей ни думаешь, ни просишь ;
 Когда бы можешь быть, ны слово лишь изрекъ,
 Порфирюбъ себя во градъ семъ облекъ ;
 Я дружества къ тебѣ во вѣки не нарушу :
 Ты вѣдаешь мою ревнительную душу ,
 И вѣдаешь еще ту пламенную страсть ,
 Котора ввергнула тебя въ сію напастъ ;
 Дай нову силу ей, и подкрѣпися ею ,
 Сумбека сжалился надъ нѣжностью своею ;
 Явись ея очамъ! . . . Османъ, мечтой смущенъ,
 Коварнымъ Сагруномъ былъ паче обольщенъ.
 Вельможу снѣ сего при щастѣ ненавидѣлъ ,
 Но вѣрилъ днесъ ему мечу, котору видѣлъ.
 Такъ бѣдный плаваель, въ пучинѣ жизнь губя,
 За все хватается, что видитъ вокругъ себя.

Довѣренностью сей Сагрунъ возвеселился ,
 Онъ только ждалъ, чтобы Османъ ему от-
 крылся ;
 Намѣренъ въ груди злодѣйское пишалъ ,
 Своимъ орудіемъ любовну страсъ ечишалъ ;
 Во злобѣ предпріалъ, раздоръ въ троихъ посѣя,
 Османа погубишь, Сумбеку и Алея.
 Сей хищный волкъ теперь пріемлетъ агнчій
 видъ ;
 Лукавый духъ его подъ видомъ дружбы скрытъ :
 Спаси отъ бѣдства насъ ! вѣщаетъ снѣ со сто-
 номъ ,
 Мы всѣ устращены колеблющимся трономъ ;
 Сумбека нѣжности къ тебѣ не изгнала ,
 Но въ гнѣвъ Царску власъ Алею опдала ;
 Возможно ли женѣ въ ея угрозахъ вѣришь ?
 Онъ и злобствуя умѣяетъ лицемѣрить ;
 Ихъ гнѣвъ естъ молнія, которая сверкнетъ ,
 Но солнце воссіявъ, опять сіять начнетъ ;
 Алей, опасный врагъ и вѣры и Казани ,
 Сбираетъ для Москвы съ Татаръ позорны дани ;
 Я видѣлъ, какъ теперь народу онъ ласкалъ ,
 И въ ихъ сердца войши , различныхъ средствъ
 искалъ.

Имѣя желчь въ груди, почилъ онъ медъ уснами;
 Съ Россіей вѣчный миръ украсилъ онъ цвѣтами,
 И прелестью словесъ собранье обольщалъ . . .
 Симъ адскимъ вымысломъ онъ души уловлялъ;
 Онъ рекъ сіи слова, но ихъ изрекъ краснѣя:
 Вы другомъ, не Царемъ имѣете Алея!
 Смирися съ Москвой, отъ насъ отвергнутъ
 брань,
 Не многая къ тому отъ васъ потребна дань,
 Присяга вѣрная! . . . О коль слова безбожны!
 Рабамъ покорности такія супъ возможны;
 А мы давно ли власъ имѣли надъ Москвой?
 Намъ лзяль къ стопамъ ихъ пасъ, бывъ преж-
 де ихъ главой?
 Кто знаетъ? можетъ бытъ, шая въ душѣ ко-
 варство,
 Разрушилъ предпріалъ Алей Казанско царство;
 Мужайся, ободрись, злодѣя не жалѣй,
 Сними съ него главу, коль не снялъ онъ швоей!
 Ты смертїю своею несчастный ускоряешь;
 Спасая жизнь его, свою ты жизнь теряешь.
 Теперь, Османъ! любовь Царицъ докажи;
 Корону со главы падушу удержи;
 Тебя къ тому зовешъ и зримое мечтанье,
 Любовь, несчастїе, и наше почитанье;
 Та шѣнь, которая являлася тебѣ,
 Ко щасливой тебя и шѣнь зовешъ судьбѣ!
 Уже колеблются божницъ верхи злашны;
 Ты вѣру подкрѣпи, и воскреси Бащыя.

Когда сіе Сагрунъ лукавствуя вѣщалъ,
 Развратъ и паче въ немъ духъ звѣрскій возму-
 щалъ;
 Обвившись вокругъ него, коварство разправляетъ,
 Сумбеку взору онъ кровавому являетъ,
 Котора, жалуюсь на спорогости Небесъ,
 Ходила въ горести подъ шѣнїю древесъ;
 И съ нѣжностью своей имѣющая споры,
 Гдѣ жилъ Османъ, труда бросала смутны взоры.
 Примѣшивъ Сагрунъ спрданїе сіе,

Вынчаннымъ поспавляяль желаніе свое,
 И рекъ Осману онъ: я долгъ и дружбу помню;
 Пойду, и важныя намѣренья исполню:
 Заспавляю гордою Сумбеку меньше бышь,
 Тебѣ престолъ отдашь, Алея позабышь!
 Идешь, и хитрости вокругъ его лещающъ,
 Онъ льстеца сего орудіемъ считающъ;
 Во рабскомъ образѣ представили его,
 Покорность на челъ являя у него.
 Съ лукавствомъ внутреннимъ къ Сумбекъ онъ
 подходишь,
 И рѣчь съ ней о любви Османовой заводишь.
 Такъ Евву льстивый змій въ Едемъ соблаз-
 нялъ,
 Когда ее вкусишь познаній плодъ склонялъ.
 Прилично ли, онъ рекъ, что здѣсь какъ пльн-
 никъ низкій,
 Подъ стражей держится безвинно Князь Тав-
 рискій,
 Сей Князь, который сталъ за то одно гонимъ,
 Что онъ любилъ тебя, что онъ тобой лю-
 бимъ?
 Всѣ сжалились надъ нимъ, мы плачемъ, пла-
 чущъ сироты;
 Онъ спраждаетъ, ни вражды не зная, ни измѣны;
 И любилъ онъ тебя! . . . Но мы оставимъ то.
 Подумай, Крымъ теперь въ отвѣтъ намъ ска-
 жешь что?
 Османа заключивъ, мы Крымскій родъ поносимъ;
 А помощи отъ нихъ въ напаси общей про-
 симъ;
 На чтожъ она теперь? Здѣсь царствуетъ Алея;
 Османъ кончаетъ жизнь, кончаетъ какъ злодѣй!
 Умолкъ. . . и рѣчь сія Царицѣ гордой льстила,
 Она и выговоръ совѣтомъ добрымъ чтила;
 Хотѣла за любовь обиженною бышь,
 И спашъ заспавленной невѣрнаго любить.
 Но края нѣжну спрасть, копора грудь перзала,
 Сумбека хитрому наперснику сказала,
 Сказала Сагруну, всемъ сердцемъ возшени:

Ахъ! лъзя ли вѣришь мнѣ, что любитъ онъ
меня?
Не сей ли льстецъ меня на прѣнъ обезславилъ?
Не онъ ли въ Тавръ опселя любовницу отправилъ?
Не явенъ ли его изъ града былъ побѣгъ?
Мной! мной обогащенъ! меня онъ пренебрегъ. . . .
Сумбека залилась при сихъ рѣчахъ слезами.

Сагрунъ вскричалъ : Османъ во вѣки будетъ
съ нами!

Невѣрность скорую всегда пріемлетъ казнь.
Эмира, позабывъ Османову пріязнь,
Съ его сокровищемъ въ Россію убѣжала;
Увы! тебѣ въ любви она не подражала!
Османъ раскаялся! Я самъ то прежде зрѣлъ,
Что онъ обманщицу Сумбекъ предпочелъ.
Но се идетъ Османъ; онъ самъ тебѣ докажетъ,
Какъ любитъ онъ тебя, и что онъ мыслитъ,
скажетъ;
Скрывается Сагрунъ, извергнувъ сладкій ядъ.

Сумбека бросила къ Осману нѣжный взглядъ:
Печали на челѣ, въ ланипахъ блѣдность ви-
дитъ,
И прежни строгости Сумбека ненавиждитъ;
Клянетъ суровые свои поступки съ нимъ:
Теперь не онъ предъ ней, она винна предъ
нимъ.
Казалось, вокругъ нея летали смертны тѣни,
Мунилась взоръ ея, дрожащъ ея колѣни;
У ней на памяти ночныхъ видѣній нѣтъ,
Забвенъ, забвенъ Алей, забвенъ и цѣлый свѣтъ.

Но мнѣ представились въ сей рошцѣ прі-
япной,
Печальны слѣдствія любви, любви развратной:
Тамъ прелестъ видима, прищворство, лестъ сб-
манъ,
Сумбека чувствуетъ, ихъ чувствуетъ Османъ;
Колѣни сей пришлецъ Сумбекины сбѣмлетъ:

Она раскаянью любовникову внемлетъ,
И снова пламенной любовію горитъ.
Османъ, лїющій слезъ попоки, говоритъ:
Увы? не спю я Сумбекиной прїязни,
Прощенья не хочу, хочу жестокой казни! . . .
Сумбека, во слезахъ взирая на него,
Поверглась въ помныя обѣщанія его:
Живи! Османъ живи! спсая возопила;
Лобзаніемъ сей миръ съ Османомъ подкрѣпила.
Увы! виновна я и пѣмъ, сна рекла,
Что въ ревнссіи себя унизила я могла;
Забудемъ, что была на свѣтѣ семъ Эмира:
Уронъ пивой замѣняю: я, прокъ мой и порфира.

Сумбекины слова какъ будто разумѣлъ,
Казалось, воздухъ весь въ то время возшумѣлъ,
Развращенны, въ вѣшнїяхъ которые скрывались,
Кругомъ любовниковъ лешая извивалась,
И разпылалися у нихъ въ сердцахъ они:
Въ шомъ жладъ произвели, въ Сумбекиномъ
огни.
Возможноль чаятъ имъ судьбины въ мїрѣ ле-
сннхъ?

Земной любви они искали, не небесной!
Съ Эмирой вмѣстѣ бытъ, неволи избѣжашъ,
Османъ являетъ видъ Сумбеку уважатъ;
Любовью пламенной къ нему Сумбека пѣля,
Личину нѣжности имѣла для Алея;
Условились они согласіе тайтъ,
Доколь настанетъ часъ Алея испребитъ.

Невинная любовь свѣпильникъ погасила,
И грудь Сумбекину слезами оросила,
Крылами впрепешавъ, сокрылась отъ нее,
Ломаетъ въ воздухъ орудіе свое.
Вѣщающъ: слышалось во деревьяхъ стenanье,
Сумбекино когда слышали желанье.

Алей во Царскіе чертоги возвращенъ,
У края пропасти былъ взоромъ оболъщенъ.

Царица льститъ ему, но льститъ и ненави-
дитъ ;

Невинность скоро зла конечно не увидитъ.

Когда Алей Казань къ покорству призывалъ ,

Свѣяжскъ измѣною его подозрѣвалъ (*)

Въ Москву отправилъ вѣсть, молвою излїянну.

И время пренести мнѣ лиру къ Іоанну !

(*) Здѣсь означается время, о которомъ упоми-
нается въ первой пѣсни о Алеевой измѣнѣ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Россійскимъ подвигамъ парящей духъ во слѣдъ,
И проповѣдатель торжественныхъ побѣдъ,
Во дни торжественны, во дни ЕКАТЕРИНЫ,
Вносятся! мы трудовъ достигли половины.
Но Муза цѣлю своей до днесь брала
Раздоры, хипроспи и нѣжныя дѣла:
Теперь открылося кровавое мнѣ поле;
Попищимся успремить вниманья къ пѣснямъ болѣ.
Отъ сонныхъ водъ спремлюсь къ пучинѣ пре-
лешать,
Не миртовы вѣнцы, лавровые сплетать.
О Музы! есѣли вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите,
Да важныя дѣла вселенной возглашу,
О коихъ возжищенъ воспоргамъ пишу.

Любовь, которая Алея поражала,
Въ злѣтыхъ цѣпяхъ его окованнымъ держала.
На слабости его взирающая Казань,
Междуусобную въ спѣнахъ пишала брань;
Россія между тѣмъ главу подѣмлетъ помну,
Знамена видяща вносимыя въ Коломну.
Сей градъ, отъ Римскихъ золь искавый оборонъ,
Въ началѣ основалъ Лапинскій Князь Колонъ;
Когда противъ него враги пускали стрѣлы,
Изъ Рима онъ пришекъ въ Россійскіе предѣлы;
И славы здѣшнихъ спрайъ во браняхъ множа
громъ,
Поставилъ на брегахъ Оки прекрасный домъ;
Зелены влажною луга обнявъ рукою,

Тамъ близко срьшилась Москва рѣка съ Окою ,
И съ нею сѣдинивъ и воды и уста ,
Казалось, припекла на красны зрѣть мѣсна .

Какъ будто въ сонмѣ единѣ сліяны бы-
спры рѣки ,
Военны силы шлютъ въ сей градъ мѣсна далеки .
Уже казалася со спѣнъ издалека ,
Подъемающаяся пыль, какъ бурны облака ,
И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются .
По всѣмъ градамъ опцы съ сынами расстаются ;
Лобзаютъ сына мать, пошюки слезъ лія ;
Прощаются въ слезахъ супруги и друзья .
Но только ратники изъ спѣнъ выходятъ въ поле ,
Встрѣчаютъ храбросъ ихъ , и слезъ не видно
болѣ .

Уже во древности извѣстный Музіянъ ,
Который и до днесъ изъ грозныхъ водъ сліянъ ,
Спенящія берега свирѣпаго Ильмена ,
Въ Коломну ратныя опправили знамена .
Гдѣ Волховъ пвердымъ льдомъ шесъ мѣсяцовъ
покрытъ ,
Опшолъ воинство какъ стадо пшлудъ паритъ ;
И Ладожски спруи въ берегахъ своихъ яряся ,
Что горды спѣны въ нихъ опустошенны зряся .
Уже опверзъ врага дружинъ Изборскъ градъ ,
Гдѣ Труворъ , Рюриковъ княжилъ юнѣйшій
братъ ;
Сквозь блатъ пшпкія и горы камениспы
Прежодятъ будто бы поля и роуци чиспы .

Держаетъ воинство отъ дальныхъ оныхъ
мѣспъ ;
Гдѣ мщеньемъ Ольгинѣмъ извѣстенъ Искорескъ .
Тамъ, Игорь видится еще швоя гробница ,
Надъ коей плакала премудрая Царица ,
Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь ,
Принесшая тебѣ Древлянску въ жершву кровь .

Уже отверзлися запечатлѣнны двери,
Союзами съ Москвой соединенной Твери;
Упорство, коимъ сталъ нещасливъ Михаилъ,
Отборнымъ воинствомъ сей городъ замѣнилъ.

Уже оставили морскія бѣлы воды,
Вокругъ Архангельска живущіе народы;
Изъ хладныхъ мѣстъ несутъ горящу къ бра-
нямъ грудь
И храбрость лаврами предъ ними стелетъ путь.
Любовь къ опечеству берега опустошаетъ,
Которые Двина струями орошаетъ;
На сихъ берегахъ рожденъ преславный сей пѣ-
Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ, (вецъ,
Который славу пѣлъ и дни златыя Россовъ,
Гремящей лирою извѣстный Ломонсѣвъ.

Отъ оныхъ сила мѣстъ какъ туча подня-
лась,
Гдѣ Котросль съ Волгою въ срединѣ спѣтъ
слилась;
Гдѣ часто къ небесамъ поднявшися руды сѣрны,
Для грома облака приготавлиють черны.

Уже съ крутыхъ вершинъ и со береговъ Оки
Текутъ съ оружіемъ великіе полки;
Война, и славы рогъ въ Коломну привлекаетъ
Съ пѣхъ мѣстъ народъ, Угра гдѣ съ шумомъ
протекаетъ;
Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
Когда при сихъ берегахъ Казанцовъ побѣдилъ.
Коломна зрѣтъ мужей къ сраженію готовыхъ,
Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днѣпро-
выхъ:
Приходятъ ратники къ спѣнамъ на общій сборъ,
Отъ мѣловыхъ вершинъ, съ лишенныхъ цвѣта
горъ,
Которы жашвою вокругъ благословенны;
Но кажутся вдали снѣгами покровенны.
Вооружилися на общаго врага

Часть I.

Ж

Благоуханные Донецкіе берега.
 Ко подкрѣпленію отечества и прона,
 Приходящѣ ратники съ извившагося Дона,
 Который водѣ струи спараясь разноситъ,
 Всю хошеть, кажется, Россію ороситъ.

Подвиглись грады всѣ въ обширной части
 міра.
 Но лѣзя ли сильну рать тебѣ изчислишь, лира?
 Пришедше воинство подобилося памѣ
 На пошѣ ледяномѣ различныхъ птицъ спадамѣ.

Коломна наконецъ отверзла дверь широку
 Россійской полночи, полудню и воспоку.
 Ошѣ запада гремящѣ въ спѣнахѣ мечи у ней;
 И сердцемѣ зрѣлася она Россіи всей,
 Кѣ которому, какѣ кровь, вся сила обратилась:
 Кровавая война воззрѣвъ на нихѣ гордилась.

Внутри себя и внѣ мечи и пламень зря,
 Встрѣчаетѣ городѣ сей Россійскаго Царя,
 Который окруженѣ отечества сынами,
 Какѣ новый былѣ Ашридѣ у Трои подѣ спѣнами.
 Онѣ видитѣ полночь всю подѣ скипетромѣ своимѣ,
 И многіе Цари на бранѣ дерзали съ нимѣ;
 Всему отечеству сулили большу цѣлостѣ,
 Россійскихѣ войскѣ соборѣ, любовь кѣ воинѣ, и
 смѣлостѣ.

Когда полки Монархѣ ко брани ополчалѣ,
 И молніи носящѣ, перуны имѣ вручалѣ;
 На ратниковѣ своихѣ Россія обращенна,
 И еспройностію войскѣ, и силой восхищенна,
 И видяща Царя дерзающаго въ путь,
 Подѣ громомѣ чаяла трубѣ звучныхѣ отдохнушѣ;
 Блестящіе мечи, Россійскія сраженья,
 Сулили больше ей, чѣмѣ мирѣ успокоенья.

Прославитѣ воинство предположивѣ сіе,
 Екленилѣ кѣ нему Творецѣ вниманіе свое.

И къ войску громкая побѣда обратилась ;
 Но свѣтлая заря взошла и помутилась.
 Какъ будто льющійся въ луга съ горы потокъ ,
 Россійско щастіе препнулъ на время рокъ.

Горѣли мужествомъ уже сердца геройски ,
 И ставилъ Іоаннъ въ порядокъ ратны войски ,
 Копоры принесли отъ странъ различныхъ въ
 дань ,
 Любовь къ отечеству, злодѣямъ страхъ и брань,
 Лепящи мыслями и мужествомъ къ Казани ,
 Уже простершія къ сраженью храбры длани.

Вдругъ видятъ съ южныхъ странъ идущу
 пыль столпомъ ,
 И конскій топотный внимаютъ бѣгъ попомъ ,
 Приблизилось къ Царю, какъ вихрь, видѣнье тое,
 И разступилсѣ какъ облако густое ;
 Явились гонцы Россійски наконецъ ,
 Которыми влекомъ Ордынскій былъ бѣглець.
 Написанна боязнь у нихъ на лицахъ зрима ;
 Бѣглець возопіялъ: война! война отъ Крыма!
 Уже со множествомъ бунтующихъ Татаръ
 Рязань опустошилъ Ханъ Крымскій Исканаръ ;
 Москвы не истребивъ, сей Ханъ не хочетъ мира.
 Вы зрите предъ собой его раба Сафгира.

Какъ будто человекъ при самомъ бывъ концѣ,
 Изображенну смерть имѣлъ Сафгиръ въ лицѣ ;
 Отверзта грудь его, раздранная одежда ,
 Являли, что ему одна была надежда :
 Позорно кончить жизнь! Склонивъ главу стоялъ,
 И къ Царскимъ вдругъ ногамъ препенущій упалъ ;
 Но бодрости Монархъ опчаяннымъ податель ,
 Спросилъ его : кто онъ ? Я рабъ твой и преда-
 тель !
 Я рабъ твой, землю онъ челомъ бѣя, вѣщалъ.
 Симъ словомъ, не войной сердца онъ возмущалъ.
 И рекъ ему Монархъ: какъ Царь тебѣ вѣщаю ,
 Хотя ты мнѣ и врагъ, вину твою прощаю ;

Но вѣрности въ залогъ теперь повѣдай мнѣ
О грозной Крымцами внесенной къ намъ войнѣ.

Шедротой оживленъ, молчанье разрываешь,
И слезы оперевъ, предаешь опвѣчаешь :
О Царь! мнѣ ты простишь, но Богъ, который
мстивъ

За вѣроломство намъ, вины мнѣ не простишь ;

Уже моей душѣ въ тоску и въ огорченье ,

Является теперь мнѣ вѣчное мученье ,

Свирѣпый огонь, болѣзнь, и вѣчна смерть, и гладъ:

Пылаешь кровь моя, ношу я въ сердцѣ адъ.

Вы чаете, что я рожденъ въ Магомешанствѣ ,

А я увидѣлъ свѣтъ, и выросъ во Христіянствѣ ;

Народу и тебѣ злодѣя и врага ,

Во свѣтъ произвели Рязанскіе луга.

Позволь мнѣ имяна сокрыши жизнь мнѣ давшихъ ,

С пагубѣ моей родителей рыдавшихъ ;

Уже ихъ въ свѣтъ нѣтъ! . . . Тупъ пролилъ
слезы онъ ,

И въ грудь себя бѣя , пускалъ глубокой сномъ ,

И тако продолжалъ. Ихъ нѣтъ! а я остался ,

Дабы томился въ вѣкъ, и покомъ слезъ питался ;

Прибѣгъ я тако въ Крымъ, искаши счастья тамъ ,

Къ соблазну юности, душѣ въ позоръ и срамъ; . . .

О! лучше бы не знать рожденья мнѣ и свѣта ,

Я шамо впалъ во шму пророка Магомеша !

И льстятъ меня въ то время счастья шѣнь ,

Возвысила въ Крыму на знатную степень ;

Отъ глазъ моихъ была святая вѣра скрыта ,

И вдругъ увидѣли мы хитраго Сеипа ,

Который предложивъ отъ Ордъ Казанскихъ дань ,

Вдохнулъ намъ во сердца прошиву Россовъ брань.

Корыстью, гордостью и лестию ослѣплены ,

Симъ старцемъ всѣ чины явились уловлены ;

И силы многія собравый Исканаръ ,

Нагайскихъ преклонилъ къ странѣ своей Татаръ ;

Казанцы златомъ насъ и рашью подкрѣпили ;

Съ свирѣпствомъ варварскимъ въ Россію мы вступили ;

Предъ нами огонь лешѣль, за нами смерть и гладъ;
Пустыни дѣлались, гдѣ цвѣлъ недавно градъ;
И будто бы съ собой законъ Махмешанскій,
Приносишь жадный духъ ко крови Христіанской;
Къ опечесству любовь и чувства попуша,
Оспервлена была на кровь моя душа.

Я первый, можетъ быть, не зная казни близкой,
Я первый мечъ омылъ, мой мечъ въ крови Рос-
сійской;

Не пронувъ плачемъ былъ ни опроковъ, ни женъ.
Тогда отъ воинства съ дружиной отряженъ,
Пошелъ опустошать окружные предѣлы,
И въ пепелъ обращалъ встрѣчаемая селы:
Рѣками кровь течилъ! И въ нѣкій грозный день,
Когда просперла ночь на землю первую тѣнь,
Со пламенемъ мы домъ и съ воплемъ окружили.
Бѣгушъ отъ нашихъ стрѣлъ, которые въ ономъ
жили.

И старецъ мнѣ сквозь мракъ явился въ сѣдинахъ,
Котораго гнала свирѣпа смерть и страхъ;
Сей старецъ отъ мечей и копей укрывался,
Онъ руки вознося, слезами обливался.

О варваръ! спомоу я не пронулся его:

Я бросилъ копіе свирѣпствуя въ него,
И грудь его пронзилъ. Омытый старецъ кровью,
Со Христіанскою вѣщалъ тогда любовью:
Простите, Небеса, убійцѣ смерть мою!

Я долгу естественный природѣ отдаю;

Мнѣ тако жизнь скончау назначила судьбина;

О! естли сынъ мой живъ, благословляю сына!

Когда же духъ его съ послѣдней кровью текъ,

О Боже! . . имя онъ мое вздохнувъ изрекъ. . .

Я стрѣлы острѣя и мечъ мой свергаю,

Кончающему жизнь, я къ старцу прибѣгаю,

И въ немъ родителя, несчастный! познаю;

Онъ кончилъ жизнь, а я недвижимъ стою!

Когда моя душа изъ тѣла вонъ лешѣла,

Ошпоргнули меня отъ убіенна тѣла.

Лишенный чувствъ моихъ, я вналъ во смертный
сонъ;

Но мнѣ спокойствія не могъ доставить онъ.
 Проси мнѣ медленность въ сказанъѣ таковую ;
 Я нѣчто важное, о Царь мой! повѣствую.
 Во снѣ родишеля я видѣлъ моего ,
 Вонзенно копіе я зрѣлъ въ груди его ;
 Обѣмлетъ жладою отецъ меня рукою ,
 И мнѣ трепещущъ рекъ : не трапъ , не трапъ
 покою ;
 Прощаю я тебя; но скройся отъ Татаръ ;
 Погибнетъ съ воинствомъ Сеипъ и Исканаръ !
 Онъ къ небу поднялся . . . Я въ страхъ про-
 будился ,
 И въ саму ону ночь отъ Крымцовъ удалился ,
 Бѣжалъ Россіянамъ видѣнье возвѣститъ .
 Хошу ли бытъ прощенъ ? и лзяль меня про-
 снитъ ?
 На смерть сюда пришелъ врагъ Божій безъ боязни.

Сафгиръ простеръ главу , и ждалъ достой-
 ной казни,
 Но Царь вѣщалъ ему : не мнѣ за грѣхъ твой
 мститъ ;
 Прощаю то тебѣ , что я могу простить ;
 Но казни избѣжать въ судъ по смерти спрогомъ,
 Покаясь предо мной , покайся и предъ Богомъ.

Сафгиръ, сей страшный левъ , спалъ кро-
 шокъ какъ овецъ ,
 И скрылся отъ людей, крещеньемъ омовенъ.

Взирая Іоаниъ Казанцовъ на кичливость ;
 И видя жипросъ ихъ, вражду, несправедливосъ ,
 Подобно какъ парящъ за добычей орелъ ,
 Который близъ гнѣзда ползущихъ змій узрѣлъ ,
 Въ поляхъ воздушныхъ птицъ безъ брани сста-
 вляетъ ,
 И свой полетъ къ змѣямъ отважно направляетъ.

Такъ взоры опиврашивъ отъ подлежащихъ
 спракъ ,

Бросаетъ грозный взглядъ къ полудню Іоаннъ ;
И тамо внемля громъ нечаянныя брани ,
Туда войну склонилъ , оставивъ пущь къ Ка-
зани ;

На Исканара мечъ онъ въ мысляхъ обращалъ ,
И къ мщению привлечь , Боярамъ такъ вѣщалъ :
Отъ первой храбрости , движенія и жара ,
Отъ первыя стрѣлы , отъ перваго удара ,
Зависятъ иногда сраженіе и брань ;
Мы Крымцовъ побѣдивъ , низложимъ и Казань ;
Злодѣйски замыслы Ордынцовъ уничтожимъ ;
Пойдемъ , и первую надежду ихъ низложимъ .
Я самъ , я самъ иду прошиву сихъ Татаръ ,
Съ копорыми пришекъ грабитель Исканаръ .

Внимая въ небесахъ намѣренія такія ,
Низходитъ ко Царю Божественна Софія ;
Одежды бѣлыя , горящи вокругъ лучи ,
Какъ звѣзды свѣтлыя , блистающіе въ ночи ;
Прозрачны облака , что вокругъ ея ходили ,
Въ ея присутствіи Монарха утвердили ,
И зрѣніе его и мысли привлекла ,
И зрима только имъ , Софія такъ рекла :

О Царь ! въ твоихъ рукахъ всея державы
цѣлостъ ;
Отваживай свою при важномъ дѣлѣ смѣлостъ ,
Постыдна для тебя со Исканаромъ брань ;
Твоихъ перуновъ ждетъ бунтующа Казань .

Изчезло какъ туманъ небесное явленіе .
Вельможи , зрящіе Царя во изумленіи ,
И чая разогнать сумнительствъ мрачну тму :
Къ Казани ли ийти , на Крымцовъ ли ему ,
Въ особый кругъ они спѣснившіеся разсуждали ,
И мудрости совѣтъ согласно подтверждали .

Что медлитъ здѣсь еще? бесѣдуютъ они ;
Имѣемъ лѣпшіе благополучны дни ;
На Крымцовъ коль ийти , опять зима настанетъ ,

И надъ Казанію нашъ громъ въ сей годъ не
грянешъ.
Отправу между тѣмъ сберетъ сей злый сосудъ,
И сокрушитъ его наспанетъ пущій трудъ;
На Крымцовъ устремитъ движенія геройски,
И полководцы есть у насъ и храбры войски.

Царь внялъ, и къ Курбскому спокойно обра-
тятся,
Възвалъ: о храбрый мужъ и славный въ браняхъ
Князь!

Тебѣ спасеніе о отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю;
Грабителей казнишь, на Крымцовъ ты иди,
Взявъ претью войска часть, спупай, и побѣди!

Такъ Курбскій былъ почтенъ за храбрость
превосходну,
И ревность во сердцахъ умножилъ благородну.
Какъ къ солнцу за орломъ пшеницы летящи въ
слѣдъ,
Такъ юноши за нимъ стремятся для побѣдъ.

И видится сей мужъ мнѣ рапью окруженный,
Царемъ, Боярами и войскомъ уваженный,
Сіяющъ, какъ луна между звѣздами въ тмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ.
О Царь! възвѣстѣ онъ, меня найдетъ побѣда,
Во браняхъ твоего держащагося слѣда!
Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и къ славы сотворенны;
(Отечествомъ своимъ лишь былибъ ободренны.)
Надежду слово то во всѣхъ произвело;
Весельемъ Царское вѣнчалось чело.
И вскорѣ онъ Царя и рапниковъ оставилъ,
Онъ съ претью воинства на Тулу пущь напра-
вилъ.

Ханъ Крымскій между тѣмъ Рязанъ уже
препекъ;

Какъ змѣй великій хвостъ, различны войски влекъ;
 Куда ни падали изъ рукъ его удары,
 Вездѣ лилася кровь, раждалися пожары.
 На бурныхъ крыліяхъ когда Борей парилъ,
 Что встрѣшился ему, все ломилъ и валилъ;
 Высоки зданія, дремучій лѣсъ обѣмлетъ,
 Шумилъ, и въ ярости онъ преску ихъ не вним-
 На разрушеніе Россіи усремленъ, (летъ.
 Свирѣпый Исканаръ разилъ, беретъ во плѣнъ.
 Россійской кровію Сеитъ вездѣ алкаетъ,
 Младенцовъ убивать Ордынцовъ подстрекаетъ;
 Великъ потоки слезъ и вопль пренебрегаетъ,
 Россіянъ не щадитъ, ихъ грады пожигаетъ.
 Сей сшарецъ, въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ,
 Защитникомъ своимъ ругался Исканаромъ;
 Подъ видомъ, будто бы закону онъ радѣлъ,
 И мыслями его и войскомъ овладѣлъ;
 И злобѣ ни на часъ не зная утоленья,
 Кровавыя давалъ Ордынцамъ наставленья.
 Такъ гордость завсегда является страшна,
 Подъ видомъ святости гдѣ кроется она;
 Какъ руки, крестъ нося, она окровавила,
 Сіе несчастная Америка явила.

Сеитъ сугубою прельщается алчбой:
 Любовь злодѣю льститъ и кровопитный бой;
 Несытый Крымскаго владѣтеля услугой,
 Плѣнился Ремою Сеитъ, его супругой,
 И къ цѣли гнусныя желанья довести,
 Принудилъ съ воинствомъ Цря на брань ийти.
 Но нѣжная сія въ любви Махомешанка,
 Природой суцая была Иллиріянка;
 Когда оружія разсрапаясь у нихъ,
 Кидали во враговъ они дѣтей своихъ,
 И варварки сіи ихъ члены разрывали;
 Противниковъ своимъ рожденьемъ убивали.
 Ошъ крови шаковой и Рема родилась;
 Сна любви во плѣнъ, не силѣ спдалась,
 И ставъ прельщенная прекраснымъ Исканаромъ,
 Любила завсегда супруга съ нѣжнымъ жаромъ;

Но видя, что его изъ спѣхъ влечетъ война,
 Слезами удержатъ пришла Царя она.
 Сему прощивилась въ Сейтъ спрасъ возженна;
 Онъ рекъ, что безъ него не будетъ брань рѣ-
 шенна;
 Что въ будущихъ дѣлахъ ему дающей свѣтъ,
 Открылъ ему сіе пророкъ ихъ Махометъ,
 И будетъ имъ однимъ поправа вся Россія.
 Скрывали злую мысль и спрасъ слова такія.
 Тогда вообразивъ воительный свой полъ,
 Оставя роскоши, спокойство и престолъ,
 Не могши въ жизни быть одна благополучна,
 Съ супругомъ Рема быть желаетъ неразлучна;
 Отправилась на брань, и страхи купно съ нимъ.
 Успѣхи потерялъ Сеитовъ умыслъ симъ;
 Однако наущенъ ксварствами своими,
 И старецъ сей пошелъ для Ремы въ поле съ
 ними.

Тогда алкающихъ вступить съ Россіей въ бой,
 Срациновъ пригласилъ военной Крымъ трубой,
 Которыя уснувъ во шмѣ Махометанства,
 Врагами вѣчными оспались Христіянства.
 Но сихъ сподвижниковъ сраженіе и война,
 Была съ суровостью грабителей равна;
 Не брань ласкала имъ, ни мужество, ни слава;
 Корысть ихъ цѣль была, а смерть людей за-
 бава.

Склоняетъ подъ свои знамена Исканаръ,
 Нагайскихъ, жаждающихъ сраженіевъ, Татаръ.
 Сіи отъ береговъ Уфинскихъ удалились,
 И странствуя въ степяхъ, близъ Крыма посе-
 лились;
 Не знаятъ класами они покрытыхъ мивъ,
 Ни сладкаго плода, ни масличныхъ оливъ.
 Не изнуряя силъ надъ пашнею прудами,
 Обилуютъ млеко и многими стадами;
 Въ походахъ воинство безбѣдствуетъ сіе:
 Кони ихъ пища имъ, а кровь ихъ пище;

Гдѣ оидыхъ сечь для нихъ, тамъ зрится и трапеза ;
 Броня ихъ сплешена изъ мягкаго желѣза ;
 Закрыты ею вокругъ въ сраженіи они ,
 Желѣзны кажутся подъ ними и кони ;
 Набѣги быстры ихъ въ сосѣдственны предѣлы ;
 Оружіе у нихъ кинжалъ, копье и стрѣлы.
 Впуская варвары въ желѣзо смертный ядъ ;
 Лишаютъ жизни вдругъ, кого мечемъ разятъ ;
 И стрѣлы въ высоту отъ ихъ луковъ пущенны,
 Проходятъ сквозь тѣла изъ облакъ возвращенны.
 Но долго ратники сражаться не могли,
 И малый зря уронъ, отъ брани прочь текли.
 Сѣи воишли, искавъ блаженства, нынѣ
 Въ подданство принесли сердца ЕКАТЕРИНѢ.

Защитникамъ своимъ отважнымъ Крым-
 цамъ въ дань ,
 Оружья огненны устроила Казань ,
 И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала.
 Сей хитростью Казань унывши уповала ,
 Россійской храбрости пареніе пресѣчь ,
 И брань , кроваву брань , къ другой странѣ
 Отвлечьъ.

Но тщетно мыслию твоей надежда водить ;
 Подъемлетъ Богъ перунъ ; Казань ! твой рокъ
 Приходитъ.

На силы опершись Ордынекія она ,
 Спокойства зрѣлася и радости полна ;
 Уже союзниковъ въ Одоевскѣ встрѣчала ,
 И заключенну смерть въ пищахъ имъ вручала.

Такія воинства Ханъ Крымскій къ Россамъ
 влекъ ,
 Какъ бурный вихрь шумя , подъ Тулу снѣ при-
 текъ ;
 Частъ войска разославъ о ихъ на промыслъ пищѣ ,
 Устроилъ на берегахъ Упинскихъ становище ;

И дасть начальникамъ и рапникамъ пиры ,
Онъ златомъ тканья разспавилъ вокругъ шатры ;
Пограбленною онъ корыстью веселился ,
И кровью Россiянъ съ чиновными дѣлился .

Но Рема не могла спокойна быть одна ;
Присутствуетъ въ пирахъ задумчива, блѣдна ;
Съ супругомъ вмѣстѣ бывъ, не чувствуетъ покою ,
Дары его беретъ дрожащею рукою ;
Убранства къ ней или невольницъ привлекаетъ ,
Слезъ токи у нее, какъ градъ изъ глазъ текутъ ;
Отъ злата зрѣнiе и пищи отвращала ;
Слезами будущу гибель предвѣщала .

На прелести ея взирающей Сеипъ ,
Москва отъ насъ близка! вздыхая говоритъ ;
Мы скоро съ пламенемъ войдемъ въ сію столицу ,
Увидишь падшу ихъ къ своимъ ногамъ Царицу ;
Возложишь на себя Россiйскій ты вѣнецъ :
Пришелъ державъ сей, уже пришелъ конецъ !
Смотрящей въ ночь сію на круги я небесны ,
Поспигнулъ тайнства для смертныхъ неиз-
вѣстны ;

Я видѣлъ въ воздухѣ всей нашей рати строй ,
И вдругъ Россiяне дерзнули съ нами въ бой ;
Среди военнаго движенiя и жара ,
Позналъ я храбраго предъ войскомъ Исканара ;
Какъ молніею онъ, Россiянъ поражалъ ,
Всѣ силы сокрушилъ, Московскій Царь бѣжалъ ;
Конечно сбудется видѣнье мною зримо ;
Но спань предъ войсками, о Царь! необходимо

Внимали всѣ тому, что старецъ сей вѣщалъ ,
Онъ Хана паче всѣхъ сей баснью восхищалъ .

Согласенъ съ старцемъ онъ, но Рема не
согласна ;
Отважность для нея супружняя опасна ;
Ей кажется, что онъ обратно не придетъ ;
Не выпущу его, рыдая вопіетъ ;

Владѣтеля хранишь всѣхъ всевъ должно болѣ ;
 Коль снѣ пойдешъ, и я пойду въ кроваво поле !
 Когда главѣ его коснется вражій мечъ ,
 То кровь моя должна съ супружной кровью печь !
 У спремени его я буду неопшупно ;
 Побѣды лавръ приму, иль смерть приму съ нимъ
 купно.

Всѣ средства хитрости Сеитъ употребилъ ,
 И Рему быти съ нимъ во станъ убѣдилъ.

Но Курбскій въ шеспѣи минуты изчитаетъ ,
 И съ войскомъ пламеннымъ лѣсъ , горы преле-
 таешъ ;

Одолѣваетъ гладъ , одолѣваетъ сонъ .
 Приблизился уже къ предѣламъ Тульскимъ онъ ,
 И возвратилъ сему препенущему граду ,
 Спокойство пишину, надежду и опраду .
 Тамъ видя жищели съ высокихъ Крымцовъ спѣнъ ,
 Меяпали грозну смерть, свою напасъ и плѣнъ ,
 И помня спрашныя Ордынскія набѣги ,
 Слезами горькими омыли тучны бреги ;
 Но Курбскаго въ нощи почувствуя приходъ ,
 Въ немъ видитъ Ангела защитника народъ .

Дрожащая луна на небеса восходитъ ,
 Блистательныхъ Плеядъ и Скорпию выводитъ ;
 Желая воинству отдохновение дать ,
 Подъ Тулой Курбскій спалъ разсвѣта ожидая .
 Онъ зналъ , что Исканаръ съ грабительной
 толпою ,

Свой станъ разположилъ и войски надъ Упою .
 Сей рыцарь воинство примѣромъ восхищалъ ,
 И рапниковъ собравъ, сѣи слова вѣщалъ :
 Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью ,
 Незавтре съ Крымцами гошовъшеся къ сраженью .
 Вы помнише, что Царь велѣлъ намъ побѣдитъ ,
 И должны мы его желанью угодитъ ;
 Не златомъ Крымскимъ васъ, о други! обольщаю ,
 Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю ,
 Не гнусная корысть зовешъ ко брани насъ ,

Спасенье общее, и нашей славы гласъ.
Вниманіе свое на Тулу обратите,
Тамъ всѣ вамъ воіюшѣ: спасите насъ! спасите!
Намъ должно кровью ихъ своею искупить;
Подите храбрый духъ сномъ крапкимъ подкрѣ-
питьъ.

Вздремали ратники; и бывшу упрѣ рану,
Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.
Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый прѣнъ,
Простерла на своихъ любимцевъ томный сонъ:
Не брань кровавая, не остріе желѣза;
Имъ зрѣлся сладкая въ мечтаниі трапеза.
Неосторожности являющій примѣръ,
Надъ спражей крылія глубокій сонъ простеръ,
Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,
Враша и валъ, глаза сомкнувши, облежала.

Но Курбскій, презрѣющій не равный съ ними бой,
Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой.
Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
Который бросилъ огонь къ прѣпещущему дому;
Отъ Крымцовъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смер-
тѣный страхъ.
Какъ бурный вихрь кружась, подѣмлетъ въ
полѣ прахъ,
Такъ близкая напастъ и смерть отовсюду зрима,
Подѣмлетъ воинство притекшее отъ Крыма.
Бѣгутъ къ оружію, текутъ къ своимъ конямъ,
Спугающъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бро-
нямъ;
Въ опчаянѣ, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
Въ шатры кидаются, и видѣтъ Россовъ чаютъ.

Облекся наконецъ бронями Исканаръ,
И выбѣжавъ зовѣтъ разсѣянныхъ Ташаръ:
О робкія! вскричалъ, спасетъ ли войски бѣгство?
Пойдемъ, и упредимъ оппоромъ наше бѣдство! . . .
Внимая рѣчь его, пускала спонъ Упа,
И ратная кругомъ ешѣсняется толпа.

Сеипа вспомнивъ Ханъ, напасъ пренебрегаетъ,
Исторгнувъ острый мечъ, на валъ одинъ взбѣ-
гаетъ.

Когда предъ войскомъ онъ звучащъ бронями текъ,
Супругу отъ него Сеипъ въ шаперъ ствлекъ;
Ей тамо подтвердилъ небесное видѣнье,
Съ совѣтомъ сѣдинивъ къ покорству принуж-
денъ.

Отъ Россовъ Исканаръ Ордынцовъ защи-
щалъ;

Рукою острый мечъ полъ быстро обращалъ,
Что молніями онъ въ рукахъ его казался,
И смерть вносилъ въ сердца, кому во грудь
вонзался.

Опважный духъ въ его дружинѣ возгорѣлъ;
На Россовъ сыплется шумящихъ шуча стрѣлъ;
На шлемы падаютъ онъ сгущеннымъ градомъ,
И разправляюща глубокі раны ядомъ.
Россеяне на валъ разсвирѣпѣвъ лешащъ,
Но копіи, какъ лѣсъ, противу ихъ звучатъ;
Надежда рапниковъ близъ Хана умножаетъ,
И шуча воиновъ другую отражаетъ.

Но Курбскій видящій, что храбрый Исканаръ
Единый подкрѣпилъ и въ брань привлекъ Тапнаръ,
Злодѣя общаго въ семъ Ханъ ненавидитъ;
Но въ немъ достойнаго противуборца видитъ.
Какъ съ горнихъ мѣстъ звѣзда лепящая въ ночи,
Течетъ, склонивъ копье, сквозь копья и мечи,
Щитомъ тяжелымъ грудь широку покрываетъ;
Предъ валомъ ставъ, Царя къ сраженью вызы-
ваетъ!

Пустился Исканаръ львомъ спрашнымъ на него,
И хочетъ копьемъ ударить въ грудь его;
Но Курбскій твердый щитъ противъ копья уста-
И самъ подобное орудіе направилъ; (вилъ;
Ломаютъ ихъ они, другъ друга не язвятъ,
И дровки съ прескомъ вверхъ по воздуху ле-
пятъ.

Герои на мечи надежду возлагають ;
 Какъ будто два луча мгновенно изпоргають .
 Сразилися они; подъ Курбскимъ конь падеть ;
 Оспавивъ онъ коня, прошивуборца ждесть .
 Кошорый на него взоръ пламенный возводишь ;
 Рѣшишь ужасный бой, съ коня и самъ низходишь .
 Блеснули молніи, мечи ихъ вознеслись ,
 Ударились, и вкругъ удары раздались ;
 У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры,
 Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь роуи и сквозь
 горы .

Отважный Исканаръ разсѣкъ у Князя щипъ ;
 И Курбскій, ставъ теперь сопернику открытъ ,
 Ни младости Царя, ни мужеству не внемлетъ ,
 Свой мечъ обѣими руками вдругъ подѣмлетъ ,
 И будто тяжкій млатъ обруша на него ,
 Ошсѣкъ и шлема часть и часть главы его ;
 Покрылся кровью Ханъ, ланины побѣднѣли ,
 Онъ палъ; брони его какъ цѣпи зазвѣнѣли .
 Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца исчезалъ ,
 Въ послѣдній воздохнувъ: О Рема! онъ сказалъ .

Разсыпалась спѣна, Россіянь удержавша .
 Какъ будто бы рѣка, пуши себѣ искавша ,
 Кошорая съ вершинъ коль быстро ни текла ,
 Пластиной твердою удержана была ;
 Но вдругъ ее сломивъ, и чувствуя свободу ,
 Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду :
 Такъ наши ратники , сугубя гнѣвъ и жаръ ,
 Бездушна Хана зря, ударили въ Ташаръ ;
 Отчаянье великъ Ордамъ не унижатся ,
 Отчаянье великъ симъ варварамъ сражатся .

Но храбрость огненна, сія душа войны ,
 Свѣтилася въ лучахъ съ Россійскія спраны ;
 И робость ли сердца и зрѣнія смущала ,
 Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала
 Искусства, коими прославится она ,
 Готовя на враговъ громъ въ наши времена .
 Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали изходящи ,

Подъемятся шары; огонь производящи;
 Мечами въшвыя казались древесъ,
 И дышетъ пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ.
 Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
 Какъ токи водныя текутъ, текутъ изъ стана:
 Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть; бѣжаща имъ
 во слѣдъ;
 Разверзивъ челюсти, взяла у нихъ передъ:
 Спроппивая Орда, какъ сжатый въпрѣ завыла;
 Предъ ними смерть стойтъ; ихъ ужасъ гонитъ
 съ тыла.

Превыше звѣздъ сѣдящъ; отверзилъ свой
 чертогъ;
 Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
 Со многозвѣднаго разтвореннаго неба;
 Безсмертныхъ воиновъ; послалъ съ Борисомъ
 Глѣба;
 Сихъ юныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
 Угрызъ во младости, какъ агнцовъ лютый волкъ:
 Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны;
 Два брата, молніи кидаютъ смертоносны.

Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ воз-
 горѣлъ:
 Летятъ за Крымами скорай пернатыхъ стрѣлъ;
 Единая казнь видна; не видно въ полѣ брани:
 Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ горшани;
 Иной въ груди своей имѣя острый мечъ,
 Отъ смерти думаетъносящій смерть утѣчь;
 Иной, произенный въ пылъ, съ коня спремглавъ
 валился;
 И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами лишься;
 Глаза подземлюща капишся шамъ глава;
 Произносящая невнятные слова;
 Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ;
 Но конь его спремилъ на копья по неволѣ;
 Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать;
 Ордынцы начали Ордынцовъ поражать:
 Братъ смертию братіею дорогу отверзаетъ;

Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечъ
вонзаетъ.

Вопль слышанъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила Крымская валился будно лѣсъ.

Погибли варвары, коль быстро ни бѣжали,
На многи поприщи тѣла ихъ вокругъ лежали.

Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
Князь Курбскій получилъ добычей Крымскій
станъ.

Го Ханомъ бывая на промыслъ удаленны,
Шапрами Крымскими и щаспьемъ ослѣпленны,
Ордынцы валъ пренали; зовутъ своихъ: и вдругъ
Россійски воины обѣмлютъ ихъ вокругъ;
Имъ руки, ни сердца къ оппору не служили,
Они оружіе къ стопамъ ихъ положили.

Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался
день,

И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
На блѣдныя тѣла съ печалью онъ взираетъ,
Стоитъ внемля раненыхъ, слезъ токи опираетъ:
Се слѣдствія войны! стоящимъ говоритъ;
И вдругъ сквозь тонкій мракъ жену бѣгущу
Кошорая власы имѣла разпущенны, (зритъ,
Ланины блѣдныя и взоры возмущенны;
Остановлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
Рыдала, мертвая подѣмлюща тѣла;
Смотрѣла имъ въ лице, и прочь отъ нихъ бѣ-
жала;

Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
Еще имѣющую отворсшыя глаза.

У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
И кровь текла во знакъ недавнаго удара.
Бѣгуща, тѣло зритъ лежаща Исканара;
По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
Се ты, дражайшій Князь! ты другъ мой! во-
плетъ;

И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила,
Вскричавъ: О! естлибъ вамъ я такъ же опом-
стила,

Какъ мстила Ханску смерть предащелю сему ,
 Ябъ жертву принесла пріятную ему !
 Ошатоку варвара, который вамъ подобенъ ,
 Примите! зло пворитъ и мертвый онъ удобенъ.
 Поверженна глава, творя чрезъ воздухъ путь ,
 Изъ Россовъ одному ударила въ грудь ;
 Хошь смертной блѣдностью была она покрыта,
 Узнали плѣнники главу, главу Сеита.
 Отъ шѣла Курбскій влечь несчастну повелѣлъ.
 Лешахъ къ ней воины, лешахъ скорѣ стрѣлъ ;
 Но щещно помощь къ сей опчаянной спѣшила:
 Она, увидя ихъ, кинжаломъ грудь пронзила ;
 На Исканара кровь изъ сердца полилась ,
 Упала . . . и съ Царемъ, кончаясь, обнялась.

Тогда предъ Курбскаго невольникъ приве-
 денный ,
 Военачальникомъ и войскомъ ободренный ,
 Печальной повѣстью геройскій духъ смущалъ :
 То Рема жизнь свою пресѣкла, онъ вѣщалъ ;
 Я не былъ оплученъ отъ Ремы на минушу ;
 Когда узнали мы свою судьбину люшу ,
 Что Исканара нѣтъ, Сеитъ въ шаперъ притекъ ,
 И Рему на коня безпамятну повлекъ :
 Бѣжалъ я въ слѣдъ за нимъ. Держа ее руками ,
 Между Ордынскими скакалъ Сеитъ полками ;
 Но Рема наконецъ, сама въ себя пришедъ ,
 Тоской оживлена и пышящую бѣдъ ,
 Обманы спарцевы и хитрость вобразила ,
 Съдѣща вѣспѣ съ нимъ , кинжалъ въ него вон-
 зила.
 Я Рему зрѣлъ тогда подобну страшну льву ,
 Ошекъшую мечемъ Сеитову главу.

Ни плачь мой , ни боязнь ее не удержала ,
 Обратно со главой сюда она бѣжала.
 Царицу удержавъ, сюда склонилъ я путь ,
 Сюда , дабы на смерть полъ горестну взгля-
 нушь !

Но Курбскій , уполивъ на Исканара злобу ,
Велѣлъ единому предашь два шѣла гробу ,
Слезами ихъ любовь несчастну оросилъ ,
И горестъ нѣкую подъ лаврами вкусилъ.

Симъ кончилась война, возженная опъ Крыма,
Которая была опасной прежде зрима ;
И Князь, усердіемъ къ опечеству разженъ ,
Вѣнчанный лаврами и славой окруженъ ,
Какъ быспрая стрѣла Россіянъ доспигаешъ ;
Онъ лавры ко стопамъ Царевымъ полагаетъ ,
Вѣщая: Іоаннъ ! прими вѣнцы сіи ;
Не мнѣ принадлежатъ, но супъ они твои ;
Твоими пріобрѣлъ побѣду я полками ,
И Крымцовъ изпребилъ ихъ щастьемъ , ихъ
руками !

Велика слава твоя , но слава не моя ;
Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я.
Яви щедроты имъ въ угрозу побѣжденнымъ ,
И я почту себя за шрудъ мой награжденнымъ.
Объемлешъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ ;
Воспѣлъ хвалы ему , воспѣлъ Россійскій станъ ;
На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою
Щедроты излились обильною рѣкою.
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло ,
И бодрыхъ воиновъ умножилось число ;
Просперся по сердцамъ сердитый пламень брани,
И тако двинулись Россіяне къ Казани.
Молва на крыліяхъ предъ ней въ Казань паритъ ,
Несутъ оковы къ вамъ ! Ордынцамъ говоритъ ;
Россійскихъ войскъ число числомъ языковъ мно-
житъ ;
За Волгой съешъ страхъ, Казань помитъ, пре-
Едина во своей Сумбека слѣпотъ , (вожитъ ;
Коронной жершвуешъ любовной суешъ ;
Но то , чѣмъ дужъ ея питается и льстишся ,
То скоро въ пагубу Сумбекъ обратишся.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній
свѣтъ !
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы
нѣтъ ;
Великія моря, лѣса и грады скрылись ,
И царства многія въ пустыни превворились ;
Гремѣль побѣдами, владѣль вселенной Римъ ,
Но слава Римская исчезла яко дымъ ;
И небо никому блаженства не вручало ,
Которагобъ лучей ничто не помрачало.
Не можешь щасія не меркнуть красота ;
И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста !

Кругомъ сѣдѣющія на олшарѣ Фортуны ,
Красуются цвѣты и спрашныя перуны.
Ко славѣ Іоаннъ цвѣтами прежде шелъ ,
Но терномъ встрѣченъ былъ, и зло преодолѣлъ ;
Попралъ влекущее его во адъ коварство ,
И спасъ терпѣніемъ оное бѣдства государство.

Вѣнчалась класами Церерина глава ,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакъ Льва ;
Сей знакъ, щасливый знакъ, предзнаменуетъ
войску
И храбрость пламенну, вѣнецъ и вѣшвъ геройску.

Уже кипящая подъ веслами вода
Носила по Окѣ Россійскія суда ;
Надеждѣ, ревности и щасію врученны ,

Плывутъ снарядами и пищею опягченны ;
 Пріемлютъ Волжскія шумящія струи
 На влажныя свои хребты суда сіи ;
 И гласы трубныя далеко раздающа ;
 Въ рѣкахъ брони звучатъ , въ Коломнѣ слезы
 льются ,

Другую войска часть со стѣнъ сей городъ
 зрѣтъ ,
 Которая на брань , какъ стадо птицъ , паритъ .
 Спасаетъ пучный берегъ подъ ратными полками ,
 И пыль густыми ихъ обѣмлетъ облаками ,
 Скрывающа сѣ за крупизною горъ ;
 Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ , но войскъ не ви-
 дѣтъ взоръ ,
 И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ ,
 Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки прости-
 раютъ ,
 И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ :
 Да слава двинется во слѣдъ по ихъ стопамъ !

Какъ пуча молніи въ груди своей несуща ,
 Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа ,
 Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозишь ,
 Но въ нѣдрахъ кроя смерть , идешь и не разишь :
 Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
 Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія ;
 Опважность кроясь среди ея полковъ ,
 Ведешь къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ бе-
 реговъ .

Царь будто двѣ руки простеръ на брань
 съ Ордою ,
 Одну хребтами горъ , другую надъ водою ;
 Сквозь мрачныя лѣса , чрезъ горы полетѣлъ ;
 Въ судахъ рѣками плышь Морозову велѣлъ ,
 Довольство по струямъ не робкою рукою
 Влекло сіи суда среди мирнаго покою ;
 Единой храбростью сердца обременивъ ,
 Тамъ шествуютъ полки среди обильныхъ нивъ ;

Всечасной казню они изображаютъ ,
 Коль строго Небеса убійцевъ поражаютъ ;
 И предка Іоаннъ напомнивъ своего ,
 Сіе прочелъ въ слезахъ въ надгробіи его :

Боголюбиваго разторгли, яко звѣри ,
 Свирѣпы братія Кучковой злобой дщери ;
 Георгій симъ врагамъ за брата ошомшилъ ,
 Во гробы заключивъ, живыхъ на дно пустилъ.
 Земля не емлетъ ихъ, вода въ себя не про-
 ситъ ,
 Подъ видомъ острововъ до днесь убійцевъ но-
 ситъ ;
 Покрыты терніемъ поверхъ воды живутъ ,
 И кажется, еще въ своей крови плывутъ .

Царь въ сердцѣ впечатлѣвъ Ордынски ра-
 зоренья ,
 Направилъ быстрый ходъ враговъ для усмиренья .
 Уже онъ Муромски предѣлы прелешалъ ,
 И Нижній-градъ идущъ къ Велешмъ миновалъ ;
 Оставивъ Суздальскихъ владѣшелей столицу ,
 Вспутилъ Россійскія державы на границу .
 Тамъ видитъ ярости Казанскія слѣды ,
 Разлившіяся вокругъ какъ быстрый токъ воды ;
 Взведетъ ли Іоаннъ слезами полны взоры
 На доли поминья, на возвышенны горы ,
 На храмы Божіи, на селы, на пески ,
 Все ризой черныя одѣяно шоски ;
 Въ крови, казалось, сожжены дома понутъ ,
 Дымятся вокругъ поля, лѣса и рѣки спонутъ .
 Пролей со мной, пролей , о Муза! пока слезъ ,
 Внимая плачь вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ .

Печальны матери воишелей встрѣчаютъ ,
 У коихъ скорби взоръ и лица помрачаютъ ;
 Терзая грудь свою, едина вопіетъ :
 Мой сынъ, любезный сынъ! тебя во свѣтѣ нѣтъ!
 Я видѣла его кинжаломъ пораженна ,
 Моя надежда съ нимъ и пища погребенна ;

Отмстите за него! . . . Упала ницъ она,
И вышла изъ нее душа тоски полна.

Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
Подъежмется съ одра прелещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюду похищенъ, вѣщаетъ, мой покой!
Не давно набѣжавъ грабители суровы,
Вложили на моихъ дѣшей при мнѣ оковы.
Къ отмщенью видящій удобные часы,
Подъ шлемомъ бѣлая скрываетъ онъ власы;
И старцы многіе, мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ прелещущія руки,
Едва бѣюща шипомъ покрыли грудь;
Казалось, лебеди летятъ съ орлами въ путь.
Полуумершу плоть надежда оживила,
И будто въпвѣя отъ корени явила:
Такъ бодрость на челахъ у старцовъ процвѣла,
Котора скрышою, какъ въ пеплѣ огонь, была.
Безильны опроки, примѣромъ ободренны,
Во храбрыхъ ратниковъ явились прешворенны.

Въ долину древній дубъ простерши тѣнь,
споялъ,
Тамъ корень у него токъ водный напоялъ;
Единъ изъ жителей Царя къ нему приводитъ,
Онъ гордое на немъ писаніе находитъ:
Народамъ симъ великъ свирѣлая Казань
Въ залогъ дѣшей привестъ, свое имѣнье въ дань;
И ежли въ лунный кругъ ша жершва не при-
спѣетъ,
То вся сія страна навѣки запустѣетъ;
Россійской кровію омоются поля,
И будетъ пламенемъ пожерта ихъ земля.

Что дѣлать намъ теперь? несчастный во-
прошаетъ
Царя, которому промолвитъ гнѣвъ мѣшаетъ,
Но скрывъ досаду, рекъ: Дадимъ Казанцамъ дань;
Не злобо, не сыновъ, дадимъ кроваву брань,

Пускай отъ здѣшнихъ спрайъ сїи сыны лю-
безны
Не узы понесутъ, но огонь, мечи желѣзны!

Воздвигли жители какъ море общій гласъ :
Веди, о Государь! скорай къ Казани насъ !

Тогда предсталъ Царю, кипящему войною ,
Почтенный нѣкій мужъ, украшенъ съдиною ;
И тако рекъ ему: Гряди прошивъ Ташаръ !
Однако укропи на время рашный жаръ ;
Ихъ пламень, Государь, въ ихъ сердцѣ не про-
стынетъ ,

А слава и тебя конечно не покинетъ ;
Свое стремленіе, свой подвигъ удержи ,
На лунный оборотъ походъ свой опложи ;
Не мерзоспный подлогъ въ мои слова вмѣщаю :
Для блага общаго я испинну вѣщаю.
Когда ты поспѣшишь желанною войной ,
Войною на тебя возстанетъ жаръ и зной ;
И долженъ брагися не съ робкою Ордою ,
Но съ воздухомъ, съ огнемъ, съ землею и водою.
О Царь! движенія военны потуши ;
Бѣдою общею для славы не спѣши.

Глаголы спарика, съдиной умашенна ,
Какъ будто слышались изъ храма освященна ,
И напояли всѣхъ какъ сладкая роса.
Но Царь сказалъ , глаза возведъ на небеса :
О Боже! Ты то зришь, что я не ради славы ,
Но для спасенія сражаюсь державы ;
А естѣли истребить желаетъ Небо насъ ,
Россія вкупѣ вся , да гибнемъ въ сей мы часъ !
Но ты, премудростью исполненный небесной ,
О старче! о дѣлахъ предбудущихъ извѣстной ;
Взведи глаза кругомъ , и служъ твоя приклони ,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни ;
Младенцы видимы, о камень пораженны ,
Текуща кровь въ поляхъ и дома въ пражѣ соз-
женны ,

Повелѣваютьъ намъ опмищенемъ поспѣшать ;
Зря слезы, можно ли опмищенемъ не дышать ?

Когда Царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва, блѣдный видъ имѣюща, вбѣжала ;
Скрываючи ея увядшія красы ,
Прилипли ко лицу заплаканну власы ;
Пошocomъ слезъ она сменящу грудь кропила ,
И руки вознося, къ Монарху возопила :
Неси, о Государь! къ Казани огонь и мечъ ,
Вели ты воды вокругъ, вели ихъ землю жечь ;
Да воздушъ пламенемъ Ордынцамъ обратится ;
Но что? ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
Я смертью многихъ Ордъ не возвращу его ,
И жертва лучшая конецъ мой для него ;
Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечъ во грудь сменящу !

Пустите душу вонъ къ любезному хощащу !
Скончайте съ жизнью и муку вдругъ мою !
Спыда я моего предъ вами не таю :
Любовной спраспѣю къ несчастному возженна ,
Уже была я съ нимъ закономъ сопряженна ;
Уже насъ брачныя украсили вѣнцы :
Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ
шворцы ,
Казанцы лютые въ Господній храмъ вломились,
И брачныя свѣщи въ надгробны претворились ;
Оковы нѣжныя, связующія насъ ,
Кровавыя мечи разпоргли въ оный часъ ;
Влекомый мой супругъ опъ глазъ безчеловѣчно,
На мѣсто: я люблю! сказалъ, прости мнѣ, вѣчно!
Рвалась я изъ рукъ, произносила спонъ ,
Но далъ что вѣщать ? . . . поруганъ и законъ !
Скипаюся въ лѣсахъ, я еспранспвую въ пустынь,
То завтра льщусь найти, чего не вижу нынѣ ;
По камнямъ бѣгаю при солнцѣ, при лунѣ ,
Нигдѣ не встрѣпшися супругъ любезный мнѣ.
О небо! о земля! хоть тѣнь его явите ;
Но что вы медлите? грудь вскройте, сердце
рвите !

При семъ во всѣ страны кидаяся она ,
Поверглась на копье, разсудка лишена ,
И воина въ рукахъ копье сіе держаща ,
Омыла кровію лицемъ къ лицу лежаща.

Въ сіи печальныя и спрашныя часы ,
Подъемлются у всѣхъ отъ ужаса власы ;
Царь въ сердцѣ горести носящій остро жало ,
Ко старцу обращаясь, вѣщалъ: Еще ли мало !
Еще ли мало намъ причинъ спѣшить на брань ?
И старцу сія была спрашна бы дань ;
Проспешельно ли намъ, судьбину видя люшу ,
Отсрочивать войну хотя одну мину ?
Орды свирѣпыя мгновенно пришекутъ ,
Народъ , и съ нимъ тебя въ неволю повлекутъ ;
Иное быть Царемъ, иное жить въ пущинахъ ;
Не дѣлай намъ препящствъ, и не кажись опшнымъ.

Но старецъ Царскою грозой не укрошенъ ,
Отвѣщивовалъ Царю, бывъ выше просвѣщенъ :
Живуща храбрость въ васъ , хотя день , хотя
годъ продлился ,
Отъ пламенныхъ сердецъ, о Царь! не удалился ;
Но ежели врагамъ опшная и грозя ,
Тебѣ прошивъ судьбы не воевать не лзя ,
Гряди въ опасный путь ! желанье ты испол-
нишь ,
Однако нѣкогда о старцѣ ты напомнишь ;
Обременяй себя и воинство трудомъ :
Ты все бы побѣдилъ , но съ меньшимъ бы вре-
домъ ;
Успѣлъ бы самъ себя во брани ты прославить ;
Но бѣдствъ хочу твоихъ едину часть убавить .
Нешасну меньше быть принужу я тебя :
Возьми сей щипъ, носи на рамя у себя ,
И знай, когда его повержность пошеменѣтъ ,
Что тяжкій грѣхъ въ тебѣ по сердцу плевъ
сѣтъ ;
И что премудрости сіянье потуша ,
Унизилась твоя великая душа.

Сей щитъ изображалъ смѣшенные стихіи,
 Которы надъ главою носились у Россіи;
 Но страшну оныхъ брань Владимиръ укротилъ,
 Когда страны свои крещеньемъ просвѣтилъ;
 Очистивъ мракъ души черезъ священну воду,
 Какъ солнце, свѣтъ излилъ подвластному народу;
 Благочестивою онъ вѣрой окруженъ,
 Ни плачу не внималъ, ни воплю милыхъ женъ;
 Моливы жречески и лѣсть пренебрегаетъ;
 Во Днепрѣ гремящаго перуна низвергаетъ;
 Кумира страшнаго пріѣвшая волна,
 Нахмурясь у береговъ являлася черна;
 На брегѣ, благодать гдѣ шатаръ побѣдила,
 Видна съ Денницею брань небесна Михаила;
 Ни Позвидъ, вихрей царь; ни грозный Чернобогъ,
 Владимира смягчить ни укротить не могъ;
 Ни сынъ роскошныя и сладострастной Лады,
 Сооружающей житнейскія прохлады,
 Котораго во тѣмъ Владимиръ обожалъ,
 Полель онъ молніевъ его не избѣжалъ;
 Услабъ, питающей обманчивыя спраспи,
 Всѣ боги зрѣлися разрушены на части.
 Тамъ спяща зрѣлася смерть, братъ смерти грѣхъ,
 уснулъ;
 Отверзшыя уста сменяющей адъ сомкнулъ.
 Когда всей мыслью Царь въ картины углубился,
 Въ то время спарецъ, щитъ вручивъ, удалился.
 Скорбя, что имени его не просилъ,
 О спарче! въ духѣ Царь геройскомъ возгласилъ:
 Колико ты ни правъ въ пророчествѣ гремящемъ,
 Коснѣши не могу мнѣ въ дѣлѣ лежащемъ;
 Одно исполню то, что щитъ беру съ собой;
 Велите знакъ подашь къ движенію трубой!

Вельможи сходну мысль съ начальникомъ
 имѣли,
 И ратные полки какъ буря возшумѣли,
 Покрывъ сгущенный прахъ сіяніе небесъ!
 Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Сакан-
 скій лѣсъ;

Въ предѣлахъ , скипетру Россійскому подвла-
стныхъ ,
Вездѣ встрѣчается и стонъ , и плачь неща-
стныхъ ;
Спрѣлами ужаса гонимы изъ домовъ,
Сокрылись жилища во глубину лѣсовъ ;
Надежныѣ для нихъ среди звѣрей жилище :
О чадахъ не радящъ , о паствѣ , ни о пищѣ ;
Волы , забывъ яремъ , безъ пастыря ревущъ ,
И спранснвуя въ лугахъ , праву поблеклу рвущъ ;
Спада , призрѣнїя и прежнихъ нѣгъ лишены ;
Тамъ селы видимы въ пустыни превращены ;
Повсюду бѣдности и смертной грусти видъ ,
Слѣды мучительства , насилїя , обидъ .

Примѣшивъ Царскій взоръ , печалью омра-
ченный ,
Адашевъ , другъ его , взаимно огорченный ,
Не покидающій сей мужъ нигдѣ Царя ,
Вѣщалъ ему , насквозь Монарше сердце зря :
Почтенна скорбь швоя ! о дѣтяхъ ты жалѣешь ;
Но щасливъ ты , что имъ опцемъ ты бытъ
успѣешь ;
Смотри , о Государь ! на подданныхъ твоихъ :
Ты , можешь бытъ , ечиталъ въ довольствѣ пол-
номъ ихъ ;
Льстецы , которые престола твоего окружали ,
Ихъ въ райскомъ житїи тебѣ изображали .
Когда бы ты , чужимъ повѣривъ словесамъ ,
На скорби не взглянулъ , на ихъ печали самъ ,
Ты , ставъ бы уловленъ съшми совѣтовъ вред-
ныхъ ,
Льстецовъ бы наградилъ , а сихъ бы презрилъ
бѣдныхъ ;
А еспьлибъ вопли ихъ къ престолу и дошли ,
Самихъ бы ихъ виной толикихъ бѣдъ почли ;
Сокрылибъ слезы ихъ , гоненїя , обиды ,
Несправедливыя и вымышленныя виды .
Бываетъ часно Царь лукавствомъ уловленъ ;
Съ народомъ онымъ спѣной великой раздѣленъ ,

И есѣли взорѣ когда на подданныхъ возво-
 дитѣ ,
 Онѣ радость на челахъ написанну находитѣ ;
 Но тщательнаго имѣ въ себѣ явитѣ опца ,
 Ты долженѣ разбиратѣ не лица, но сердца ;
 Вниманья каждый вздохъ на пронѣ удостоитѣ ;
 Тогда познаешь , какѣ народно благо строитѣ ;
 Несчастны жилили примѣры подаютѣ ;
 Ты видишь, тщетноль здѣсь на небо вопіютѣ ?
 Когда бы, Государь , вельможамѣ ты повѣрилѣ ,
 И самѣ бы скорби ихѣ пучины не измѣрилѣ :
 Чрезѣ годѣ бы здѣшній край на вѣки запустѣлѣ ;
 И позднобѣ ихѣ спасатѣ , хотя бы ты хотѣлѣ ;
 Споналибѣ камни здѣсь , земля бы шрепешала ,
 А лесѣ бы и тогда жвалы тебѣ сплѣшала !
 Когда бы въ праздности ты былѣ сихѣ бѣдѣ
 творцемѣ ,
 Тебя бы нарекли ласкашли опцемѣ .
 Теперь преубѣжденѣ печали ихѣ виною ,
 Блаженство хочешь имѣ доставити войною ;
 Гряди, и доставляй! То правда, что война
 Для мудраго Царя быть цѣлью не должна ;
 Но есѣли общее спокойство кпо опѣемлетѣ ,
 Тогда опечесво и моцѣ его не дремлетѣ ;
 Спремитѣся молніи и громы опврацатѣ :
 Спасенья общаго не можно запрещатѣ .
 Ты правѣ во подвигахѣ , но ты имѣешь сред-
 ство ,
 Безѣ брани опврашитѣ опѣ странѣ полныхѣ
 бѣдство ;
 Яви Божественной величесво души ,
 Опправѣ посла въ Казанѣ , кѣ своимѣ врагамѣ
 пиши :
 Когда свирѣпостѣ ихѣ и наглостѣ усмиришѣ ,
 Мяжежѣ опринетѣся, гордыня покоритѣся ;
 Когда грабежѣ назадѣ и плѣнныхѣ опдадутѣ ,
 Твои на дерзкій градѣ перуны не падутѣ ;
 Великодушїемѣ ты больше славенѣ будешь ,
 И старцезыхѣ угрозѣ межѣ тѣмѣ , о Царь ! из-
 будешь .

Не страшны мнѣ они, вѣщаебъ Іоаннѣ ;
 Мнѣ мечъ людей моихъ для защищенья данъ ;
 Ко сохраненію гонимыхъ и спенящихъ ;
 Противъ перуновъ грудь поставлю я гремящихъ ;
 Я былъ бы слабый Царь, когда бы, внемля
 стонъ,
 Народъ мой позабывъ, одинъ любилъ бы шронъ !
 Однако швоему совѣту внемля благу ;
 Пошлю въ Казань пословъ, лишь придемъ на
 Свіягу ;
 Но, другъ мой, можно ли когда повѣришь намъ,
 Злодѣйствомъ дышущимъ и бунтами спранамъ ?
 Колико кратъ они покорствомъ миръ купили,
 И клятву давшую Россіи преснули ?
 Запмилъ сердца у нихъ пророкъ ихъ Мажометъ ;
 И правда естъ ли шамъ, гдѣ чистой вѣры нѣтъ ?
 Мнѣ слезы, стонъ, бѣды, и горести народны,
 Ужаснѣе внимаешь, чѣмъ громъ и бури водны ;
 А естли и животъ во брани положу,
 Я кончилъ жизнь какъ Царь, кончаяся скажу.

Влекомымъ въ люшу брань движеніемъ сер-
 дечнымъ ;
 Героямъ зрѣлся путь къ Казани безконечнымъ,
 Ахъ! для чего, рекутъ, кидая смущный взоръ
 На круги времени, на цѣпь слѣянныхъ горъ ;
 Ахъ! солнце для чего шоль медленно капишся,
 И вдругъ протяжность горъ въ пуши не сокра-
 щается ?
 Почто не здвинется великій Волжскій берегъ,
 И не сугубится нашъ въ полъ быстрый бѣгъ ?
 Въ сію минушу бы съ кичливою Казанью ;
 Мы ради совершить судьбину нашу бранью.

Грядетъ предъ войскомъ Царь, какъ страш-
 ный брани богъ ;
 И слава передъ нимъ въ гремящій прубитъ
 рогъ ;
 Орда предчувствуетъ въ груди кровавы раны !
 Приходитъ Царь къ берегамъ излучистыя Пьяны,

Гдѣ роскошь въ древности съ Россіяны лавръ
И побѣжденному народу отдала ; (сняла ,
Природа вѣчный знакъ на сихъ берегахъ явила ,
Сей быстрыя рѣки теченье изкривила ,
И тамо кажется струямъ величье вызывать :
Коль мало надлежитъ на щастье умовать !
Тамъ въ прежни времена , какъ солнце закали-
лось ,
Побѣды торжество во гробъ преобразилось .

Уже переходитъ Царь струи Медянскихъ
водъ ,
Нагорный рабствуешь Россіянамъ народъ ;
Какъ будто нѣкими волшебными руками ,
Мосты устроились предъ нашими полками ;
Усердія огонь въ народахъ возгорѣлъ ,
Когда Россійскій къ нимъ приблизился Орелъ .

И Царь вѣщалъ: не зримъ сей казни мы не-
бесной ,
Которую грозилъ намъ старецъ безвизвѣстной ;
О други! есѣли бы претилъ войну намъ Богъ ,
Я съ вами бы достигъ до сихъ береговъ не
могъ ;
Пріятно и спрадать за шоль вину законну ;
Сомнительноль Казань разрушить непреклонну ?
Тамъ Божіи враги, грабители живутъ ;
Насъ вѣра прошивъ ней и правда въ брань зо-
вущъ ;
Колико святы суть движенья таковыя !
Не грабить, за себя опмщать идешь Россія .
А ежели, друзья! нашъ жребій и таковъ ,
Чѣю мы , искавъ побѣдъ , падемъ во смертный
ровъ :
Окончимъ жизнь ! но смерть безспрашѣемъ уло-
вимъ ;
Цвѣты своимъ гробамъ заране приготовимъ ,
Которыми почтѣшь попомки должны насъ ;
Кѣю страшенъ Россы вамъ , когда самъ Богъ
по васъ !

Слова сіи какъ медь воители вкушали,
 Они сердца у нихъ и мысли возвышали;
 Носился нѣкій свѣтъ надъ шлемами у нихъ,
 И храбрость множилась отъ предвѣщаній сихъ.
 Единъ Адашевъ былъ невеселъ, смушенъ, мра-
 ченъ;
 Ему казался путь успѣхомъ не означенъ;
 И старцовы слова, и видъ, и взглядъ его,
 По сердцу сѣяли сомнѣнїе у него;
 Онъ втайнѣ воинство за пылкость порицаетъ.
 Духъ чистый всегда далеко проникаетъ!
 Молчалъ, спыдающійся движеніямъ Царскимъ
 льстивымъ.
 Плачь, Муза! . . . Время войскъ гибель воз-
 вѣстивъ.
 Такой успавъ Небесъ, иль по судьбины тай-
 ность,
 Что къ пагубѣ близка земнаго щастья край-
 ность.

Есть бездна темная, куда не входитъ
 свѣтъ,
 Тамъ всѣхъ источникъ золь, Безбожіе живетъ;
 Оно геенскими окружено струями,
 Пьетъ кипящей ядъ, питается змїями;
 Простерли по его нахмуренну челу
 Развратны помыслы, печали, горестъ, мглу;
 Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
 Съ оправою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
 Устами алчными коснется кто сему,
 Противно въ мірѣ все покажется тому;
 Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ;
 Рукой писателей неблагодушныхъ водитъ,
 И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
 Великъ имъ прыгавъ жулы противъ Творца;
 Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ спрощи-
 вымъ,
 За щастьемъ въ слѣдъ лешитъ, предвидѣтъ не-
 честивымъ,
 Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой:

Его изчадія гоненье, страхъ, разбой ;
 Свирѣпство мечъ осприѣ кругомъ его престола,
 Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола ;
 Колеблетъ день и ношъ, ограду общихъ благъ ;
 Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ ;
 Среди нечестія, змїями вокругъ увишо ;
 Хоть сѣетъ зло вездѣ, злодѣйствами не ышо !

Увидя, что среди блестящихъ въ небѣ
 звѣздъ

Сїяніе простеръ побѣдоносный Крестъ ,
 И что Россїяне во слѣдъ за громкой славой
 Несутъ въ сердцахъ войну и мечъ въ рукахъ
 кровавой ;
 Зря въ трепетъ ему подверженну страну ,
 И шмы владычицу, блѣднѣющую луну ,
 Безбожіе смущаясь, въ опчаянѣхъ трепещетъ ,
 Молніеносные на небо взоры мещетъ :
 Увы! переходитъ власть моя, гласитъ оно ,
 Низверженна съ небесъ вселенная на дно ;
 Послѣднее мое убѣжище теряю ,
 Завидно Небесамъ, что вредъ я сотворяю ;
 Но Богомъ будучи добра опчуждено ,
 Я имъ, конечно имъ, на вредъ и рождено ,
 И бытіе мое во связи мїра нужно ;
 Со Благочестіемъ не лѣзя мнѣ жити дружно ;
 Кто смѣетъ мой престолъ, кто смѣетъ разру-
 шать ?
 Иль хочетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ ли-
 шать ?
 О таршаръ ! на тебя оковы возлагаютъ !

Изъ шмы къ нему его клеверты прибѣгаютъ :
 Огнями дышуща предспала черна Месъ ;
 Имѣя видъ змїи, ползетъ презрѣнна Лесъ ;
 Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ ,
 Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возво-
 дитъ ;
 Лукавство, яропный потупя въ землю видъ ,
 Передъ Безбожіемъ задумавшись стоитъ ;

Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во шрепелѣ шаршарѣ весь приводитъ смутнымъ
взглядомъ;
Изъ глазъ Опчаянья слезъ токи полились;
Злодѣисшвы многія къ Безбожію сошлись.

Тогда оно главу пошупленну имѣя,
Но горести своей вины сказать не смѣя,
О чада! воздохнувъ, о други! говоришь:
Или изъ васъ никпо погибели не зришь;
Познайше съ воинствомъ грядуща Іоанна;
Россія хочешь быть, и вѣра ихъ вѣнана.
Взглянули. . . . и вдали увидя Крестъ въ лу-
чѣхъ,
Возчувствовали гнѣвъ, опчаянье и страхъ!

Уста ихъ пагубы всеобщей не сказали,
Но бѣдство близкое ихъ лица доказали;
Погибель зря свою и робость видя въ нихъ,
Скрываешь ужасы въ душѣ владыка ихъ,
И шако вопіешь, кидая мрачны взгляды:
Колико слабы вы, мои несчастны чады!
Или забыли вы, что царство нашей шмы
Простерли по всему земному шару мы?
Любимцамъ Божіимъ законы подавали;
Забыли, что съ самимъ мы Богомъ воевали,
И въ шрепелѣ иногда ввертали небеса?
Вся та же мочь у насъ, хотя не та краса. . . .
Хоть ликъ Безбожія спокойствомъ покрывался,
Но стонъ въ груди его, какъ въ сводахъ отзы-
вался.

Рекло: базспрашїя я вамъ явлю примѣръ.
Духъ Адскій два крыла, какъ парусы, простеръ,
До облакъ взнесся снѣ. — Безбожіе взглянуло,
И видя Россіянъ во славѣ, воздохнуло;
Въ душѣ смященїе, въ очахъ имѣя жаръ,
Какъ нѣкій огненный капилось къ Волгѣ шаръ.
Злодѣисшва многія, какъ искры и мятели,
Изъ бездны адскія во слѣдъ ему лешѣли;
Горящими они струями разлились,

Во слѣдѣ Безбожія какъ облаки вились.
Подземнымъ воинствомъ и мракомъ окруженно,
Досадей, мщеніемъ и гнѣвомъ разозженно,
Направило оно, какъ буря, шумный ходъ
Въ страну, гдѣ ослѣпленъ невѣжесствомъ народъ.
О Муза, вѣдуща и доброе и злое!
Изобрази ты мнѣ кумировъ царство шое.

Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой (*),
Ни пашни пучная, ни жатвы нѣтъ злапой;
Пишется звѣрьми народъ звѣрямъ подобный,
Свирѣпыя сердца и видъ имѣетъ злобный;
Лежащій вѣчный мракъ у нихъ на очесахъ,
Имъ кажется божество и въ самыхъ деревьяхъ;
Вселились въ сей народъ какъ въ темные чертоги,
Отъ многобожія и суевѣрства многи;
Жрецы и жрицы ихъ обманами живутъ,
Тѣ мрачныя Орды Заволожскими слывутъ.

Безбожіе въ страну подвластную приходитъ,
На олтари свои печальный взоръ возводитъ,
И видя, что кругомъ померкнулъ хощенъ свѣтъ,
Лепящихъ вокругъ духовъ въ собраніе зоветъ.
И зрится взору ихъ какъ страшная комета,
Повелѣваетъ имъ, ихъ пребываетъ совѣта;
Почто вамъ, говоритъ, коснѣши въ сей странѣ?
Теките, кройтесь въ крошечную тму ко мнѣ!
Намъ дикая страна наслѣдствомъ оставалась,
Гдѣ наша власть равна божественной казалась;
Но рокъ приходитъ нашъ, и близокъ грозный
Перуны Божіи вездѣ находятъ насъ; (часъ,
Лишаетесь вы жертвъ, лишаетесь вы славы;
Вамъ адъ приближился, во свѣтъ нѣтъ державы!
Бѣгите, робкіе! отъ сихъ печальныхъ странъ!
Сюда переноситъ Крестъ и громы Іоаннъ;
И прежде чпущіе народы васъ мольбами,

(*) Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіяхъ Г. Профессора Лепехина.

Россійскими теперь содѣлались рабами. . . .
Но смущенныя слова, произнесенны имѣ,
Единый страхъ всея, исчезли яко дымъ.

Тогда Безбожіе, какъ адъ печально стало,
И въ первый разъ оно отъ страха препенало;
Однако пламенный кидае всюду взглядъ,
Прощерло у духовъ по сердцу злость и ядъ.

Какъ молнія, когда и въ камень ударяетъ,
Свободный путь себѣ далеко отворяетъ:
Такъ ядъ Безбожія проникъ въ сердца духовъ,
И слышны отъ него такіе громы словъ:

Предупредимъ, друзья! гибель нашу близку,
Пойдемъ и сокрушимъ прошивну рать Россійску,
Подвигнемъ шаръ весь! . . . пойдемъ, до-
кажемъ имъ,
Что сильны мы вредить, когда вредить хотимъ.

Богинѣ, чтимой здѣсь въ лицѣ небесна Феба,
Речетъ: О правяща горящимъ кругомъ неба!
Разлей геенскій зной, разлей по всей земли.
Ты, воздухъ! вспламени и камни разпали,
Луга и деревья распеніевъ лишите!
Сгустите рѣки вкругъ, попоки иссушите!
А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ нареченъ, о грозный Киреметъ,
Который устрашалъ полнотные народы!
И нынѣ устраши, взбуншуй огонь и воды. . . .
Свирѣпостью дыша, и пагубу творя,
Я въ сѣти уловлю Россійскаго Царя;
Я возвращу мѣста, гдѣ проны вы имѣли,
Подъ сладкимъ имянемъ Триглава и Полели;
Стремитесь, друзья! свирѣпость насыщать,
Губить, карать, мершвить, ширанишь, оболь-
щать! . . .
Какъ волки гладные, злодѣйствами вжалкали,
Кумиры, дружбы въ знакъ, руками всплескали.

И мракъ являеся во свѣпыхъ небесахъ ;
 И слышенъ томный спонъ во жертвенныхъ лѣ-
 сахъ ;
 Кокшайцы робкіе къ молитвамъ прибѣгають ,
 Коспры дрожащими руками возжигаютъ ;
 Но щещно грудь свою въ слезахъ біють они ,
 Ущедришь ихъ боговъ не могутъ ихъ кони ;
 Томяся, хладною омышые водою ;
 Все кажетъ гнѣвъ боговъ, имъ все грозитъ бѣдою ;
 Бездушны будучи ихъ боги спрашны имъ ,
 Возженный огонь погасъ, и видѣнъ только дымъ .
 Въ то время старцы ихъ по внутренней гадаютъ ,
 Блѣднѣють , рвутъ власы , и съ воплемъ упа-
 даютъ ,
 Возникнувъ отъ земли, противныхъ жертвъ не
 жгутъ ,
 Но прочь отъ олтарей со трепетомъ бѣгутъ .

Какъ будто древніе свирѣпые Друиды ,
 Имѣя спрашныя движенія и виды ,
 Повсюду спранспвухъ, жрецы тревогу бьютъ ,
 Россійскій Царь грядетъ! по селамъ вопіютъ ;
 Или мы защищать своихъ боговъ не спанемъ ;
 Погибнемъ . . . ежели перунами не грянемъ !

И виды спрашные , и смутный спарцевъ
 гласъ ,
 Зажгли мятежъ въ сердцахъ, и вспыхнулъ бунтъ
 потчасъ ;
 За спрахомъ спрахъ печетъ , какъ въ бурномъ
 морѣ волны ;
 Жилища ужасомъ, сердца опмищеньемъ полны .

Тамъ жены обуявъ, свои убранспва жгутъ ,
 И къ Волжскимъ берегамъ супругамъ въ слѣдъ
 бѣгутъ ;
 Кипитъ смяшеніе въ улусахъ Черемисскихъ ,
 Вооружаются противу силъ Россійскихъ ;
 Великъ Безбожіе бунтующимъ Ордамъ
 На Волгѣ пушь пресѣчь Морозова судамъ .

Свирѣпый Киреметъ рукой превози водитъ ,
 Онъ Волгу дремлющу въ крутыхъ берегахъ на-
 ходитъ ;
 Грудь пѣнился у ней, вода течетъ изъ ушей ,
 Глава склонилась на пополовый кусъ :
 Власы простерлися зелеными спруями ,
 Лежащи по плечамъ извиными змїями ;
 Нагнувшійся сосудъ изъ рукъ ея падетъ .
 Разпоргни узы сна, ей Злоба вопіетъ :
 Доколѣ сладкій сонъ швой покоитъ члены ?
 Валяшся вокругъ тебя Ордынски горды спѣны ;
 Казань, котору ты привыкла напаять ,
 Смошрять въ спруи швыи, не можетъ устоять .
 Сїя береговъ швоихъ ликующая царица ,
 Такъ сътуетъ шеперь, какъ сирая вдовица ;
 Оспавили ее невѣрны небеса ,
 Но съ нею и швоя погаснетъ вдругъ краса ;
 Соединенныя взаимною любовью ,
 Вы скоро будете гражданской полны кровью ;
 Дерзай! или съ моимъ перуномъ поспѣшу ,
 И нѣдры влажныя мгновенно изсушу ;
 Законы премїю спроительной природы :
 Тамъ будетъ вѣчный зной , гдѣ нынѣ плещутъ
 Гдѣ плавала швоя среди валовъ глава, (воды ;
 Тамъ будетъ ростъ проспникъ и дикая шрава.

Онъ рекъ. . . . и Волжскїя спруи остано-
 вились ;
 Глубокими онъ морщинами явились ;
 Вели мнѣ, грозный богъ! вели, речетъ она ;
 Желаніе швое исполнишь я должна.
 Взбуншуй швой валы! свирѣпый духъ вѣщаетъ ,
 Да гордыхъ Россїанъ пучина поглощаетъ !

Какъ камень сильною поверженный рукой ,
 Кидалась Волга внизъ съ поспѣшностью такой ;
 Раскинувъ рамена во влажныя дороги ,
 Изъ рукъ соспавила великїя пороги ;
 Пресѣчь Россїянамъ въ спруяхъ свободный путь ,
 Успроила она имъ встрѣчу шверду грудь :

Стуспилися валы власовъ ея сѣдиной ;
 Кремнемъ ея чело изникло надъ пучиной ;
 Журчащій вихрь въ спруяхъ повѣяли уша ,
 И заперли судамъ во влажноти врата.
 Глава подѣмлется и чреслы онѣмѣли.
 Соснавились изъ нихъ препоны, камни, мѣли.

Безбѣдный на водахъ имѣючи покой ,
 Россіане плывутъ съ веселіемъ рѣкой ;
 Прохладному пути предѣлы близко числятъ ;
 Въ бесѣдѣ радостной о славѣ только мыслятъ.
 Но вдругъ переменивъ теченіе вода ,
 Помчала въ быстрину, какъ легку просъ, суда.
 Подѣмля смершь главу изъ влажныя утробы ,
 Соспавила изъ волнъ колеблющися гробы ;
 Со свистомъ шумный вѣтръ во слѣдъ судамъ
 вился ,
 И съ бурей спрашнй вопль опвсюду поднялся ;
 Казался каждый валъ чудовищемъ шумящимъ ,
 Пловущихъ поглотить съ ладьями вдругъ хо-
 Ревущіе валы поднявъ верхи свои , (шящимъ ;
 Возносятъ къ облакамъ великія ладьи ,
 И вдругъ разсыпавшись во рвы ихъ низвергаютъ ,
 Гдѣ кажется они геенны досягаютъ ;
 На крыльяхъ вихрь лепитъ имъ встрѣчу по водѣ :
 Что дѣлашь въ таковой Россіянамъ бѣдѣ ?
 На небо взоръ взведутъ, покрыто небо мракомъ ;
 Въ различномъ страхѣ всѣ , въ смятенѣ оди-
 накомъ ;
 Куда отъ волнъ, куда отъ камней убѣгашь ?
 Смерть видятъ ; зная смерть они пренебре-
 Кипящи пѣною уша сна отверзла , (гашъ ;
 Взревѣла, и въ пловцахъ кипяща кровь замерзла.
 Уже свирѣпствуя сердитая рѣка ,
 Ошпоргла у судовъ кормила и бока ;
 И будно воины вѣснившіся въ проломы ,
 По улицамъ текутъ, и сокрушаютъ дома ;
 Такъ бурная вода въ ущелины печетъ ,
 И Волга развѣрясь, на дно суда влечетъ.

Какъ острый мечъ печаль Морозова прон-
заетъ,
Что двухъ надежда войскъ мгновенно исче-
заетъ;
Спрашась не собственной, но общія бѣды,
Свирѣпство презирлъ онъ и вихря и воды,
И бурямъ и волнамъ прошився ревущимъ,
Велѣлъ ко берегамъ направить нуть плывущимъ;
Но суша и вода во брань вступили съ нимъ,
Раждаютъ смерть валы, берега огонь и дымъ;
Съ мечами, съ пламенемъ на нихъ Ордынцы
злобны
Вкругъ спадницы волкамъ являющія подобны,
Которы челюсти разверзли на овецъ:
Такъ Россовъ изтребилъ Орда спѣшилъ въ ко-
нецъ;
Бросаетъ копья въ нихъ, стрѣлами уязвляетъ,
Приспанища къ берегамъ имѣнь не дозволяетъ.
Споишь слышанъ на водѣ, вопль слышанъ на
земли,
Струи ко дну влекли, огни Россіянъ жгли,
Свирѣпствующій адъ разитъ безчеловѣчно;
Другое воинство погиблобъ тамъ конечно;
Но кто бы ихъ спасти отъ сей напасты могъ,
Когда бы не простеръ съ небесъ къ нимъ пер-
сѣ Богъ?

О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле:
Тамъ спраждетъ Іоаннъ, и зришся смертныхъ
Возрѣвъ на чистое сіяніе небесъ, (болѣ;
Едва знамена онъ къ Алашью понесъ,
Казалось, звѣзды съ нимъ желанье соглашали,
Поля кругомъ цвѣли, зефиры вкругъ дышали;
Бореевыхъ вдали не слышно было крилъ,
И воздухъ ароматъ повсюду разтворилъ.

Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
Какъ класы желтые, серпа на нивахъ ждущи,
Которы тихій въспрѣ въ движеніе привелъ;
Казалось, то Орфей передъ лѣсами шелъ;

Сгущенныхъ копій лѣсъ былъ зримъ предъ
 Иоанномъ,
 И войско, какъ рѣка, текло въ пути желанномъ.
 Но сокровенная опредѣлила власи
 Для искушенія устроить имъ напастъ;
 Парящей славѣ ихъ готовяща препоны,
 Натура собственны нарушила законы;
 Тогда Безбожіе имѣюще успѣхъ,
 Идущимъ тысящи устроило помѣхъ.

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 зланныхъ,
 И будто трубный гласъ возсталъ въ пещерахъ
 мрачныхъ;
 На холмахъ вѣшвѣя склонили деревья,
 Багровой ризою одѣлись небеса;
 Лучи не въ облака, но въ нѣкій тусклъ скрыва-
 лись,
 Спада пернатыхъ птицъ по воздуху взвивались;
 Возсталъ згущенный прахъ, какъ туча опъ земли,
 И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали,
 То вихри пламенны средь горъ вооружались,
 На вѣтренныхъ коняхъ ко войску приближались;
 Сїи незримые и сильные враги,
 Напрягшись въ воздухъ подобіемъ дуги,
 Просперли крылія, знамены развѣвающъ,
 И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновеньемъ выры-
 вающъ,
 Сражаясь межъ собой, сгущающъ пыль вокругъ;
 День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ.
 Когда громада войскъ въ пригоркахъ изгибалась,
 Казалось, земля подъ ними колебалась;
 Срываетъ шлемы вихрь, извившись копья рветъ,
 И разспилаясь вдаль, все движетъ и реветъ;
 Какъ риза разпустилась въ спремленіи суровомъ,
 Все войско прахомъ вокругъ обѣмлетъ какъ по-
 кровомъ,
 И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
 То воемъ на горъ, то съ прескомъ лѣсъ па-
 литъ;

Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мертвитъ и ослѣпляетъ очи.

Великій духомъ Царь, позная гнѣвъ Небесъ,
И руки и глаза ко высотѣ вознесъ;
Колеблемъ вихрями, въ слезахъ вѣщаль: о Боже!
Или враги Тебѣ Твоихъ сыновъ дороже?
Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ странамъ,
Но все преодолѣвъ оставъ Ты бодрость намъ! . . .
Умолкъ, и небесамъ прошивнымъ не явился,
Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ сепано-
висься.

Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ,
Гдѣ мнилось тишина устроила пресполъ;
Военныя трубы повсюду возгремѣли,
Но съ вихремъ различить ихъ звука не умѣли;
Казалось напередъ, что вѣтры трубятъ то,
Склонясь на копѣе, не шествуетъ никто,
Между сменяющими опъ грозныхъ буръ горами,
Укрытсья хочетъ Царь со войскомъ подъ шап-
рами,
Но будто бурная свирѣпствующая вода,
Гдѣ кущи спаваясь, бѣжитъ и вихрь пуда,
Изъ рукъ орудія и верви изпоргаетъ,
Великіе шатры на землю повергаетъ.

Такой стихій мятежъ Монарха не смущалъ,
На рамо опершись, Адашеву вѣщаль:
Я зрю, что Небеса моимъ слезамъ не внемлютъ,
Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ! . . .
Онъ бодрый видъ являлъ, сію вѣщая рѣчь,
И войскамъ повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.

Едва, походами и вихремъ удрученны,
Склонилися полки, какъ класы посѣченны,
И на лицѣ земномъ въ густой травѣ легли,
Бурливыхъ вдругъ коней и вихри отпрягли,
И въ воздухъ свой оставивъ колесницы,
Свернули крылія, какъ упомлени пшцы;
И будто бѣдствами насытился ихъ взоръ,
Дыханье укротивъ, упали между горъ.

Свѣтило дневное тогда въ моря скрывалось,
 И небо ризою червленной одѣвалось;
 Возвысила чело дрожащая луна,
 Серебрянымъ щитомъ казалася она;
 Подъземлени къ небесамъ рога свои высоки,
 Выщающъ глубоко луну рѣчные токи,
 И чистымъ хрусталемъ между береговъ текутъ;
 Казалось, томный сонъ они въ струяхъ влекутъ.
 Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
 Но хладною росой земли не напаяла,
 И сладкой влажноты на деревья не льетъ,
 Котора жизни имъ и силы придаетъ.
 Вершины склонивъ, споятъ зелены рощи,
 Не можеть прохлаждать луговъ прохлада нощи;
 Казалось, воздухъ спитъ, зефиръ уснулъ въ ку-
 стахъ,
 И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
 Благоуханіе долины разпускающъ,
 Но щещно питія небеснаго алкающъ:
 Прозрачность воздуха приходитъ въ густоту,
 И съ мракомъ томную рождаетъ духоту.
 Земля для воиновъ всегдашній одръ спокойной,
 Теперь предназначилась для спящихъ ложей зной-
 Жестка права на ней, лице ея горитъ, (ной;
 Возлеглимъ сладкаго покоя не даритъ;
 Томленіе главы ко сну на землю клонитъ,
 Но жаръ съ естественныхъ одровъ обратно
 гонитъ;
 Тусклъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,
 И сводомъ огненнымъ казались небеса;
 Въ полночные часы расшенья увядающъ;
 И звѣзды, кажется, на землю упадающъ:
 Летаютъ дивные по воздуху огни,
 Предзнаменующи и зной и жарки дни.

Томленный Царь, небесъ подъ раскаленнымъ
 сводомъ
 Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный похо-
 домъ:
 При утренней зарѣ гласъ трубный возгремѣлъ,

Возстали воины, и съ ними зной пошелъ.
 Не въпры свѣжїе въ долинахъ повѣвающѣ,
 Которы тихихъ дней предпечами бывающѣ;
 Едва лишь солнца лучъ на землю проглянулъ,
 Какъ печь разженная, палящимъ зноемъ джнулъ;
 Цвѣты и дерева росой неорошенны,
 Явились свѣжести и живости лишены;
 Небесные кони спѣшащи солнце влечь,
 Казалось, жопящѣ вселенную зажечь;
 И воздухъ вкругъ земли недвижимо стоящей,
 Едва не равенъ былъ водѣ, въ кошлѣ кипящей.
 Разжегся тамъ песокъ, и травы стали пѣль,
 Герои начали о буряхъ сожалѣть,
 Которы прежде ихъ толико утруждали,
 Но удручаемыхъ походомъ, прохлаждали;
 Опъ солнечныхъ лучей, какъ будто опъ огня,
 Ихъ шлемы разпеклись и тяжкая броня;
 Какъ нѣкая рѣка, кругомъ излился пламень,
 Извлеки влажностъ вонъ, приводищѣ землю въ
 Палима воздухомъ, разсѣлася она, (камень;
 И вредныя въ землѣ сварились сѣмена;
 Тлѣтворные пары главы свои подбемлющѣ,
 И поднебесный кругъ какъ ризою объемлющѣ;
 Въ пучинѣ воздуха шуманы око зрищѣ,
 Казалось, надъ главой небесный сводъ горищѣ.
 Змїи глошая ядъ, изъ мрачныхъ норъ выходящѣ,
 Болѣзни, раны, страхъ и язвы производящѣ;
 Извившись какъ ручей, въ густой травѣ шипящѣ,
 Бросаются стрѣлой и грудь насквозъ разящѣ;
 Не страхъ опъ сихъ змїевъ Монарха сокрушаетъ,
 Но то, что воинство рокъ люпый уменьшаетъ.
 Какъ будто оспрїя сверкающихъ ножей,
 Тамъ жалы видимы излучистыхъ ужей;
 Слѣды алкающей повсюду смерти видны;
 Тамъ гады страшные, тамъ черныя ежидны;
 Вода, огонь, земля Россїянамъ грозитъ,
 И воздухъ, кажется, стрѣлами ихъ язвитъ.

Томленны жаждою, къ потокамъ прибѣгающѣ;
 Пїютъ, но воды ихъ утробу разжигаютъ,

И наче къ пипію алкающихъ зовушъ,
 Мушась въ рѣчныхъ струяхъ пески съ травой
 плывушъ;
 Журчащіе ключи осокой заглушенны;
 Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
 Казалось, съ небесъ какъ дождь падушъ огни;
 Остановляюшся въ разпущіяхъ кони,
 Главы упали внизъ, колѣна ихъ препенушъ,
 И пѣну красную уста на землю мецушъ;
 Какъ мѣхи ребра ихъ разширися дрожащъ,
 Падушъ, и подъ ярмомъ безчувственны лежатъ.

На войско обративъ Монархъ печальны
 взоры,
 Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводяшъ горы.
 Тамъ сѣнолиственный споялъ у брега лѣсъ,
 И зрѣнью обѣщаль убавить зной небесъ;
 Вдругъ городъ изъ шатровъ составился вы-
 сокихъ,
 Но потъ же зной лежалъ въ долинахъ и глу-
 бокихъ;
 Подъ шѣнью жлада нѣшъ, прохлады нѣшъ въ
 струяхъ,
 Долины зной палишъ, изъ рощей гонитъ спрахъ.
 Дріяды, кажешся, лѣса пренебрегаюшъ,
 И сами въ мрачныя пещеры убѣгаюшъ;
 Вселяюшъ ихъ тѣда жары, какъ страшный громъ,
 Тамъ голый камень имъ пріятнымъ сталъ од-
 ромъ;
 Прозрачны ризы снявъ онъ отъ жара скрылись,
 Но пламени врага и тамо опворились.

Не слышавъ болѣе ключей журчащихъ лугъ,
 Попоки быстрые въ горахъ изсякли вдругъ;
 Не чувствуя уже въ рѣчныхъ струяхъ прохлады,
 Скрываются въ просѣникъ печальныя Наяды;
 Но щеетно тамъ дождей и свѣжихъ вѣтровъ
 ждущъ,
 Зеленые власы отъ ихъ чела падущъ.

Вѣщающѣ, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,
И шамѣ на тинистыхъ одрахъ онѣ легли;
Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ жгли.
Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха поноки,
Отъ нихъ земля несла спраданія жестоки;
Другъ друга думаютъ спихати изтребить,
Иль входящѣ въ заговоръ Россіянъ погубить.

Какъ съ нѣкимъ спадомъ пшицѣ, Царь съ
войскомъ подвизался;
Но прижды двигнувшись, онъ прижды препи-
нался.

На высочайшую восходишъ зло степенъ:
Мракъ ветеромъ поминѣ, поминѣ поутру шѣнѣ;
Нашура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тѣнки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры шихѣ, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса;
И смерти рапники прѣскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Горшанъ изсякла ихъ, языкъ горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту стучало прахъ;
Имъ скорби блѣдныя съ оправой предстѣяли,
И яды тѣнкѣ въ употребу излѣяли;
Тамъ смерть предстѣялась въ свирѣпости своей,
И тысящу она раждаетъ вдругъ смертей.
Не ушояется небесный гнѣвъ мольбами;
Хлѣбъ черствый язва рветъ плешворными зубами!
И горечь вредная по яствамъ разлилась,
У хлѣба вкусъ исчезъ и сыпнотъ опнялась;
Ликнѣя влажная и попола широки,
Теряющъ жидкіе свои природны соки;
Напрасно воины ту влагу достѣаютъ;
Сорвавъ кору съ деревей, кроваву пѣну пьютъ;
И былія въ устахъ песками остающѣя!
Въ вертепахъ ищущъ водъ, имъ воды не даются.

Два воина пошли для промысла въ ночи;
Въ ракишовомъ кусту имъ слышались ключи,

Которы будто бы внутри земли журчали ;
 Се! кладъ, бездѣнный кладъ! идущіе вскричали;
 И съ корнемъ въ мигъ снѣ ракишникъ извлекли,
 Пошoki чистые мгновенно потекли.

Насыпились снѣ; но ключъ, что имъ явился,
 Какъ тонкая змѣя между шравой извился,
 Бѣжалъ, и внутрь земли себѣ находишъ пушъ.
 Но рашники воды успѣли почерпнуть ;
 Ушелъ потокъ отъ нихъ, водой наполнивъ

шлемы,

Несли ее къ Царю, усердны, скромны, нѣмы ;
 Дабы, гдѣ равная снѣдается жажда всѣхъ,
 Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ,
 Печальнаго Царя отъ снѣ отторгающъ,
 И воду свѣжую во шлемахъ предлагающъ.

Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя извлекъ,
 О други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный рекъ:
 Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ,
 Вашъ Царь слабѣе всѣхъ и всѣхъ поминся болѣ?
 Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ,
 О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ ;
 Пойдемъ и принесемъ напишокъ сей скорбящимъ,
 Несчастнымъ рашникамъ, почти въ гробахъ ле-
 жащимъ.

Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ
 милъ. . . .

Пошелъ, и воиновъ скорбящихъ напоилъ.

Умножилъ бѣдствія, и зла умножилъ болѣ,
 Ордынцы люпые зажгли сухое поле ;
 Клубясь по горамъ огонь бросился въ лѣса,
 И горькій дымъ закрылъ отъ взора небеса ;
 Россіянъ страждущихъ стремишся адъ озлобить!

Коль можно малу вещь великой уподобить:
 Такіе ужасы народы будутъ зрѣть,
 Когда земля начнетъ въ исходъ вѣковъ горѣть ;
 Тупъ пламень огненный какъ море разлѣется,
 Онъ поясомъ вокругъ вселенной обвѣется ;
 И пепелъ, держащая въ порядкѣ здѣшній свѣтъ,

Часть I.

I

Со звукомъ рушится ѿ въ бездну упадетъ ;
Тамъ будетъ прахъ горѣть, возпламенятся рѣки;
Спасенья на земли не сыщутъ человеки.

Сіе позорище Царь въ духѣ смутномъ зрѣлъ,
Но войскамъ попираетъ ногами огонь велѣлъ ;
И море пламенно подъ ними укропилось ;
Но кое зрѣлище спорадающимъ открылось ?
Въ долины огонь ушелъ, къ горамъ склонился
дымъ,
И въ страшномъ смерти лицѣ изобразилась имъ;
Земля предстала черна и обнаженна,
Дымящая холмы, дуброва обожженна,
Токъ водный какъ смола кипящая бѣжалъ ;
Опчаянъ въ сердца вонзаетъ имъ кинжалъ.

Монархъ несчастный всѣхъ, но шверже всѣхъ
казался ;

Лишился онъ всего; примѣръ ему остался !
И душу онъ сынамъ опеческу являлъ :
Последню яствы часть съ рабами раздѣлялъ.
Адашевъ, другъ его, трапезы не вкушаетъ,
Онъ имени его болящихъ посылаетъ
Остатки Царскихъ имъ напшковъ опдаетъ,
Но воду мутную съ Монархомъ вшайнѣ пьетъ.
Не крылся Іоаннъ подъ черну тѣнь древесну,
Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою, и въ потъ, и въ пыли,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Последній пищу бралъ, но первый передъ вой-
скомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигъ геройскомъ.
Но воздухъ день онъ дня надъ ними вокругъ
густѣлъ ;

Соединится Царь съ Морозовымъ хотѣлъ,
И вѣсть ему подастъ велѣлъ о бѣдствѣхъ скору,
Да пищу воинству пришлетъ съ рѣки въ подпору.
Но тамо настоялъ пловцамъ не меньшій трудъ;
Тѣ помощи съ земли, тѣ съ водъ подмоги ждуть;
Тѣхъ бѣдства во степи, тѣхъ волны погребаютъ;

Другъ друга ждуть къ себѣ, и купно погибають.
Вонзаемъ въ грудь Царю такое бѣдство мечъ;
Скрѣпился, и простеръ сію ко войскамъ рѣчь:

О други! онъ вѣщалъ, когда мы шли къ
Казани,

Иной мы не могли сулить Россіи дани,
Какъ только за нее животь нашъ положишь;
Возможно ли теперь намъ жизнью дорожить?
Умремъ! но храбростью позорну смерть про-
славимъ,

Противу жалъ ея не робку грудь поставимъ;
Пусть наши и враги, на нашъ взирая прахъ,
Рекутъ, что гибли мы, нося мечи въ рукахъ;
И разъярившейся не рабствуя природѣ,
Скончали нашу жизнь не въ праздности, въ
походѣ;

Толико славна смерть жоть насъ и поразишь,
Но прочихъ Россіянъ къ побѣдамъ ободрить;
Возстанемъ, и пойдёмъ! онъ рекъ. . . Полки
возсшали,

Какъ томные орлы къ знаменамъ прилетали;
Снимаются шапры, и трубный слышанъ звукъ;
Сіе стремленіе мятежъ нарушилъ вдругъ.

Не уважая словъ, ни слезъ, ни мнѣній Цар-
скихъ,

Единый изъ дѣшей отъ Новграда Боярскихъ;
Отъ знояль и трудовъ въ разсудкѣ поврежденъ,
Или опчаяньемъ и нѣгой услажденъ;

Сей ратникъ по полкамъ и спражъ и горестъ
Помѣшаны глаза, раскрышу грудь имѣя, (сѣя,
Бѣгущій возопилъ: Куда насъ Царь ведетъ?

Здѣсь голодъ насъ мертвитъ, а тамо язва ждетъ!
Оставили опцевъ, оставили мы дома,

Пришли сюда въ мѣста пустыя, незнакомы;

Лишили небеса и пищи насъ и водъ;

Не явноть Богъ казнить за дерзкій насъ походъ?

Пойдемъ! назадъ пойдёмъ! . . . Онъ рекъ, и
возшумѣли,

Развратны юноши подобну мысль имѣли.
 Но взоры Царь на нихъ какъ стрѣлы обратилъ,
 И волны мятежа сей рѣчью укротилъ:
 Не славы міра я, о юноши! желаю,
 Но мстить за Христіянъ усердіемъ пылаю;
 Коль вы не ищете торжествъ вѣнцевъ,
 Спасать не мыслили ни браней, ни спцевъ.
 Несчастные сыны! бѣгите, не трудитесь;
 Оставьте копья намъ, и въ дома возвратитесь;
 Я вѣрныхъ Россіянъ въ полкахъ моихъ найду,
 Не слабыхъ женъ во брань, мужей съ собой
 веду. . . .

Скончавъ слова, дабы волненью не продлится,
 Велѣлъ ревнительнымъ опѣ робкихъ сподлится;
 И возопили всѣ: Съ тобою мы идемъ!
 За вѣру, за тебя съ схошою умремъ!

Спокоило Царя усердіе такое,
 Но мысль его была и сердце не въ покой;
 Срѣтая ночь, велѣлъ движенье сплоситъ.
 Идеи къ одру, но сонъ не спалъ Царю слу-
 житъ:

Мечтаются ему болѣзни, гладъ, печали,
 Которыя до днесь въ пущи его вспрѣтали;
 Онъ душу полную спраданьями имѣлъ,
 И въ грусти далеко опѣ воинства опшелъ.
 Покрылось мрачною тоской чело Царево;
 Въ долину онъ нашелъ развѣсистое древо,
 На комъ листья недавно огонь сожегъ;
 Тяжелый скинувъ шлемъ, подъ онымъ Царь воз-
 легъ.

Онъ въ землю мечъ вонзилъ; невидимый полками,
 Склоненную главу поддерживалъ руками;
 Не бѣдствомъ собственнымъ, но общимъ по-
 раженъ,
 Какъ въ облако луна, былъ въ горестъ погру-
 женъ:
 И пролилъ токи слезъ. . . . Тоска его мнѣ
 бремя;

О Муза! пресѣчь печальну пѣснь на время.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ:

Имѣя въ сердцѣ мракъ, и шмою окруженъ,
Казался въ морѣ Царь печалей погруженъ;
Какъ бури, душу въ немъ сомнѣнья волновали,
Покоя сладкаго, ни сна не отдавали.
Звѣзда его судьбы на небѣ не горитъ,
Она, сокрывъ лучи, на Іоанна зритъ;
Ни воздухъ, ни земля шокъ его не внемлетъ,
И щастье томное у ногъ Монаршихъ дремлетъ;
Какъ камень, горести его тягчили грудь;
Прерывистымъ словамъ отверзъ въ печали путь:
О Боже! онъ вѣщалъ, коль гнѣвомъ Ты пылаешь,
За что напрасну смерть безвиннымъ посылаешь?
Моимъ знаменамъ въ слѣдъ пришли сюда они;
Коль казнь Тебѣ нужна, за нихъ меня казни!
Я воиновъ моихъ привелъ въ сѣи предѣлы;
Бросай прошивъ меня молніеносны стрѣлы!
Я старца мудраго совѣщанья пренебрегъ,
Который въ дерзости меня предостерегъ.
Се грудь, которая щеславіе вмѣстила,
Надеждою себя и щастіемъ польстила!
Рази ее, рази! готовъ я казнь нести,
Когда чрезъ то могу моихъ людей спасти.

Вѣщая тѣ слова, повергся на колѣни;
И ночь кругомъ его простерла черны тѣни;
На перси томную склоняетъ Царь главу,
И зритъ во смутномъ снѣ какъ будто наяву,
Мечтается ему: „Что мракъ густой рѣшетъ,
Что облакъ огненный, сходя на землю, рдетъ;
Сокрылись звѣзды вдругъ, зашмилася луна,
Повсюду страшная простерлась тишина;

Багрово облако къ Герою приближалось ,
 Упало предъ Царемъ, и вскорѣ разбѣжалось ,
 Видѣнье чудное исходивъ изъ него :
 Серпомъ луна видна среди чела его ;
 Въ десницѣ держивъ мечъ, простершій къ обо-
 ронѣ ,
 Онъ видится сѣдящъ на пламенномъ драконѣ ;
 Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держалъ ,
 Пророкамъ и Царямъ во славу подражалъ.,,

Строптивый Іоаннъ видѣніемъ плѣнился ,
 И естлибъ робокъ былъ , предъ нимъ бы пре-
 клонился ;
 Но взоръ къ нему склонивъ, вниманіе и служъ ,
 Имѣлъ тревожный видъ, но не тревожный духъ.
 Явившійся Царю, бросая остры взоры ,
 Вступилъ въ пространныя съ Монархомъ раз-
 говоры :

О Царь! вѣщаю онъ, имѣешь ты вину
 Токъ слезный проливать, пришедъ въ сію страну ;
 Печали вокругъ тебя сливаются какъ море ,
 И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ
 вскорѣ ;
 Погаснетъ щастіе, и слава здѣсь твоя ,
 Тебя забылъ твой Богъ, могу избавить я ;
 Могу, когда свой мракъ отъ сердца ты отго-
 нишь ,
 Забывъ опечесство, ко мнѣ главу преклонишь ;
 Такимъ ли Іоаннъ владѣніемъ дорожитъ ,
 Гдѣ мракъ шесть мѣсяцовъ и снѣгъ въ поляхъ
 лежитъ ,
 Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ ,
 Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый
 зрѣетъ ,
 Гдѣ царствуетъ во своей свирѣпости Борей ?
 Страна твоя не тронъ, темница для Царей.
 Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдаш-
 ней ночи ,
 На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи ;

Недвижимъ Царь взиралъ, внимая рѣчь сію.
 Какъ въпирами вода, въ немъ духъ поколебался ;
 Молчашь и рѣчь простиершъ къ видѣнью опасался ;
 Хотѣлъ главу склонить , но вдругъ на щипъ
 взглянулъ ;
 Померкнулъ щипъ ! и Царь о старцѣ вспоманулъ.
 Такое зрѣлище въ немъ пламень возжигаетъ ,
 Вспранулъ, и мечъ рукой дрожащей изторгаетъ,
 Разипъ. . . . Въ единый мигъ померкнулъ воз-
 духъ чиспъ ;
 Ударилъ спрашнй громъ , возспалъ и шумъ и
 свиспъ ;
 Блеснули молніи, видѣнъе преложилось ,
 И спрашное Царю чудовище явилось ,
 Во мрачномъ облакѣ на воздухъ поднялось ;
 Какъ спрашнй змѣй, оно въ при круга извилось ;
 Дышало мщеніемъ ! Безбожіе то было ;
 И грозныя слова Монарху возпирубило :

Напрасно отъ меня ты чаешь избѣжапъ ;
 Спени ! я знаю чѣмъ Монарховъ поражапъ ;
 Хотъ нынѣ казнъ твою свирѣпый рокъ сло-
 жипъ ,
 Но душу отъ твою и мысли возпревожипъ ;
 Спокойства сладкаго не будешь ты вкушапъ ,
 Ни брачною себя любовью ушѣшапъ ;
 Владѣнѣ твое во ужасъ превратится ,
 И будешь ближнихъ ты и подданныхъ спра-
 шипся ;
 Ты искреннихъ рабовъ безвинно умертвишъ ;
 Своимъ ты имянемъ вселенну устрашишъ ;
 Вельможи и народъ тебя возненавидятъ ,
 Тиранъ мѣ нарекутъ, въ тебѣ врага увидятъ ;
 Ты сына умертвишъ ! . . . Ударилъ паки громъ,
 Сокрылось возспенавъ чудовище по томъ ;
 Оно въ подземныя пещеры сплелало ,
 А сердце храбраго Царя возтрепешало ;
 И мракъ сомнѣнія по томъ развѣясъ въ немъ ,
 Жестокимъ въ поносѣ явилъ его Царемъ.
 Целена ввергнула въ подобный страхъ Енея.

Вздохнулъ, и предъ собой увидѣлъ Царь
Алея ;
Вторичною мечтой приходъ его почелъ,
Онъ окомъ на него разгнѣваннымъ воззрѣлъ.
Алей задумчивъ былъ и рубищемъ одѣянъ,
По всемъ его чертамъ печаль какъ мракъ раз-
сѣянъ ;
Онъ слезы лилъ предъ нимъ, и Царь къ нему
вѣщалъ :
Еще ли мало ты покой мой возмущалъ ?
Предатель! пререци! шеперь одни мы въ полѣ ;
Бѣги не умножай моей печали болѣ. . . .
Ко Царскимъ въ пререцѣ Алей упалъ ногамъ,
И рекъ: не причислай меня къ твоимъ врагамъ ;
Благочестивыхъ я не уклонялся правилъ ;
Былъ виненъ, но вину шеперь мою исправилъ ;
Однако нужнаго, о Царь! не прашь часа ,
Который щедрыя даруютъ Небеса ;
Опважностъ иногда печали побѣждаетъ :
Тебя въ густомъ лѣсу пустынный ожидаетъ.
Тоскою удрученъ, когда я къ войску шелъ ,
Онъ мнѣ тебя искалъ подъ деревомъ симъ велѣлъ,
И мнѣ сѣе вѣщалъ: Скажи ты Иоанну ,
Коль хошетъ онъ достичь къ благу имъ желанну,
Да придетъ онъ ко мнѣ! . . . Во мракъ и въ
Сіяли вокругъ его чела, о Царь! лучи (ночи ,
Въ молчаньи Иоаннъ словамъ пришельца внем-
летъ ,
И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подѣмлетъ.
Тогда вскричалъ: Хошу для войска щасливъ
И болѣе, хошу вину пвою забыть : (былъ ;
Я жизнь мою тебѣ, Россіи жизнь вручаю ;
А есѣли вѣренъ ты, я друга получаю ;
Довольно мнѣ сего! къ пустыннику поидемъ,
Но повѣсть мнѣ твою повѣдай между тѣмъ ;
Скажи, почто ты стѣнъ Свѣяжскихъ удалился ?
За чемъ ходилъ къ врагамъ, за чемъ въ Казань
сокрылся ?
И какъ обратно ты явился въ сей естранѣ ?
Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ
ты мнѣ.

Идушій за Царемъ къ пустынику лѣсами,
 Ошвѣтсвовалъ Алей такими словесами:
 О Царь! повѣдаю тебѣ мою вину;
 Но спыдъ почувствую, отколѣ ни начну.
 Когда не буду я вѣщать чистосердечно,
 Да темна ночь сія меня покроетъ вѣчно!
 Да горы на меня кремнистыя падутъ,
 И въ сей спранѣ меня живаго погребутъ!
 Сомнѣнья Царскаго Алей въ опроверженіе,
 Повѣдалъ о своемъ къ Казани приближеніи;
 Представилъ прелести, Сумбекинъ льстивый
 взглядъ,

Обманы, хитрости, и шествіе во градъ;
 Оно клонилоя, вѣщаль, къ единой цѣли,
 Дабы оружія напрасно не гремѣли,
 И мира вѣчный храмъ желалъ я опворить,
 Ордынцовъ безъ меча Россіи покорить.
 Уже вражду мои совѣты понушали,
 Но, рекъ онъ, замыслы успѣхамъ помѣшали:
 Увы! копорую сердечно я любилъ,
 Я шую жизнь и честь едва не погубилъ.

Въ едину ночь, Алей стояя продолжаетъ;
 Меня и мысль о томъ какъ громомъ поражаетъ;
 Въ едину ночь, когда къ спокойствію я прибѣгъ,
 Когда на одрѣ я свой уединенъ возлегъ,
 Увидѣлъ предъ собой невольника дрожаща,
 Одежду бѣлую въ рукахъ своихъ держаща,
 Котору будто бы прудясь наединѣ,
 Сумбека, въ знакъ любви, отправила ко мнѣ.
 Пишая на ея усердіе надежду,
 Дерзаю обещись во свѣтлую одежду;
 Изъ рукъ подателя спѣшу ее извлечь;
 Но внемлю спрашную невольникову рѣчь:
 О Царь! вѣщаешь онъ, отринь сіе убранство;
 Я помню и въ моихъ оковахъ Христіянство;
 Я нѣкогда своимъ рабомъ въ Россіи былъ,
 Я вѣренъ былъ тебѣ, а ты меня любилъ.
 О естли, Государь! подаркомъ симъ польстишься,
 И имъ покроешься, то жизни ты лишишься.

Раба я познаю, и вѣрить не хочу ;
 Злословію его свирѣпымъ взоромъ мщу ;
 Сей рабъ изъ рукъ моихъ одежду вырываетъ ,
 Онъ ею и главу и шѣло обвиваетъ .
 Какой тогда я страхъ и ужасъ ощутилъ !
 Невольникъ палъ , взревѣлъ , и духъ свой изпу-
 Велико для меня шакое увѣреніе ; (спилъ !
 Но могъ ли я имѣть къ Сумбекъ подозрѣніе ?
 Весь дворъ позналъ о сей опасности моей ;
 Тогда вбѣжалъ ко мнѣ мой вѣрный другъ Гирей :
 Спѣши отсель ! спѣши ! со шрепешомъ вѣщаетъ ,
 Сагрунъ противъ тебя Казанцовъ возмущаетъ ;
 Сумбека ищетъ средствъ Алея отправитъ ;
 Османъ тебя грозитъ злодѣйски умертвитъ ;
 Бѣги отсель ! уже Казанска чернь мунитъ ;
 Моею помощью тебѣ не можно льститъ ;
 Я слабъ противу ихъ , и только то могу ,
 Что тайно отъ злодѣйствъ Алея собреку ,
 Потомъ погибну самъ ! . . . То слово грудь
 пронзило ,
 Оно стрѣлъ меня подобно уязвило ;
 Окаменѣвъ смотрю на друга моего ,
 И вдругъ въ объятія кидаюся его ,
 И вопію къ нему : Не йду , мой другъ ! отсюду ;
 Пускай я жертвою моихъ злодѣевъ буду !
 За что тебѣ спрадашь ? живи ! мой другъ , живи !
 Да злобу утѣшитъ Казань въ моей крови .

Незапно слышится волненіе народно ;
 Погибнуть я хотѣлъ изъ храма неизходно ;
 Спасай себя ! спасай ! Гирей мнѣ съ плачемъ рекъ ,
 И силою меня подъ мрачный сводъ повлекъ .
 Когда наполнился Сумбекинъ дворъ народомъ ,
 Провелъ меня Гирей изъ града тайнымъ ходомъ ,
 И скрылся отъ меня . . . Унылъ , окаменѣвъ ,
 Я шелъ , бѣя себя во грудь , отъ градскихъ стрѣлъ ;
 Вручилъ я жизнь свою на произволъ судьбинъ ,
 И долго спранствовавъ по дебрямъ и въ пустынь ;
 Зри рубища сіи , и бѣдноту зри мою !
 Пустынникъ нѣкій далъ одежду мнѣ сію .

Коль поздно жилосьъ я Сумбекину при-
мѣшилъ!
Спрахъ гналъ меня отъ ней, я страхъ на Волгѣ
вспрѣшилъ.
Плывущихъ войскъ твоихъ опасность я узрѣлъ,
Топила ихъ вода, предъ ними громъ гремѣлъ;
Отъ волнъ и отъ небесъ гонимыя спрадали,
Въ нихъ пламень со береговъ враги твои кидали;
Твоимъ воишелямъ спасенья нѣтъ нигдѣ:
Смерть видятъ на земли, смерть видятъ на
водѣ!

Теку на помощь къ нимъ, прошу, повелѣваю,
Къ Ордынцамъ вопію, къ Россіянамъ взываю;
Смирился враги, и буря и вода.
По шумъ склонилъ мое стремленіе сюда.
Я зналъ, что воинство отъ глада изпалѣвало,
И воздухъ васъ мертвилъ и солнце убивало;
Рачебную траву и пищу вамъ принесъ.
Но только я вступилъ въ дремучій близкій лѣсъ,
Тамъ старецъ нѣкакій предсталъ передо мною,
Онъ есть свиданія съ моимъ Царемъ виною. . . .

Полссадїи прешли, бесѣдуя они,
И видятъ межъ деревьевъ сверкающіи огни,
Къ копорымъ спутники чѣмъ ближе, подвизались,
Тѣмъ далѣе огни отъ оныхъ уклонялись;
И вдругъ склѣбившись, ихъ къ пещерѣ привели:
Лежаща спарца тамъ на камнѣ обрѣли;
На персяхъ у него какъ лень брада лежала,
Премудрость на его лицѣ изображала;
Священну книгу онъ, чело склоня, читалъ;
Увидя предъ собой пришельцевъ, бодрѣ возсталъ.
Пріятнымъ воздухъ весь наполнился зефиромъ,
И старецъ рекъ Царю: Гряди въ пустыню съ
миромъ!

Какъ въ солнечныхъ лучахъ играюще стекло,
Покрылось Царское веселіемъ чело:
Но стыдъ при радости въ лицѣ изобразился:
Сіяньемъ озаренъ, рукою онъ закрылся;
Позналъ во старцѣ онъ пустытника сего,

Который въ путь нейти увѣщавалъ его ,
 И щипъ ему вручилъ; онъ рекъ: взирать не смѣю,
 Я сердца чистаго, о спарче! не имѣю;
 Сумнѣнъемъ и шоской перзаеися оно;
 Твое свѣтло какъ день, мое какъ ночь темно;
 Могу ль бесѣдовать? . . . Душевно видя муку,
 Пустынникъ простираетъ ко Іоанну руку,
 И возвѣстивъ ему: печаль твою забудь,
 Примѣромъ мужества главамъ вѣнчаннымъ будь;
 Ты крѣпостью своей, терпѣнъемъ, бѣдами,
 Какъ злато чрезъ огонь, очистишь духъ шрудами;
 Но паче шѣмъ себя во славу утвердилъ,
 Чпо льсняящую тебѣ форшуну побѣдилъ;
 Везбожіе ты зрѣлъ подъ видомъ Махомета:
 И естли бы его не опженилъ совѣша,
 Тебя бы стращный громъ мгновенно поразилъ,
 И въ бездну вѣчныхъ мукъ на вѣки погрузилъ.
 Теперь противъ спрасшей возставъ какъ храб-
 рый воинъ,
 Небесъ вниманія и славы ты достоинъ;
 Она велѣли мнѣ гремящею трубой,
 Твой разумъ испытать, бесѣдуя съ тобой:

Се каменна гора, се поле передъ нами;
 Тамъ видишь ты спези усыпанны цвѣтами;
 Зефиры царствующи ушѣхи видны шумъ;
 Подъ шѣнью миршыхъ деревъ они живутъ;
 Везцѣнны бисеры идущимъ предлагають,
 Вѣнцы на нихъ кладуть, въ нихъ спраспи воз-
 жигають;
 Которы наконецъ преображаясь въ адъ,
 Изъ сихъ прекрасныхъ мѣспъ влекутъ идущихъ
 въ адъ.

Гора является ужасною въ началъ,
 Но страховъ меньше тамъ; чѣмъ ты возводишь
 далъ:
 Тамъ встрѣпишь пламенемъ зѣяющихъ змѣевъ;
 Висящія скалы, услышишь звѣрскій ревъ;
 Спези препутанны, какъ верви, кривизнами,

И камни сходные движеньемъ со волнами.
 Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,
 Падешь въ развалины разбиѣнъ и ослѣпленъ.
 Но есѣли швердосѣи душевной не погубишь,
 По долгомъ спранспвѣи труды свои возлюбишь;
 Увидишь вскорѣ ты небесный чистый свѣтъ!
 Во храмъ пророчества твоего Богъ тебя зоветъ.
 О Царь мой! избирай изъ двухъ спезю едину,
 И знай, что я тебя на трудной не покину.

Какъ нектаръ Іоаннъ въ бесѣдѣ сей вкушалъ;
 Взявъ руку старцеву къ горѣ онъ поспѣшалъ,
 И рекъ: Иду съ тобой на твой совѣтъ въ на-
 деждѣ;
 Но сей хотѣлъ склонить ко сну Алея прежде,
 Дабы единый Царь позналъ судьбу небесъ:
 Напишокъ нѣкакій сопутнику поднесъ,
 Который силы въ насъ тѣлесны ослабляетъ;
 И вдругъ у дна горы Алея усыпляетъ.

Царю пустынный рекъ: Иди, и буди смѣлъ!
 По шомъ на крутизну горы его повелъ;
 По дебрямъ провождалъ, держа его рукою,
 Въ немъ силы ободрилъ бесѣдою такою:
 О Царь! вѣщаетъ онъ, себя ты ввѣрилъ мнѣ,
 Во мрачной сей ноши, въ незнаемой спранъ;
 Сумнѣніемъ твоей души не возпревожилъ,
 И тѣмъ вниманіе мое къ тебѣ умножилъ;
 Я дружество тебѣ взаимно докажу;
 О имени моемъ, о званіи скажу:
 Познай во мнѣ того, которому гонитель,
 И ближній сродникъ былъ, усопшій твой ро-
 дишель;
 Я шомъ, котораго онъ презиралъ родъ и санъ:
 Я есмь несчастливый пустынный Вассіанъ (*).
 Но горести мои и слезы я прощаю,

(*) Сей Вассіанъ сосланъ былъ въ заточеніе Ца-
 ремъ Василіемъ Іоанновичемъ. Многіе думаютъ,
 что былъ то Князь Голицынъ, но его имя мнѣ
 не извѣстно.

И сыну за отца любовью опомщаю ;
 Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы ,
 Преображаючи въ колючій тернъ вѣнцы ;
 Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слезы и терпѣнье,
 Душевное теперь вкушаю утѣшенье ;
 И естли слушаетъ Господь молиствъ моихъ ,
 Враговъ моихъ простишь; молюся я за нихъ.
 Мнѣ рай, душевный рай, въ пустынь опворился;
 Я придесяти лѣтъ въ пустыню водворился ;
 Здѣсь плачу о грѣхахъ мѣрскихъ наединѣ ;
 Нѣтъ злапа у меня, чего бояться мнѣ ?
 Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдство уповали ,
 Тѣ злобствуя, мнѣ жизнь свяшую даровали . . .
 Гряди ! мужайся Царь ! . . . смотри на сихъ
 змѣевъ ;

Они , срѣтая насъ, обуздываютъ гнѣвъ ;
 Здѣсь камни дикіе устроились врагами ,
 Широкой путь отверзтъ идущимъ тѣсностами ;
 Кремни содѣлались зеленою травой ;
 Се награждается, о Царь ! мой трудъ и швой ;
 Пойдемъ ! . . . Идущіе всѣ силы вновь подвигли,
 И горныя они вершины вдругъ достигли.

Уже по розовымъ они грядутъ цвѣтамъ ;
 На самой вышинѣ спроенье зримо тамъ :
 Не мраморомъ оно, не кровлею злапою ,
 Оно гордилось прѣяшней простотою ;
 Развѣсисны древа стояли близъ его ,
 Зеленый зрѣлся холмъ подпорой у него ;
 Тамъ нѣжилась кругомъ роскошная природа ;
 Во зданіе сіе не видно было входа.

Водимый тако Царь пустынникомъ, мол-
 чалъ ;
 Но духомъ возмущенъ, смутился и вскричалъ :
 Я чувствую шщеты со трономъ сопряженны ;
 Колико предъ Царемъ пустынники блаженны !
 Какъ тихая вода, ихъ сладкій вѣкъ печетъ ;
 Хочу въ пустынь жить ! споная Царь речетъ ;
 Или, о старче ! вынь изъ сердца смертно жало ,

Меня видѣніе которымъ поражало ;
 Оно напастію грозило мнѣ такой ,
 Которая уже опшвемлетъ мой покой ;
 Ошкрой судьбину мнѣ ! . . . Взглянувый крош-

кимъ взоромъ ,
 Пусшынникъ ободрилъ Монарха разговоромъ :
 Уединенія желаешь ты вошще ;
 Ты долженъ царствовать до старости еще ;
 Судьба, которую ничто не умоляетъ ,
 Короны бремя несешь тебя опредѣляетъ ; . . .
 Угрозъ сердитаго видѣнья не забудь ;
 Коль хочешь щасливъ быть , Царемъ правди-
 вымъ будь.

Но трудно доснигать намъ тайности не-
 бесной ,

Доколь мы плотію одѣяны тѣлесной ;
 Превѣчную судьбу отъ смертнаго очей
 Сокрывъ на вѣки Богъ во глубинѣ ночей.
 Сіяньемъ окруживъ Царя, сіе вѣщаетъ
 И духомъ снѣ его на небо возхищаетъ ,
 Гдѣ жившворный огонь, какъ свѣшлый шокъ те-
 чешъ ;

Градъ Божій указавъ, Вассьянъ Царю речешъ :
 Здѣсь пламенны сшоятъ во мракъ Херувимы ,
 Сшрегущи дверь судебъ, и имъ судьбы не зримы ;
 Превыше сихъ , гдѣ звукъ небесныхъ слышанъ
 лиръ ,

Неосязаемый, но чувствешный естъ мѣръ ;
 Сей мѣръ блистательный, пріятный и нешлѣн-
 ной ;

Естъ въ Духѣ Божіемъ чертежъ всея вселенной ;
 Тамъ солнца нѣшъ во дни, и нѣшъ луны въ ночи,
 Но вѣчно тамъ горятъ Всевышнаго лучи.

Се! зришь обштели, которыя Содѣшель
 Устроилъ, гдѣ вмѣшашъ священну добродѣшель ;
 Оселенъ Ангельскимъ сіи мѣсна зовушъ ,
 Нешлѣнны въ храминахъ нешлѣнныхъ здѣсь жи-
 вушъ :

Которы Бога чшутъ , пороки опмешаютъ ,
 Ты скоро въ сей предѣлъ по смерти возлешаютъ.

Здѣсь предка твоего Создатель помѣшилъ,
 Который полночь всю крещеньемъ просвѣтилъ.
 На ширѣемъ небеси Владимиръ обитаетъ,
 И Божій видя ликъ, восторгомъ духъ питаетъ.
 Се! Ольга мудрая, пріемля горній свѣтъ,
 Въ безсмертныхъ радостяхъ съ безплотными
 живетъ;
 Превыше всѣхъ планетъ и движимаго неба,
 Къ веселіямъ вознесъ Господь съ Борисомъ Глѣба;
 Се! храбрый Александръ, включенъ въ верховный
 санъ;
 Се! общій сродникъ нашъ, се! дѣдъ твой Іоаннъ.
 Являющія очамъ въ души шамъ святыя,
 Которыми по днесъ спасается Россія;
 На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
 Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;
 Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначенъ судьбою,
 Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
 Въ восторгахъ онъ желалъ ее облобызавъ,
 Но пѣла не возмогъ устами осязанъ;
 То былъ единый духъ; и Вассіянъ вѣщаетъ:
 Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ сму-
 Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ, (щаетъ.
 Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ;
 И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
 Воззри, какую мзду мужъ праведный пріемлетъ!
 И наша въ Божествѣ почерпнула душа,
 Оковы плотскія и узы разрѣша,
 Достигнувъ райскаго свѣтилища удобна,
 Когда на сей землѣ была чиста, незлобна,
 Изчезнетъ передъ ней сгущенный звѣздный мракъ;
 Познаетъ все она, увидитъ Божій зракъ.

Уже я познаю, въ восторгъ Царь вѣщаетъ,
 Что Богъ и въ жизни сей твой разумъ просвѣ-
 щаетъ;
 И то, что намъ сулятъ по смерти небеса,
 То видя въ на земли премудрыхъ очеса;
 Твой уста мнѣ гладъ и бури предсказали,
 И блѣстѣя меня предвидѣны терзали;

Прости ты, опче мой! сумнѣнью моему,
Твой свѣтъ не могъ прогнать мою душевную тму;
Коль мрачны Царскіе безъ мудроси престоло-
лы! . . .

Вѣщалъ, и старцевы сіи внималъ глаголы:
О! естли, Іоаннъ, позналъ я что нибудь,
Смирена жизнь моя мнѣ сей отверзла путь;
Душѣ опъ сей земли на небо есть дорога;
Душа есть точное изображеніе Бога,
Живетъ и движется въ объятіяхъ Его;
Нашъ духъ есть лучъ живой, Богъ солнце у
него!

Отъ мысли сей въ моихъ мольбахъ не удаляюсь,
И сердцемъ въ небеса всечасно возкриляюсь.
Что могъ проразумѣть о будущей судьбѣ,
О Царь! открою то во храмъ и тебѣ;
Оставимъ небеса; но тайны сей во вѣки
Да слышать отъ тебя не будутъ человеки!
Отверзу взоръ тебѣ на будущіе дни;
Гряди! . . . И шествуютъ ко зданію они.
Врата, которыя между стѣнами крылись,
Врата непронупы входящимъ отворились;
Съ священнымъ трепетомъ грядетъ за стар-
цемъ Царь,

И видитъ посреда́ устроенный олтарь;
Подъ нимъ живой воды извился ключъ біющій.
Пустынникъ, къ олтарю рукой Царя ведущій,
На перспы взявъ воды, къ Монарху приступилъ,
Онъ очи и чело Царево окропилъ.
Какъ нѣкая кора съ очей его низпала,
Очистился олтарь, мгновенно тма пропала,
И будто усладилъ Царя пріятный сонъ;
Что вижу предъ собой? вѣщаетъ старцу онъ;
Или я пренесенъ въ небесную вершину? . . .
Ты видишь, старецъ рекъ, божественную судь-
бину;

Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И Царь на книгу зришь:
Крестообразно вкрутъ нее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались.

Какъ чистою брега наполнены водой ,
 Являють небеса свѣщащи надъ рѣкой :
 Во киигѣ ясно такъ изображенно зришся ,
 Чему назначено въ грядуще время сбыться.
 Недвижимъ зритель былъ , пустынный замол-
 чалъ.

Се! вижу я себя! въ восторгѣ Царь вскричалъ ;
 Безъ долговременной и многотрудной брани ,
 Врага отверзлися мнѣ гордая Казани ;
 Ордынскій сильный Царь у ногъ моихъ лежишь ,
 Приносишь Волга дань , Кавкасъ отъ стрѣлъ
 дрожишь ;

Смущенна Аспраханъ упала на колѣни :
 Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись
 тѣни ;

На Шведовъ громъ падетъ изъ храбрыхъ Рос-
 скихъ рукъ ;

Вкругъ Белта внемлю я Московской славы звукъ ;
 Мятежная Литва, какъ агнецъ, усмирилась ,
 И Нарва съ трепетомъ Россіи покорилась ;
 Тревожный Новгородъ на вѣки укрощенъ :
 Побѣдами покой народамъ возвращенъ ;
 Поляковъ усмиривъ, я царствую во славѣ ;
 Сосѣдамъ миръ дарю, и миръ моей державѣ. . . .
 Преспанъ щеславится! смиренный старецъ
 рекъ ,

И знай, что ты не Богъ , но смертный чело-
 вѣкъ ;

Блаженства самъ себя не можешь ты устроишь ,
 Коль щастьемъ Богъ тебя не пожелъ удостоишь .

На оживленные картины взоръ простири ;
 Будь твердъ, и суету земнаго щастья зри :
 Вдругъ виды страшные Монарха поражаютъ :
 Тамъ отрока въ крови листы изображаютъ ;
 Обвившись змѣй кругомъ, горланъ его грызетъ .
 Кто опрокъ сей? Монархъ ко старцу вопіетъ .
 Я зрю жену надъ нимъ рыдающую, стелющую ,
 Терзающую власы, и жизнь пресѣсь жопящую . . .
 Ты видишь мать его, вѣщаетъ Россіанъ ,

Се сынъ твой! се твоя супруга, Іоаннъ !
 О славолюбія неслыханное дѣйство !
 Коришши пооспѣхъ убійцевъ на злодѣйство ;
 Димитрій въ юности увянешъ, яко цвѣтъ.
 Царь спонешъ, и едва на землю не падешъ ;
 Но въ немощи его пусшынникъ подкрѣпляетъ ;
 Во свѣплыхъ небесахъ Димитрія являетъ.
 Скрѣпился, рекъ Царю, во славѣ сына зри,
 Какой не многіе причастны суть Цари ;
 Неувядаему корону онъ получитъ ;
 Во адѣ вѣчный огнь его убійцевъ мучитъ.

Спокоило Царя видѣніе сіе ;
 Но гдѣ, онъ спросилъ, попомство гдѣ мое ?
 Какъ вихремъ нѣкакимъ мгновенно отдѣлились,
 Вдругъ многіе листы во книгѣ преложились.
 Не все изпытывай, пусшынникъ рекъ Царю ;
 Я вѣшъви твоего попомства отворю :
 Θεодоръ царствуетъ! не буди безотраденъ ;
 Но въ немъ изсякнешъ кровь, онъ кончитъ
 жизнь безчаденъ.

Со спономъ Іоаннъ, пошупя взоръ, молчалъ ;
 По томъ на небеса возведъ глаза вскричалъ :
 Ты, Боже! зиждешь все, Твоя да будетъ воля !
 Тобой предписана моя мнѣ въ жизни доля ;
 Но мучится мой духъ, и слезный шокъ течетъ,
 Что корень Рюриковъ судьбина пресѣчетъ.
 Не сътуй! спарецъ рекъ : твой плодъ не изпре-
 бится ,
 Но долженъ въ нѣдра онъ на время углубиться ;
 Въ благословенной онъ упробъ прозябеть ,
 И выступитъ по томъ торжественно на свѣтъ ;
 Отъ вѣшви, Царскому колѣну пріобіщенной ,
 Изыдутъ отрасли въ Россіи возмущенной ;
 Какъ сильный кедръ, они до облакъ возрастутъ ,
 Народы ликовать подъ сѣнью ихъ придутъ ;
 Россія возгремитъ, и славу узритъ нову !
 Но нынѣ обрати твой взоръ ко Годунову ,
 И другъ и родственникъ онъ сына твоего ;

По немъ пріемлюща ты зришь вѣнецъ его ;
Ты видишь вокругъ его рѣками кровь текущу ,
Спеленящу истинну, невинность вопіющую.

Царь въ черныхъ мракахъ зришъ преемника
сего ;
Какъ облакъ носится печаль кругомъ его ;
Не веселитъ души ни трономъ онъ, ни славой ;
Рукою держитъ мечъ, другой сосудъ съ оправой ;
Крѣпитъ на тронъ власть кровавымъ онъ пе-
ромъ ;
Но видитъ молніи, вдали внимаеъ громъ ,
Смущенные глаза на шучу взводитъ черну ,
И Годунова тронъ подобенъ зрится шерну .

Кто дни спокойствія Царева погасилъ ?
У Вассіана Царь со спомомъ спросилъ.
Раскаянье и грѣхъ, пустынный отвѣчаетъ.
Убийца Димитріевъ оправой жизнь кончаетъ.
Смотри, какъ дѣйствуетъ въ его утробѣ ядъ ;
Опрепьева на тронъ Поляки пропѣснѣли ;
Димитрій убитъ, но именемъ возстанетъ ;
Опмѣненъ въ образъ чернца перуномъ грянетъ ,
И сына Царскаго на тронъ умертвилъ.
Но горести въ Москвѣ Опрепьевъ оживитъ ;
Не есть и не было толкихъ золь примѣра :
Благочестивая пѣснѣма будетъ вѣра ;
Въ Россіи тишина исчезла, яко дымъ ,
Тамъ спражделъ Патриархъ въ темницѣ Іахимъ ;
Латинской вѣрою и лестию упоенный ,
Игнацій жезлъ беретъ и санъ первосвященный ;
Ко благочинію утратилась любовь ;
Сыновъ опечества рѣкой лѣется кровь.
Изъ рукъ Опрепьева перунъ въ столицѣ грянулъ ;
Но Шуйскій на него съ мечемъ опъ сна возпря-
нулъ ;
Онъ пламенный нося , опъ Россовъ гонитъ
спрахъ ,
Предавъ огню чернца, его развѣялъ прахъ.
Ты видишь Шуйскаго, носящаго корну ;

Но зло къ Россійскому прильнѣвъ, какъ язва,
 Междоусобіе въ Россіянахъ горитъ, (спрону,
 Се жало на него злонравіе осприѣвъ!
 Забвенна древняя швоимъ народомъ слава;
 На царство Польскаго онъ призывалъ Владислава;
 И въ ризу черную Василій облеченъ,
 Постриженъ, и врагамъ отечества врученъ.
 Все царство мракъ покрывалъ; ищи въ темницѣ
 свѣта!

Являетъ онъ Царю въ оковахъ Филарета;
 Въ темницу вверженный, но въ ней неуспра-
 шимъ,
 Изъ Польши пишетъ онъ къ еобратіямъ своимъ,
 Дабы въ любви сердца къ отечеству крѣпили,
 Вѣнца Россійскаго Липѣ не уступили;
 Несчастный спарецъ зрѣвъ оковы, пламень, мечъ;
 Безсильна смерть его къ предашельству при-
 влечъ;
 Онъ славу соблюсти отечество заставитъ,
 И паспырствомъ свой санъ въ Москвѣ по шомъ
 прославитъ.
 Се ночь скрывается; зри солнечный возходъ!
 Романовыхъ грядетъ онъ Филарета родъ;
 Явился въ полномъ онъ сіяньи при началъ,
 И больше свѣта дастъ, чѣмъ въ вѣчность прой-
 детъ даль.
 Увы! доколь заря въ Россіи не взойдетъ,
 На всю твою страну глубокой мракъ падетъ!
 Се шронъ колеблется, хранимый многи вѣки;
 Москву наполнили Поляки, будпо рѣки;
 Забвенны древніе природные Князья;
 Ты спонешь, Іоаннъ! спеню и плачу я;
 Иноплеменники Москвою овладѣли . . .
 При семъ видѣнїи небесны своды рдѣли;
 Опустошенныя опкрылися поля;
 Кровавые ручьи, багровая земля;
 Разшерзанны пѣла гробовъ не обрѣтающъ,
 И пшицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ.
 Отпринула Москва опъ персей шомныхъ чадъ.

Къ Россійскимъ рапникамъ приходишь блѣдный
 гладъ ;
 Мечи изъ рукъ падуть, душевны тлѣють силы ;
 Преображающаея вокругъ стѣны шатры въ могилы ;
 И гладъ бы мужества ошанки погасилъ ,
 Когда бы Мининъ искръ въ сердцахъ не воскресилъ .
 Сей другъ отечества на бѣдноту взоръ возводишь ;
 Берешь сокровища, къ Пожарскому приходишь ;
 Богатство тлѣнь и прахъ, но славно есть оно,
 Коль будетъ общему добру посвящено .
 Узналъ имѣнья такую Мининъ цѣну ;
 Онъ злато изоспиралъ, дабы сразить измѣну ;
 Россійской храбрости удерживаетъ весь ,
 И се разилъ Орла Россійскій Геркулесъ !
 Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ ,
 Кидаешь молнии, Поляковъ поражаетъ ;
 Съ другой страны даришь отечеству покой ,
 Бросая громъ на нихъ Димитрій Трубецкой .

Сей родъ со временемъ съ тѣмъ родомъ
 сѣдинится ,
 Отъ коего пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ родится ;
 Увидѣшь свѣтъ ему судьбина повелишь ,
 Гдѣ Польшу бурный Днепръ съ Россією дѣлитъ .
 Проси , коль онъ тебя достойно не просла-
 вилъ ,
 Любовь къ отечеству писать его заставишь .

Но взоры Іоаннъ къ Героямъ устремилъ ,
 И черную печаль отъ сердца отбими ;
 Пожарскій съ Трубецкимъ побѣду совершаютъ ;
 Жену враговъ, разятъ, и въ бѣгство обращаютъ .
 Очистились теперь отъ мрака небеса .
 Москвѣ возвращена и слава и краса ;
 Пожарскому вѣнецъ народомъ поднесется ,
 Но сей великій мужъ отъ царства отречется ,
 И сею крошечкою Монарховъ превзойдетъ ;
 Избранъ Романова на царство дастъ совѣтъ ;
 Въ единеніе по шомъ возхожденію скрыться ;
 И Филаретовъ сынъ со славой воцарится .

Смотри , какъ мать ему принять вѣнецъ
преимѣ ,
Колеблемый престолъ душѣ ея не льститъ ,
И сына образу въ слезахъ она вручаетъ ;
Сигклилъ его беретъ , и бармами вѣнчаетъ :
На царство опрокъ сей со славою вступилъ ,
И жало Польскаго дракона пригнулъ ;
Склоненную главу при немъ подѣмлетъ царство ,
Пріосѣнилось спокойствомъ государство.
Пріемлетъ сынъ его корону Алексѣй ,
Законодательмъ владѣтель будетъ сей ;
Благоустройство онъ даетъ своей державѣ.
Угошвляется Россія къ новой славѣ.
Преемникомъ своимъ онъ сына наречетъ ;
Но смерть Θεодора въ цвѣтущи дни ссѣчетъ.
Горька опечеснву такая будетъ прапа !
Оставитъ по себѣ юнѣйшаго онъ брата.

Что вижу ? Царь вскричалъ : Что вижу я ?
Родятся новые въ Россіи мятежи : (Скажи !
Зрю вкупѣ двухъ Царей , и вижу двѣ короны ;
Трепещетъ стольный градъ , трепещутъ Царски
проны !
Разпорглось дружество и братская любовь ;
Въ Москвѣ грабежъ и вопль , печетъ по спо-
гнамъ кровь.
Кто сей несчастный мужъ на крестѣ въ слезахъ
взираетъ ,
И за власы влекомъ , на копьяхъ умираетъ ?
Кто хитрая сія и гордая жена ,
Мнѣ видится въ вѣнцѣ мечемъ вооружена ?
Свирѣпыя змѣи свои разверзли зѣвы ,
Хотящи жалами язвить уста Царевы (*).
Но вдругъ печальная простерлась пишина ,

(*) Одинъ изъ стрѣльцовъ прикасался копьемъ своимъ къ устамъ юнаго Петра , и кричалъ : ты ли это ? Государь , много лѣтъ спустя узналъ сего злодѣя , послѣженнаго въ монахи и раскаявшагося о его варварствѣ.

Междоусобная укрощена война ;
 Кто опрокъ сей, скажи, что громы взявъ рукою,
 Разитъ мятежниковъ для общаго покою ?
 Коварство плачуще у ногъ его лежитъ,
 Злоумышленіе отъ стрѣлъ его бѣжитъ.
 Но что! не новые ль рождаются народы ?
 Иль въ годъ вмѣстилися безчисленные годы ?
 Столицу вижу я, но вижу не мою !
 Въ Москвѣ Россіянъ зрю, но ихъ не познаю !
 Се Царь , оставивъ тронъ , простеръ къ рабо-
 тѣ руки ;
 Цвѣтущъ кругомъ его художества, науки.
 Или я вижу сонъ, иль очарованъ взглядъ ?
 Се вдругъ рождается у Бѣла пышный градъ !
 Скажи, кокими созижденъ онъ Царями ?
 Единымъ ! . . . Сей единъ да чпится олпа-
 рями . . .
 Державу осѣнитъ сей мужъ, какъ нѣкій кедръ
 Се Богъ , иль человекъ ? . . . Се твой попо-
 мокъ Пётръ !
 Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ
 дикимъ ,
 Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ.
 Свѣтило оное вначалѣ мракъ зашмиетъ.
 Сестра прошивъ него злодѣевъ устремитъ ;
 Ты видишь, какъ она владѣтъ престоломъ жаж-
 дешъ !
 Москва отъ жипрости Софіи гордой спражدهтъ ;
 Стрѣльцы Матвеева безвинну кровь лѣютъ ,
 Се! чашу смертную Нарышкины пѣютъ.
 Но зри Петра своимъ народомъ окруженна ;
 Его перуномъ лещъ и гордость пораженна :
 Тамъ гонитъ онъ за Днепръ съ полей Полпав-
 скихъ Льва ;
 И видитъ новый градъ во дни его Нева.
 Парящимъ онъ орломъ въ чужихъ странахъ
 явился ;
 Весь свѣтъ его трудамъ и свойствамъ удивилъ ;
 Превыше смертныхъ силъ подвемлетъ онъ шруды ;
 Се флотъ, се воинство, науки и суды ;

Его перунѣ въ моряхъ, и громъ на сушѣ грянулъ;
Но въ самыхъ торжествахъ сей мудрый Царь
увянулъ! . . .

Смущенъ пріятною и жалостной мечтой,
Воскрикнулъ Іоаннъ: о грозна смерть! постой!
Оставь попомка мнѣ! Но свѣтъ Петра объемлешь,
И Царь сіи слова отъ Вассіана внемлешь:
Сей мужъ великими дѣлами долго жилъ,
И жизнямъ Богъ предѣлъ и славу положилъ;
Пресвѣтлый духъ Петромъ на небо преселился;
Но онъ въ другомъ лицѣ на землю возвратился.
Познаешь свѣтъ, когда его прервешься вѣкъ,
Лишь только по тому, что былъ онъ человекъ,
Во всей подсолнечной сей мужъ себя прославишь;
Онъ въ плачѣ по себѣ Россію всю оставишь.
Образованіе душъ и славу сей,
Въ крови Нарышкиной устроишь Алексѣй;
Примѣромъ будетъ онъ всего земнаго круга.
Взойдетъ на Царскій тронъ по немъ его су-
пруга

И славы странъ твоихъ пріумножая звукъ,
Оставишь Аннѣ тронъ его безчадный внукъ. . .
И се, Россійскаго къ усугубленью свѣта,
Петрова Дщерь грядетъ на тронъ, Елисавета;
Ознаменуется правленіе сіе
Щедрою, щастіемъ и крохотью ее;
При ней разторгнувшись наукъ словесныхъ узы,
Россію посѣпятъ возлюбленные Музы;
Сѣдючи миршовыхъ древесъ въ густой шѣни,
На лирахъ возгласятъ они златые дни;
Подъ скипетромъ ея цвѣтутъ обильны низы,
Корону обвѣютъ и лавры и оливы,
Науки процвѣтутъ какъ новый виноградъ,
Шуваловъ ихъ распитъ, Россійскій Меценатъ.

Но кое зрѣлище въ восторгъ мой духъ при-
водишь?

Свѣтило новое въ странѣ полнотной всходитъ,
Вѣщаетъ Іоаннъ. . . . Теряется мой взоръ;
Колики радости, какой торжествъ соборъ! . . .

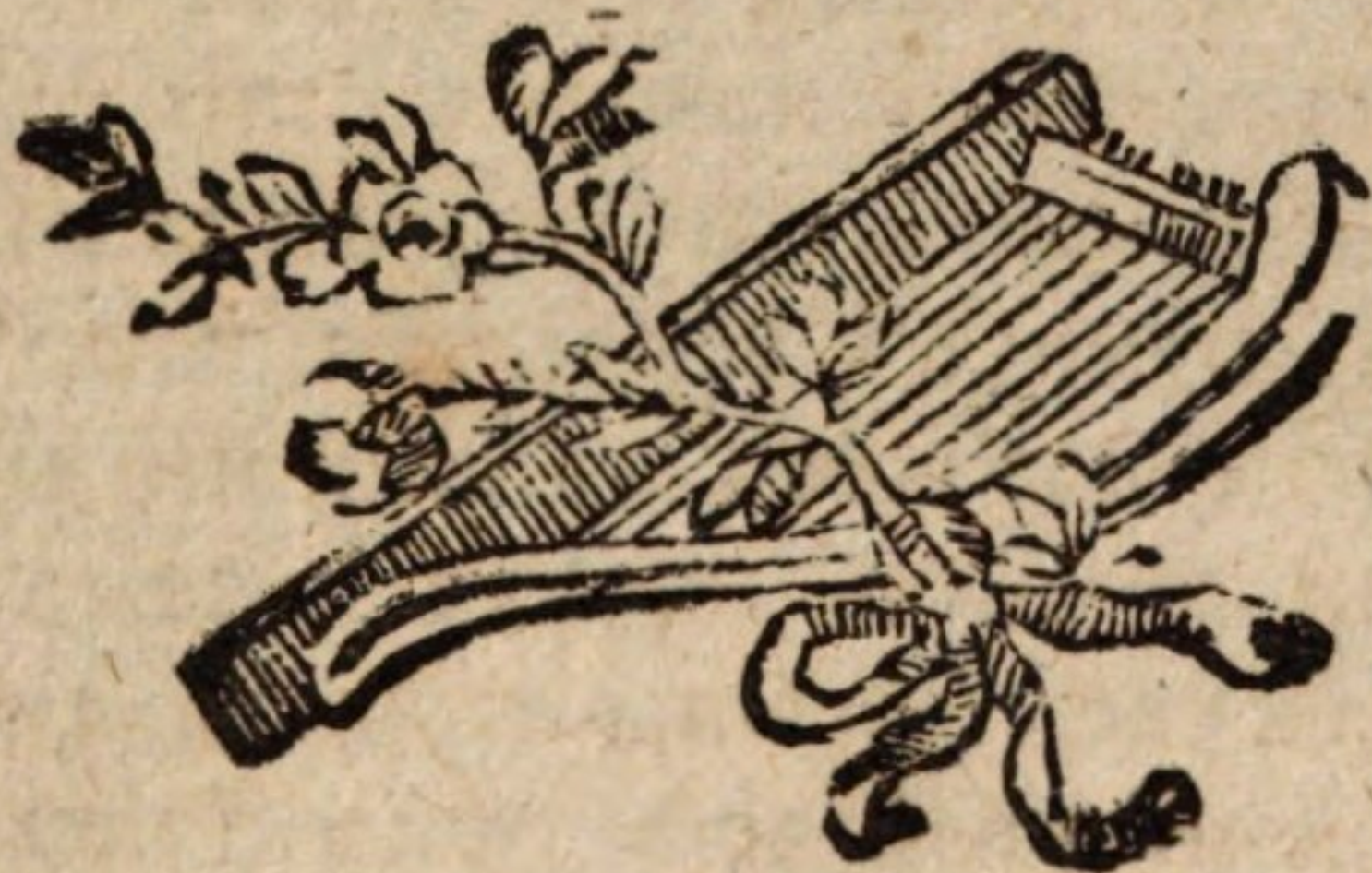
Се! лучшая времянь, пустынный рекъ, судьбина,
 Пріемлетъ царствія вожди ЕКАТЕРИНА;
 Премудрость съ небеси въ полночный край еой-
 детъ,
 Блаженство на престолъ въ лицѣ ея взведетъ,
 Предъ Ней усердіемъ опеченство пылаетъ;
 Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ,
 Тѣсна Ея лучамъ Россійская страна,
 Должна бы озарять вселенну всю Она;
 Божественны Она народамъ дастъ уставы,
 Гласящи подданныхъ и Государей правы;
 Содѣйствуетъ Ея намѣреніямъ Богъ;
 Устроитъ совѣсти и милостямъ чертогъ.
 Она спенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ,
 Отверженныхъ дѣшей подъ свой покровъ пріем-
 летъ,
 Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
 Судя преступниковъ, какъ Матерь слезы льетъ;
 Дать подданнымъ покой, лишается покою,
 И щедрости лѣетъ на всѣхъ людей рѣкою.
 Учися царствовать, учися ты у Ней;
 Будь подданныхъ опцемъ и жизни ихъ жалѣй!
 Какъ крины процвѣтѣвъ въ Ея державѣ грады,
 Упьются тишиной, насыщаяся опрады;
 Училища при Ней какъ маслины цвѣтѣтъ;
 Куда свой взоръ простретъ, сіяетъ благо тѣтъ.
 Въ великой сей душѣ вмѣщенная Россія,
 Преобразивъ свой видъ, увидитъ дни златыя.
 ЕКАТЕРИНА вѣкъ Астреинъ возвратитъ;
 Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ со-
 вершитъ;
 Отъ гордыхъ пирамидъ и пишловъ отречется,
 Но Матерью Она сердцами наречется;
 Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ:
 Пріидутъ къ ней Цари, какъ въ древній Вавилонъ,
 Не злато распочасть, не зданіямъ дивятся
 Пріидутъ къ ней Цари, но царствованію учисься.
 Блаженствомъ озаритъ опеченство Она,
 Въ прудахъ Ее найдутъ Аврора и Луна,
 Но буря бранная правленіе превозмѣтъ,

Шумишь, и шьмъ лучей вѣнца и прона мно-
жишь;
Кротка въ отечествѣ, премудра въ тишинѣ,
Явилась грозною и страшной на войнѣ;
Черезъ дальныя моря восточнымъ движишь краемъ,
Вѣнцы и славный миръ пріемлешь за Дунаемъ.
Зри новый на челѣ ЕКАТЕРИНЫ лавръ,
Подносяшь ей вѣнцы Херсонъ и древній Тавръ.
Восточну трепеташъ Луну Она заставишь,
Сарматовъ укротивъ, свой вѣкъ Она прославишь.
Везплоднымъ цвѣсть полямъ въ отечествѣ ве-
лишь;
Разширивъ свой предѣлъ, народы въ немъ селишь;
Въ пространствѣ черныя восточныя пучины
Шумишь названіе Второй ЕКАТЕРИНЫ;
Россійски корабли черезъ Босфоръ лещашъ,
Югъ, западъ и востокъ, весь сѣверъ богашашъ.
Увеселяшь Ее не лавры, не оливы,
То сердце усладить, что люди съ Ней щасливы;
Утѣшишь спраждущихъ, несчастныхъ оживишь;
Побѣдой возгремѣвъ, щедротой удивишь;
Возвысишь разумы, Она исправитъ нравы,
Достигнешъ мудростью безсмертной въ мѣръ
славы!

Се Павелъ! спарецъ рекъ, душа Ея и кровь;
Зри! коль сильна къ Нему народная любовь;
Приходишь смерть къ нему въ дни юности съ
косою,
Народъ пошocomъ слезъ кропится какъ росю;
Проникнулъ небеса ЕКАТЕРИНИНЪ спонъ;
И паки возвращенъ и Ей и Россамъ Онъ,
И вскорѣ томная утѣшилась Россія.
Се! входитъ съ Павломъ въ бракъ прекрасная
Ликуй со мною Царь и веселися ты, (Марія,
Се вѣтви возрасли опъ корня сей чепы;
О коль возлюбленны! о коль они прекрасны!
И вѣки потекуть въ Россіи безопасны.
Цвѣтами въ честь для нихъ украсились поля,
И въ даръ приносишь имъ богатый плодъ земля;

Неизмѣримая отверзлась благѣ пучина ;
Безсмертной славою гремишь ЕКАТЕРИНА. . . .

Грядущи времена познать полныхъ
спранъ ,
Желалъ еще взглянуть во книгу Иоаннъ ;
Но вдругъ огонь блеснулъ ! Царь къ спарцу
обратился ;
Олтарь запрепещалъ , и мракъ надъ нимъ сгу-
спился.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Отверзъ небесну дверь Денницы перстѣ златой,
Румяная заря встрѣчалась съ темною;
Гдѣ кисть густую шнѣ опѣ свѣта осличашѣ,
Тамъ зрѣніе черты межъ ими не встрѣчашѣ,
Смѣшенъе сходное при упреннихъ часахъ,
Въ слѣянномъ съ ночью дни казалось въ не-
бесахъ;
Мракъ тонкій исчезалъ, сіяніе раждалось,
И каждое существо со свѣтомъ пробуждалось.
Тму гонитъ съ небеси пріятная заря;
Видѣніе гнало прочь печали отъ Царя:
Изъ храма Іоаннъ съ пустынникомъ выходитъ,
И зрѣніе на долъ съ вершины горъ возводитъ;
Сквозь чистый воздухъ зрѣтъ пріятныя поля:
Тамъ нѣжной зеленью одѣлася земля,
И предспавлялася цвѣты производяща,
Какъ въ первый разъ изъ рукъ Господнихъ изхо-
Зефиры тихіе играютъ по лѣсамъ, (дяща;
И свѣжестъ опдають землѣ и небесамъ;
Поля жемчужною росю орошенны,
Со мрачностью ночной бѣгутъ пары сгущенны.
Когда бесѣдовалъ съ Монархомъ Вассіанъ,
Сокрылись ужасы отъ сихъ угрюмыхъ странъ,
И дождь, небесный дождь, лѣсовъ и горъ пи-
шателъ,
Прохлады алчущихъ, и жизни сталъ податель:
Какъ будто старцевыхъ внимая силъ словъ,
Рѣкою зашумѣлъ изъ жадныхъ облаковъ;
Долины поминя и рощи оживились,
Былики напились, цвѣпы въ лугахъ явились;
Лазоревый покровъ одѣлъ поверхность горъ.

Взводя на все еѣ Монархъ веселый взоръ ;
 Въшалъ: Великій Богъ ! о коль Тебѣ не трудно
 Во свѣтъ по творишь, что дивно намъ и чудно!
 Но трудно намъ Твои щедроты заслужишь ,
 Ты Богъ! и Бога мы умѣемъ раздражить.

Глубоку мысль сѣю пидай всегда о Богъ ;
 Но, старецъ рекъ , иди ; твой станъ теперь въ
 Иди ! друзей твоихъ и войски успокой ,
 Неизреченною сѣдаемы поской ;
 При семъ не забывай ужаснаго видѣнья :
 Твой Богъ тебѣ Опецъ ; ты будь опцемъ вла-
 дѣнья !
 Разумный Царь почтенъ, хотя несчастенъ онъ;
 Не зоключенія, пороки зыблютъ тронъ.

Пріосѣнивъ Царя, съ горы его низводитъ ,
 Гдѣ спящаго въ правѣ Алея Царь находитъ ;
 Се вѣрный рабъ тебѣ! Монарху старецъ рекъ ,
 Не въ дружбѣ, но въ любви онъ слабый че-
 ловѣкъ ;
 Люби и чти его! . . . Алей свой сонъ оставилъ.
 Сокрылся Вассіянъ. . . . Царь къ войску путь
 направилъ ;
 И слезы радостны лія въ сей мирный часъ ,
 Но бѣдствахъ видъ имѣлъ спокойный въ первый
 разъ.

Во станъ между тѣмъ, когда Монархъ со-
 крылся ,
 Неизреченный страхъ и ужасъ воцарился ;
 Адашевъ по шатрамъ ходилъ какъ внѣ ума ,
 Ему казалася мрачнѣе нощи нѣма ,
 Колеблемой земля, по коей онъ спускаетъ ;
 Молчитъ, языкъ его къ горшани прилипаетъ ;
 Трепещетъ какъ простникъ, во всѣ страны
 смотря ,
 Не смѣетъ вымолвить , что нѣтъ нигдѣ Царя ;
 Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ,

Услышавъ ходъ Царевъ, къ землѣ онъ приле-
гаешъ ;
Не внемлешъ и не зришъ! . . . Толико грозный
рокъ

Надолго скрытымъ быть отъ воинства не могъ:
Царево тайное опусиство познали ;
Винишь лишенемъ симъ другъ друга начинали;
Претерпѣвающи злощасье многи дни,
Въ сей часъ несчастными почли себя они ;
Печали, гладъ, тоска, гоненья, скорби люты ,
Явились страшны имъ, лишь только съ сей
минутой.

Гдѣ Царь нашъ? гдѣ нашъ другъ? повсюду во-
пиютъ ;

Умолкнувъ вдругъ они, и токи слезъ лютъ! . . .
Но ратниковъ въ сей часъ внимая сокрушенью ;
Послали Небеса прохладу къ утѣшенью :
Древями зашумѣлъ зефиръ издалика ,
И многоводныя надвинулъ облака ,
Которы въ воздухъ какъ горы вкругъ ходили ,
Сперлись, и вдругъ поля и рощи ождили.
Владѣющій до днесь Ордынскою страной ,
Отъ вѣтровъ прячется подъ жаркій поясъ зной ;
Цвѣты и былія въ долинахъ оживали ;
А ратники Царя лишены унывали ;
Омытые дождемъ, среди своихъ прохладъ ,
Вѣщали: зной пошелъ, о Небо! намъ назадъ ;
Да голодъ насъ мертвитъ и жажда несказанна ,
Лишь только намъ опдай обратно Іоанна !
Разсыпались они по дебрямъ и лѣсамъ ,
Простерлись голоса плачевны къ Небесамъ ;
Опдайте горы намъ Царя! они взываютъ :
Изъ рощей, изъ пещеръ Монарха призываютъ ;
Но повторяемый спократно въ дебряхъ гласъ ,
Имъ будто отвѣчалъ: Монарха нѣтъ у насъ.
Съ вечерня зари до утренней ходили ;
Безспрашнымъ, пропки имъ сумнѣнье наводили.

Уже предъ свѣтлою зарей исчезла тѣнь ,
Луна подъ землю шла, и воцарялся день ;

Адашевѣ, слѣдуя склоненію Цареву,
 Рыдая шелъ къ шому развѣсистому древу,
 Подъ коимъ Іоаннѣ въ нощи видѣнье зрѣлъ.
 Онѣ шлемъ и мечъ его подѣ древомъ усмо-
 трѣлъ,
 Которые Монархѣ въ забвеніи оставилъ,
 Когда къ пустыннику съ Алеемъ путь направилъ.
 Какое смутное видѣнье для него!
 Оледенѣла кровь вокругъ сердца у него;
 Воскрикнулъ хошетъ онѣ, но не имѣетъ мочи;
 Состоялися стопы его и очи.
 Такое зрѣлище, какъ оспрая стрѣла,
 Пронзила грудь его и сердце сквозь прошла;
 Онѣ руки къ небесамъ препещущи возноситъ,
 Исполкованія въ семъ дѣлѣ шемномъ проситъ;
 Взыдалъ, и предъ собой воишелей узрѣлъ!
 Какъ жадный истуканъ, на нихъ Герой смотрѣ-
 Воишли его болѣнью соспрадаютъ, (рѣлъ;
 Бѣя во грудь себя, на землю упадаютъ.
 Волнующійся духъ въ Адашевѣ ушихъ,
 И вопрошающу о Іоаннѣ ихъ,
 Обѣмляющи его колѣни повторяли:
 Увы! и мы Царя Алея потеряли!
 Тогда повѣдаютъ гонимы рокомъ злымъ,
 Свое свиданіе и разлученіе съ нимъ;
 Адашева въ поскѣ ихъ повѣсть утѣшаетъ,
 Онѣ къ роуцѣ, гдѣ Алей сокрылся, поспѣшаетъ;
 Лепитъ чрезъ холмы онѣ, усердіемъ горя;
 И зритъ вдали . . . онѣ зритъ . . . идущаго
 Царя!
 Какъ огонь влечетъ къ себѣ свѣтильникъ поту-
 шенный,
 Такъ былъ къ Царю влекомъ Адашевъ восхи-
 щенный;
 Онѣ будто Ангела сходяща зрѣлъ съ небесъ,
 Въ объятія къ Царю повергся съ токомъ слезъ.

Ты вѣрнымъ другомъ быть, вѣщаетъ Царь,
 умѣешь;
 Единого искавъ, ты двухъ друзей имѣешь;

Часть I.

Л

Объ отлученіи моемъ не сожалѣй;
Не плачь, я здоровъ, и вѣренъ намъ Алей.

Тѣ рѣчи общее спокойство увѣнчали.
Зефиры къ воинству слова сіи помчали;
Пріятнѣй вѣспѣ была зари лучей злапыхъ,
И сладостнѣй дождя по многихъ дняхъ сухихъ;
Свѣшлѣе небеса и солнце появилось;
Вѣщаньемъ о Царѣ все войско оживилось.
Пришелъ нашъ Царь! пришелъ! повсюду вопіютъ;
Имъ взгляды Царскіе обратно жизнь даютъ!
Касаясь ризъ его, стопы его лобзуютъ,
И воплемъ радостнымъ небесный сводъ прон-
заютъ.

Какъ токомъ водъ Мойсей пустыню усладилъ,
Которы онъ жезломъ изъ камня изцѣдилъ:
Подобно Царскій взоръ, едино къ войскамъ слово,
Прохладу имъ сулятъ покой и счастье ново;
Его присутствіе блаженство принесло;
Воскресли радости и спало мертво зло.

Внимая грому трубъ Россійскихъ смутны
Орды;
Престали дерзки бытъ, престали быти горды;
Какъ юница падетъ къ стопамъ идуща льва,
Простерлись предъ Царемъ Кокшайцы и Мордва;
Приходятъ, въ дань ему корысть и жизнь при-
носятъ,

За наглости свои помилованья просятъ,
Вѣщая искренно, что двигли ихъ на брань
И суевѣріе, и гордая Казань;
Дѣла мрака души ихъ и мысли ослѣпили;
Что въ буйности они къ измѣнѣ приступили;
Но совѣсть изгнала вражду изъ ихъ сердецъ,
И бытъ они хотятъ рабами наконецъ.

Со умиленіемъ Монархъ просящимъ внима-
летъ,
И въ подданныхъ число своихъ враговъ прие-
метъ.

Тогда наполнился ущербъ его полковъ,
 Донынѣ множимый опъ скорби и враговъ;
 На мѣсто спраждушихъ, на мѣсто умерщвлен-

ныхъ,
 Находитъ храбростью людей одушевленныхъ.

Такое диво зрѣлъ въ Колжидіи Язонъ,

Когда, разсѣя тамъ змѣины зубы онъ,

Увидѣлъ шлемы вдругъ, щипы, мечи блестящи,

И войски изъ земли какъ класы изходящи.

Кочующи Мурзы, внимая рашный шумъ,

Потупили глаза, унизивъ гордый умъ;

Изъ подъ Казанскаго разпорженна покрова,

Опъ молніи, что ихъ разить была готова,

Россійскаго Орла подъ крылья пришекли,

И тамъ приспанище опъ бурей обрѣли.

Склонилися къ нему Висей со Еникеемъ,

Монархъ опнынъ спалъ ихъ другомъ, не зло-

дѣемъ.

Какъ бурная рѣка со воинствомъ своимъ

Къ Свѣяжску двинулся, и спрахъ пошелъ предъ

Соединилися, о дивная премѣна! (нимъ;

Махомешанскія съ Россійскими знамена.

Уже какъ два крыла раскинувый орелъ,

По воздуху съ дѣшми, такъ Царь на брань

лешѣлъ;

Подобны пучамъ двумъ двѣ зрѣлись войска части,

Предохраняючи Россію опъ напаси.

Когда вступилъ Герой въ Сѣяжскія поля,

Ликующей ему представилась земля;

Которыхъ жителі Россіи покорились,

Тѣ селы въ пишинъ какъ садъ изобразились;

Щедротой ихъ привлекъ къ покорству Іоаниъ:

Изчезла злоба ихъ прошиву Христіянъ;

Не изнуренные ни данью, ни трудами,

Между великими покоятся скирдами;

Тамъ нивы пучныя, тамъ сладкіе плоды,

Казади роскоши и щастія слѣды;

Среди прозрачныхъ водъ, въ лугахъ, въ доли-

нахъ мирныхъ,

Спрѣтающея стада воловъ и агнцевъ жирныхъ;

Подъ тѣнью древесъ вѣнки пастушки вьютъ,
 Пріятну жизнь онѣ и нѣжности поютъ.
 Тамъ ризу пеструю раскинула природа;
 Написанна въ очахъ у всѣхъ цвѣла свобода;
 Ласкаютъ воинство, за войскомъ идутъ въ слѣдъ,
 Усердны жилили нося млеко и медъ.
 Какое двухъ державъ несходство предлежало!
 Увеселивъ глаза, оно сердца сжимало,
 И жалость во слезахъ на воиновъ возрѣвъ,
 Умножила въ Царѣ стремленіе и гнѣвъ;
 Не смѣлъ ни зной, ни вихрь въ пупи его пре-
 вожитъ,
 Но радость общую и Царскую умножитъ,
 Едва полки въ Свѣяжскѣ оружія внесли,
 Съ Морозовымъ ладьи ко брегу пришекли,
 И вопль, веселый вопль небесный сводъ прон-
 заетъ!
 Отъ волнъ спасеннаго какъ сына мать лобзаетъ:
 Съ такимъ восторгомъ Царь плывущихъ цѣ-
 ловалъ,
 Которыхъ потерять на вѣки уповалъ.

Умысливъ дать примѣръ Казани горделивой,
 Едва вступилъ въ Свѣяжскъ сей Царь миролюбивой,
 Со увѣщаніемъ и кротостію словъ,
 Оливну вѣтвь вручивъ, послалъ туда пословъ;
 Велѣлъ мятежникамъ кичливыя Казани
 Миръ вѣчный предложить, или кровавы брани.

Ведущая меня донынѣ на Парнасъ,
 О Муза! укрои на время трубный гласъ.
 Послы грядутъ въ Казань со миромъ, не съ
 войною;
 Въ сей градъ, мятежный градъ, преиди и ты
 со мною;
 Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину;
 Развратъ его предскавъ, дай лиру, пѣть начну!

Подъ луною черпой Духъ темный оби-
 таетъ,

Который день и ночь по всѣмъ странамъ ле-
таеѣ ;
Раждаеѣ онѣ вражды между земныхъ Князей ,
Раждаеѣ мяшежи, разрывы межѣ друзей ,
Онѣ вносиѣ огонь и мечѣ въ естественны законы ,
Гражданску почиѣ кровь , колеблеѣ Царски
троны ;
Сердца тревожитѣ онѣ, супружни узы рветѣ ;
Всѣхѣ мучиѣ, всѣхѣ крушиѣ, Раздоромѣ онѣ
слывеѣ.

Сей Духѣ существовалѣ при сотворенѣи неба ;
Единородный сынѣ и Ноши и Ереба ,
Во мракѣ утаясь, сѣяне похищалѣ ,
Молчащу тишину, спавѣ бурей, возмущалѣ ;
Во мразѣ кроясь, сражался съ теплотою ;
Онѣ воздухѣ вооружалѣ на бранѣ съ водой густою.
Когда въ Едемѣ жилѣ безбѣдно человекѣ ,
Во древѣ знанѣя скрывалѣ желѣзный вѣкѣ ;
Надѣ нашимѣ праотцемѣ, праматерью прель-
щеннымѣ ,
Плодомѣ возликовалѣ вкушенью запрещеннымѣ ;
На шарѣ здѣшнемѣ онѣ отѣ тѣхѣ временѣ жи-
ветѣ ;
Гнѣздилище его и царство цѣлый свѣтѣ.
Онѣ сѣетѣ тамо зло, гдѣ только есть народы ;
Пустыни гдѣ найдетѣ, мутитѣ песчаны воды ;
Дыжаеѣ пламенемѣ изѣ чрева онѣ земли ;
Бросаетѣ въ ярости о камень корабли ;
Вѣ пучинѣ воздуха онѣ скорби разправляетѣ ;
Онѣ движитѣ бурями, и громы составляетѣ ;
Болѣзни, горести, земное каждое зло ,
Изѣ мрачныхѣ чреселѣ его въ сей мѣръ произтекло.

Безбожѣе, во тмѣ бездонну погруженно ,
Лежало будѣ бы перуномѣ пораженно ;
Кометѣ пламенной его подобенѣ видѣ ;
Терзаютѣ грудь его досада, гнѣвѣ и стыдѣ.
Туманны очеса на Іоанна взводитѣ ,
Ожесточается, препещетѣ, въ ярости входитѣ ,
Вѣщаетѣ: Нѣтъ! Москвѣ не дамѣ торжествовать!

Смушу Казань! смушу! адѣ будетъ ликовать!
И страшный пламенникъ рукой дрожащей
емлетъ;
Изъ вѣчной тмы ползетъ, главу свою подѣмлетъ;
Шипящи у него ехидны вокругъ чела,
Изображали страхъ разгнѣваннаго зла;
Куда ни ступишь, все мертвишь ижигаешь;
Въ свирѣпствѣ, въ бѣшенствѣ къ Раздору при-
бѣгаешь:

Чего ты мѣшкаешь? со спономъ вопіешь:
Въ пріятной тишинѣ покоишься весь свѣтъ;
Казань безпечною любовью услаждена,
Иль скоро быть должна Россіей побѣждена,
Или не постыдѣсь невольническихъ узъ,
Съ Москвою рабспвенный содѣлаешь союзъ,
Нашаешь здѣсь покой! Почто, почто косишься?
Стыдись, что знаніе Раздора ты имѣешь;
Смушило бѣ я весь міръ, но дѣло то швое:
Для сихъ великихъ дѣлъ имѣешь бытіе.
Безбожіе Раздоръ къ злодѣйству ополчаетъ,
И пламенникъ ему изъ рукъ своихъ вручаетъ,
Со скрежетомъ сказавъ: Гряди, гряди въ Казань,
И тамо сѣй вражду, мятежъ, измѣну, брань! . . .
Ко поднебесности восточной уклонился,
И пламенной змѣей Раздоръ въ Казань пустился:
Любовью видяшь онъ Сумбекинъ полный взоръ;
Но въ грудь ея взглянувъ, прочелъ на ней при-
шворъ,

Примѣшилъ скрытую у ней на сердцѣ рану,
Къ Алею жадъ одинъ, но всю любовь къ Осману.
Тогда объемля градъ геенскихъ мракомъ крилъ,
Съ Сумбекой на вражду Османа примирилъ.
Любовной спрасію Царица ослѣплена,
Не зрѣла бездны той, въ котору углублена;
И терна межъ цвѣтовъ не чувствуя она,
Склонила злобнаго къ совѣшу Сагруна;
Признаніемъ болѣзнь сердечну облегчила;
Нещастная! она злодѣю мечъ вручила;
Открылась во всей мучительной любви,
Возобновленный жаръ казала во крови;

Но миръ успавленный, прїятный миръ съ
Османомъ,
Еще украсила лукавствомъ и обманомъ;
Повѣдала она предвозвѣщанья шѣ,
Которы ей изрекъ супругъ ея въ мечтѣ,
Что грома страшнаго не будетъ слышно брани,
Доколь Царь Алей не выйдетъ изъ Казани.
Коль мнѣ изгнать его, возкрикнула она,
Мгновенно закипитъ кровавая война;
Когда съ нимъ купно жить, и здѣсь Царя оста-
вить,
Спокойства сладкаго не можно мнѣ возспавить;
Что дѣлать, и къ чему несчастной прибѣжать?
Того люблю, того не смѣю раздражать.

Сагрунъ, который ихъ какъ тартаръ нена-
видѣлъ,
Внимая рѣчи шѣ, вблизи надежду видѣлъ;
Надежду лестную, копора наконецъ
Казанской для него вдали плела вѣнецъ;
Густыми мраками лукавства онъ увился,
Недоумѣющимъ, задумчивымъ явился;
Не показующей измѣны никакой,
Нахмуренно чело дрожащей перъ рукой;
По шомъ какъ будто бы тревожась и робѣя,
Вѣщала: усилила Царица шѣ Алея;
Мы бременемъ его руки угнѣжены;
Кѣмъ съпи для него быть могутъ сплечены?
Я только то скажу, что жалось я имѣю;
Но далѣе вѣщать не долженъ и не смѣю.

Вѣщай, и не страшись, Сумбека вопіетъ;
Ахъ! естли грѣхъ любить, такъ цѣлый грѣ-
шенъ свѣтъ.
Увы, несчастная! но я вѣнца лишуся,
Когда опселя изгнать Алея соглашуся;
Слова пророчески могутъ пренебрегать?
Могу ли навсегда Османа убѣгать?
Сумбека мучилась, Сумбека посковала,
И руки у раба рыдая цѣловала.

Къ толикимъ низосшамъ приводитъ нѣжна
спрасть!

Влекущій по двѣшамъ Сумбеку въ стыдъ, въ на-
пассть,

Сагрунъ вздыхая рекъ : Несчастная ! тобою,
Твоей любовію, и люпою судьбою,
Разпрогалась душа; подамъ тебѣ совѣтъ;
Но можешь быть его почтешь жестокимъ свѣтъ;
Однако гдѣ волна ладью къ скаламъ бросаетъ,
Тамъ каждый плаватель себя отъ волнъ спа-
саетъ.

Ты вѣдаешь, что два столѣтія назадъ,
На мертвомъ черепѣ воздвигнутъ здѣшній градъ,
Но вмѣсто должныя главы Махометанской,
Обманомъ въ землю скрытъ невольникъ Хри-
стіанской;

И здѣсь погребена Россійская глава,
А тѣмъ пророчески нарушены слова,
Которыхъ никогда Сагрунъ не позабудетъ:
Чья будетъ здѣсь глава, того и царство будетъ!
И такъ преидетъ во власть Россіянъ городъ сей,
Коль мы не отвратимъ погибели своей;
Когда пророчества народу не припомнимъ,
И ясныхъ словъ такихъ мы свято не исполнимъ,
Въ вѣщаніяхъ всегда безплодный справедливъ:
Алей во градъ семъ не долженъ быти живъ.
Не мысли, чтобы сей совѣтъ внушала злоба;
Но чаю, твой супругъ не съ тѣмъ возсталъ
изъ гроба,

Чтобъ главный нашего опечесства злодѣй,
Супругу получилъ и проиъ его, Алей;
Не можно склонну быть ему на мысль такую;
Я иначе слова пророчески толкую,
И тако думаю, что впайнѣ думалъ онъ,
Для почной пагубы Алея звать на проиъ,
Алей уйдетъ отсель, а по вѣщаю смѣло;
Но не уйдетъ его изъ стѣнъ Казанскихъ тѣло;
Махометаниномъ развратникъ сей рожденъ,
И долженъ быть на немъ сей городъ утвер-
жденъ,

Невольничью главу его главою замѣнимъ ,
 Себя чрезъ то спасемъ, во благо зло премѣнимъ,
 Его погибелью Казанцовъ оживимъ ,
 Супругу швоему вниманіе явимъ ;
 Но, впрочемъ, на моихъ словахъ не утверждайся,
 Спрадай, крушись, терпи, и браней дожидайся!

Сіе вѣщаль Сагрунъ, имѣвый пусклый взглядъ;
 Свирѣпство отпрыгалъ его устами адъ ;
 Коварства у него, что въ сердцѣ обитали ,
 Невидимую съшь Сумбекъ соплетали ;
 Хошя сслѣплена, хошя была спрашна ,
 Но заразилася свирѣпствомъ и она ,
 И грознымъ каждую рѣчь сопровождая взоромъ ,
 Ко злобѣ двигнуша содѣлалася Раздоромъ ;
 Онъ крылья разпростеръ, къ темницѣ полетѣлъ,
 Нашелъ Османа шамъ, его въ черпогъ привелъ ,
 И шамъ разсудки ихъ лишивъ съ Сумбекой свѣша,
 Соспавилъ почный видъ геенскаго совѣша :
 Тамъ Злоба извлекла окровавленный мечъ ,
 Она клялась народъ къ предательству возжечь ;
 Простительнымъ сей грѣхъ имъ зло изобразило,
 И жало имъ свое, какъ мечъ, въ сердца вонзило;
 Заставила Вражда убійство имъ любить ,
 Тогда условились Алея погубить ,
 Сагрунъ съ веселіемъ безумной волѣ внемлетъ ,
 Народъ возволновать на свой опѣтъ пріемлетъ ;
 Но чая умыслъ свой съ успѣхомъ предначать ,
 Довѣренности въ знакъ взялъ царскую печать.

Вѣщай Сумбекинъ гнѣвъ печальнымъ зво-
 номъ лира :

Въ любви здѣлавшись вторая Деянира ,
 Пришворно пламенна , пришворно спавъ иѣжна ,
 Прислала съ ризою раба къ Царю она ;
 Но твердую щипомъ имѣя добродѣтель ,
 Отъ смерти близкія избавился владѣтель ;
 Въ сіи часы Османъ къ нему съ мечемъ влетѣлъ ,
 И смерти пагубной предать его хошѣлъ ;
 И въ самыя же часы раздоръ въ народъ сѣя ,

Сагрунъ изображалъ измѣнникомъ Адея ;
 Отъ Царскаго двора отгнавъ сумнѣнье прочь ,
 Для возмущенія глубоку избралъ ночь.

Внутри Казанскихъ спѣвъ надъ пинистымъ
 Булакомъ ,
 Висящій холмъ сѣдый есть многихъ лѣтъ
 признакомъ ;

Тамъ дубы гордые разметисто росли ,
 Они верхи свои до облакъ вознесли ,
 И вѣтви по струямъ далеко проспирали ,
 Опрубленну главу подъ корнями скрывали ;
 На сей-то дикій холмъ, ко берегу мутныхъ водъ,
 Въ полночный часъ прійти Сагрунъ склонилъ
 народъ.

Всегда бываетъ чернь къ премѣнамъ ненасытна,
 И легкомысленна она, и любопытна.
 Едва свѣшило дня спустилося въ моря ,
 Погасла въ небесахъ вечерняя заря ,
 И звѣзды отъ страны полнотной возблистали ;
 Казанцы подъ спѣной сбираясь въ груду спали.
 Немолкный шумъ древесъ, блистающа луна ,
 И царствующа вокругъ глухая пишина ,
 Непоспѣжимый страхъ въ сердцахъ производили ;
 Казалось, шѣни вокругъ невидимо ходили ;
 Вдругъ нѣкій бурный вѣтръ по роцѣ зашумѣлъ,
 Сагрунъ держащъ кинжалъ, толпы въ средину
 вшелъ ;

Былъ видѣнъ на лицѣ лишенный духъ покою ;
 Онъ жартѣю держалъ дрожащею рукою ;
 Кровавыми народъ глазами озиралъ ;
 Безмолвствуя , и страхъ и ужасъ онъ вперялъ ;
 Вздохнулъ , и тако рекъ со спонзмъ лицемъ
 нымъ :

Скажите: почто ли пришелъ я къ правовѣрнымъ ?
 Не знаю, говоришь, или еще молчать ?
 Но какъ я утаю Царицыну печать !
 Она вамъ истинну рѣчей моихъ докажетъ ,
 И то, что думаетъ Царица , вамъ расскажетъ ;
 Я токмо есмь ея истолкователь словъ :

Казанцы! громъ съ небесъ ударить въ насъ го-
 шовъ ;
 Вы льститесь, увѣнчавъ Алея , быть въ покоѣ ,
 О ! коль обманчиво спокойствіе такое !
 Подъ видомъ дружества сей врагъ пришелъ въ
 Казань ,
 Дабы въ корысть собравъ съ Махомешановъ дань ,
 Ордынцовъ разорить и давъ утѣхы новы ,
 Казанцевъ заманить въ Московскія оковы ;
 Сей извергъ естества (злокозненный вѣшалъ)
 На васъ кресны взложилъ Россіи обѣщалъ.
 Изображаетъ онъ ужаснымъ Христіанство ,
 Народъ въ спраданіи , во тмѣ Махомешанство ,
 Вельможей въ нищету , Сумбеку во плѣну ,
 И въ рабствѣ горестномъ Казанскую страну ;
 О други! говоритъ, прощайтесь со женами ,
 И дочерей горькими оплачте вы слезами !
 Какъ спрѣлы, тѣ слова вѣщая, онъ кидалъ ,
 Сумбекою свои доводы подтверждалъ. . . .
 Вдругъ ропотъ возмущаетъ, народъ поколебался ;
 Какъ будто бы вода при бурѣ взволновался.
 Движенія придавъ волненію сему ,
 Сагрунъ спеная рекъ собранію всему :
 Хошите ль, братія, опечеству радѣя ,
 Хошите ль изпреблѣть измѣнника Алея ?
 Хошимъ ! вскричалъ народъ. . . . Клянитесь
 мнѣ въ помѣ ;
 Зло должно изтреблять равнообразнымъ зломъ ;
 И естли къ вѣрѣ вы привязаны любовью ,
 Запечатлѣйте вашъ союзъ злодѣйской кровью ;
 Здѣсь Христіанская глава въ землѣ лежишь ,
 Надъ ней присягу намъ устройте надлежитъ ,
 Дабы вѣнчаннаго злодѣя въ градъ вами
 Привыкнувъ поражать неробкими руками ;
 То дѣлайте , что я . . . Онъ въ руки взявъ
 кинжалъ ,
 Который у него еще варварства дрожалъ ,
 Разрылъ всю землю вокругъ : въ ней кости ося-
 заетъ ,
 Влечетъ главу, и мечъ въ чело ея вонзаетъ ;

Но пламень издала разрушася она ,
 И въ ужасъ привела народъ и Сагруна . . .
 Казанцы, варварскій примѣръ въ очахъ имѣя ,
 Разяшъ главу, разить готовяся Алея ;
 Поднявъ кинжалы вверъхъ , клянупся Сагруну ,
 Призвавъ въ свидѣтельство свирѣпства ихъ луну .
 Луна подвиглася вспяшь, когда на нихъ возрѣла ,
 И темной тучею лице свое одѣла ;
 Но въ ярости народъ толико дерзокъ спалъ ,
 Что онъ небесну шму за добрый знакъ счи-
 талъ ,
 Роптанье, буйство, шумъ, проклятія народны ,
 Производили громъ, какъ рѣки многоводны .
 Убійствомъ жаждущій Сагрунъ изпоргнувъ мечъ ,
 Ведетъ Казанску чернь всеобщій бунтъ возжечь ;
 Ругающся они вѣнцемъ и Царскимъ саномъ .
 Но вдругъ встрѣчающся внутри двора съ Осма-
 номъ ,
 Который шествуя , спеналъ , блѣднѣлъ , дро-
 жалъ ,
 И вшедшимъ возвѣстилъ , что Царь Алей бѣ-
 жалъ .
 Земля подъ Сагруномъ тогда поколебалась ;
 Толико спрашной вѣсть преступнику казалась !
 По сердцу у него разпростирался мразъ ,
 И слезы потекли отъ ярости изъ глазъ ,
 Но свѣдавъ, кто сокрылъ отъ звѣрства ихъ Алея ,
 Всю ярость устремилъ и злобу на Гирея ;
 Свой мечъ , кровавый мечъ въ невинну грудь
 вонзиль ,
 Вздохнулъ, и кляпву далъ Гирея поразить . . .
 Лѣнливою ногой къ намъ щасіе приходитъ ,
 На крыльяхъ зло лешитъ , и пагубу наводитъ ;
 Святые олтари разить не рѣдко громъ !
 Спокоенъ шелъ Гирей, избавивъ друга, въ домъ ;
 Благополучнымъ бытъ своею дружбой чаетъ ,
 Грядетъ , и Сагруна съ народомъ онъ встрѣ-
 чаетъ .
 Какъ хищный врагъ летящъ по воздуху шу-
 митъ ,

Сагрунѣ, изсунувъ мечъ, такъ бѣгъ къ нему
 стремишъ;
 И громко возопилъ: Опдай ты намъ Алея!
 Или въ тебѣ почту опечесства злодѣя.
 Но будто страшную увидѣвый змѣю,
 Гирей подвигся вспять внимая рѣчь сѣю;
 Врагами окруженъ и видя мечъ блестящій,
 Мгновенной смертію за дружество грозящій,
 Алея ищетъ, опвѣстствуетъ сѣня:
 Алей не далеко; онъ въ сердцѣ у меня!
 И еспѣли вы узнашъ, гдѣ скрылся онъ, жопите,
 Такъ вскройте грудь мою, и въ ней его ищите;
 Онъ былъ, и нынѣ тушъ! . . . Сѣя свялая
 рѣчь,
 Котораябъ должна потоки слезъ извлечь,
 Подвигла къ люлости сердца сѣи суровы;
 Гирея повлекли, и ввергнули въ оковы.
 Влекомый Сагруномъ сей мужъ на смертну
 казнъ,
 Спокойный видъ имѣлъ, а потъ въ очахъ боязнъ;
 Порокъ всегда унылъ, спокойна добродѣтель!
 Сагрунъ повелѣвалъ народомъ какъ владѣтель,
 И самовластенъ ставъ по злобѣ при дворѣ,
 Назначилъ смертну казнъ Гирею на зарѣ.

Межъ тѣмъ крушенія и безпокойства многи,
 Какъ адъ, наполнили Сумбекины чертоги:
 Тамъ черная печаль разлившия кругомъ,
 Своею ризою покрыла Царскій домъ;
 Сумбеку и любовь и совѣсть угрызаеъ,
 Надежда веселишъ, опчаянѣе терзаеъ,
 Любовь утѣхи ей, невѣрность спрахъ сулишъ;
 Алея въ мирповыхъ садахъ искашъ велишъ.
 Сѣшми еленица какъ будто устращенна,
 Бѣжитъ по комнатамъ спокойствія лишенна.
 Алея въ комнатахъ, въ садахъ Алея нѣшъ;
 Стеняща, Сагруна коварнаго кланеъ.
 Не нѣжность кланвы тѣ, не жалость извлекала,
 Пророчества спрашасъ, утешаго искала;
 И токи слезъ ея единый былъ обманъ;

Ей нуженъ не Алей, но нуженъ ей Османъ :
 Казалось, въ одномъ другова погубила
 И паче, нежелъ честь, порокъ она любила ;
 Гирея плѣннаго изпязывать велипѣ ;
 Ему сокровища за искренность сулитъ.
 Но сей примѣрный другъ, какъ нѣкій твердый
 камень ,
 Пренебрегающій валы и молній пламень ,
 Въ бездонной глубинѣ недвижимо стоитъ ,
 Внося чело свое, на громъ спокойно зритъ.
 Безсильна искусить честнаго человека ,
 Съ Гирея снявъ главу дозволила Сумбека.
 Приворство, хитрости, лукавство и боязнь ,
 Гирею скорую приговаряли казнь.

Уже небесное горящее свѣтило
 Ордынскія поля и горы озлапило ;
 Но будто бы Казань гнуса была ему ,
 Взирая на нее, скрываетъ лучъ во шму ;
 Несчастье ли оно Казанцамъ предвѣщало ,
 Или свое лице смѣ зла ихъ оповращало ;
 Но солнце чрезъ Казань подобно такъ стекло ,
 Какъ будто зрѣлося сквозь темное стекло.
 Погасъ небесный огонь, но не угасла злоба ;
 Невинность повлекла она ко дверямъ гроба ;
 Подобенъ многому сліянью шумныхъ водъ ,
 Тѣснится спекшійся по улицамъ народъ.
 За добродѣтели на смерть безчеловѣчну ,
 Изъ временной идепъ Гирей въ темницу вѣчну :
 У ногъ препещущихъ сѣкиру смертну зритъ ;
 Се жребій твой. Сагунъ Гирею говоритъ ,
 Въ услугахъ ты своихъ Алею спалъ безплоденъ ,
 Яви ты намъ его, и будешь ты свободенъ.
 Похвально дружество; но ежели мы имъ
 Наносимъ общій вредъ, мы дружбою грѣшимъ! . . .
 Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?
 Не посрамляй, злодѣй! ты имени святаго ;
 Небесна дружества извѣстна тѣмъ степень ,
 Кто совѣстнѣю чистъ какъ солнце въ ясный день ;
 А ты, носящій ядъ и хитрость во утробѣ ,

Какъ ноющую кость, и шму во жладномъ гробѣ,
Учися твердоспи, злодѣй! у чувствѣ моихъ ;
И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ ;
Оно безцѣнный всѣхъ богатствъ земнаго круга ;
Пріятна съ другомъ жизнь, и смерть сладка
за друга ;

О мой любезный Царь! о часть моей души!
Спокоенъ будь Алей, отъ сихъ убійцъ спѣши ;
Гдѣ ты ни спранствуешь, въ лѣсахъ, въ вер-
тепахъ, въ морѣ,
Мой духъ, безплотный духъ, тебя обращаетъ
вскорѣ ;

Заставитъ онъ узнать по нѣжностямъ себя,
Доженъ и спрячется онъ въ сердце у тебя.
А вы, несчастные вельможи и граждане!
Рыдаю, видя васъ во пагубномъ обманѣ ;
Прощаетъ васъ моя ко ближнему любовь ;
Но, ахъ! невинная опмстился вскорѣ кровь :
Сагрунъ! . . . се смерть тебя крилами осѣ-
няетъ! . . .

Вѣщая то, главу подъ острый мечъ склоняетъ.

Сагрунъ умножитъ зла, а спражи умень-
шитъ ;

Уже посвѣлвалъ скорѣ казнь свершитъ.
Се мечъ уже сверкнулъ! но вдругъ какъ вихрь
шумящій,
Народъ разсѣялся отъ казни прочь бѣжащій ;
Тамъ лица блѣдныя, тамъ прелесть, тамо сипонъ ;
И се является ужасный Аспалонъ!
Какъ будто зданіе грозящее паденьемъ,
Иль нѣкимъ темна ночь грозяща привидѣньемъ:
Такъ рыцарь сей народъ по стогнамъ рассыпалъ;
Гремящъ оружіемъ, передъ Гиреемъ сталъ.

Подобно какъ главу увидящій Медузы,
Или почувствуя на членахъ тяжки узы,
Свершителъ казни мечъ жста въ рукахъ имѣлъ,
Недвижимъ сдѣлался отъ страха, снѣмѣлъ.

Спокойно Аспалонъ безвинной казни внемлетъ,
Онъ узы пѣжки рветъ, Гирея онъ объемлетъ,
Вскричавъ: О дружеской сокровище любви!
Не бойся никого; живи Гирей! живи!
Тониседамъ твоимъ во градъ смерть готова!
Почто не я имѣлъ наперсника такова?

Межъ тѣмъ Сагрунъ уже во Царскій дворъ
вбѣжалъ,
Царицѣ рыцаря врагомъ изображалъ.
Лукавство никогда во злыхъ не умираетъ,
Изгнать соперника Османа поощряетъ.
Увѣренъ дерзости о едѣствіяхъ худыхъ,
Скрываетъ горькій ядъ сей змѣй въ рѣчахъ своихъ:
Теперь, онъ говоритъ, коль храбрымъ ты
явишься,
Казанцовъ устразишь, на тронъ укрѣпишься,
Народную молву и наглость усмиришь;
Единымъ словомъ ты Срдынцовъ покоришь,
И непрепятственно облекшись во порфиру,
Царицу прочь отгнавъ, на тронъ взведешь Эмиру.
Обнявъ Османа онъ, слова сѣи речетъ,
И силою его на торжище влечетъ.
Сумбека на него изъ перема взираетъ,
Дрожащи руки въ слѣдъ Осману простираетъ;
Поспой, Османъ! поспой! рыдая вопіетъ . . .
Любовь его къ себѣ, а рокъ отъ ней влечетъ.

Сей Князь, развратный Князь, любовникъ
малодушный,
Не дѣйствамъ разума, но слабостямъ послушный,
И нѣжности однѣ имѣющъ во умѣ,
Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во тмѣ;
Къ Эмиру обративъ желанье и ко трону,
Дрожащею стопой приходитъ къ Аспалону.
Онъ прижды блѣдныя уста отверзъ хотѣлъ,
Но прижды во устахъ языкъ его жадѣлъ,
И будто на змѣю спупивый спранникъ въ полѣ,
Сказалъ, не жабросью, но страхомъ двигнутъ
болѣ :

Кто звалъ тебя сюда вражда, или прїязнь?
 Коль другъ ты намъ, такъ дай свершить намъ
 смертну казнь;

Мы общаго врага въ Гирей наказуемъ,
 Но дружествомъ тебѣ весь городъ обязуемъ.
 Какъ будто гордый кедръ вершиной съ высоты,
 Является взиравъ на слабые цвѣты:
 Такъ взоры Аспалонъ на юношу низводитъ,
 Съ презрѣніемъ къ нему, со скрежетомъ под-
 ходитъ;

Но ты кто? онъ вѣщалъ какъ трубъ гремящихъ
 звукъ.

Османъ отвѣпствовалъ: Царицынъ я супругъ!
 Тогда вступила кровь ко Аспалону въ очи;
 Онъ вкупѣ все свой собравъ тѣлесны мочи,
 Османа сильною рукой за грудь схватилъ,
 И прижды, какъ перо, вокругъ шлема обратилъ,
 Тряхнулъ и возопилъ: Се мзда ея измѣны!
 И на Казанскія Османа вергнулъ стѣны;
 Разсѣлася глава, по камнямъ мозгъ пошкѣ.
 Взирая, Аспалонъ, на спраждающаго, рекъ:
 Вотъ твой вѣнецъ и тронъ! и въ злобѣ много-
 плодной

Онъ палицу свою повергъ къ полпѣ народной;
 Окаменѣвшему онъ такъ ему вѣщалъ:
 Я смертію казнить измѣну обѣщавъ!
 Теперь исполнилъ то: Скажите вы Сумбекъ,
 Чтобы не плакала о слабомъ человекъ;
 Во градъ сей не принесъ прїяпныхъ взоровъ я;
 Но тронъ ея спасу рука и спрасъ моя;
 Однако я себя предъ нею не унижу;
 Я жипрости ея и все коварства вижу;
 За то, что пренебречь меня она могла,
 Хочу, чтобы теперь ко мнѣ въ шатеръ пришла;
 Я стану на лугахъ за градскими стѣнами,
 И упрямъ жду ея съ Ордынскими Чинами;
 Я тамо сердце съ ней на вѣки обручу;
 Исполните сіе . . . велю! и такъ хочу!
 А ежели она еще не покорится,
 Полетѣтъ ваша кровь, сей городъ разорится;

Не нужно будетъ вамъ Россiянъ ожидать,
 Одинъ дерзну огню и смерти васъ предать.
 Безстрашенъ на коня, вѣщая то, сѣдился,
 Щитомъ хребетъ покрывъ, за сѣны удалился;
 Не вѣдалъ въ тѣ часы несчастный Асталонъ,
 Что съ палицей своей и жизнь теряетъ онъ.
 Гирея заключивъ во мрачную темницу,
 Сагрунъ спѣшилъ разить перунами Царицу . . .
 Въ какомъ опчаянѣ находилъ онъ ее?
 Уже плачевна вѣсть достигла до нее:
 Вѣщая, будто бы Царицѣ ослѣпленной
 Явился сквозь туманъ Османъ окровавленной;
 Струей изъ ранъ его кровь черная лилась,
 На сердцѣ, на челѣ, руцями запеклась;
 Трепещущей онъ рекъ: Погибъ я Асталомъ!
 Преобразился въ дымъ, и вдругъ исчезъ со сто-
 номъ.
 Какъ вѣтвь оппорженна ударомъ громовымъ,
 Сумбека зрѣлицемъ была сраженна симъ.
 Сагрунъ со шепетомъ къ одру ея приходилъ,
 И на безпамятну веселый взоръ возводилъ.
 Такъ смотритъ радостно на горлицу сирѣлокъ,
 Пронзенну въ облакахъ, шепещущу у ногъ.
 Есть нѣкій звѣрскій духъ у злаго человека.
 Когобъ не пронула несчастная Сумбека?
 Какъ розы сорванной увядшiя красы,
 Полуумершiй взоръ, разтрепанныя власы,
 Подъемающаяся грудь, тяжелое вздыханье,
 Являють спраждущу при самомъ издыханѣ;
 Уже отъ глазъ ея небесный крылся свѣтъ;
 Но ей Сагрунъ еще готовилъ злый совѣтъ;
 Онъ рекъ: И такъ ты жизнь кончаешь безъ оп-
 мѣнья,
 Сего послѣдняго несчастнымъ утѣшенья?
 Оставь поску и спонъ, Царица! укрѣпись,
 За смерть Османову къ возмездію склонись;
 Се тѣнь его стоилъ въ крови передъ побѣю!
 Симъ словомъ злый Сагрунъ, какъ громкою трѣ-
 лищенну памяти Царицу возбудилъ; (бою,
 Совѣты ей свои и спражи подтвердилъ . . .

Открывъ печальный вѣзръ, Сумбека замолчала ;
 Но силы вѣдрукъ собравъ, перзая грудь вскричала:
 Ахъ! нужно ли мнѣ то, что рушится Казань,
 Когда ужасна смерть взяла Османа въ дань!
 Мнѣ нѣтъ пристанища теперь въ противномъ
 свѣтѣ ;
 Сагрукъ! ты ядъ скрывалъ въ неискренномъ со-
 вѣтѣ ;

Да будутъ прокляты минувшы и мѣсна ,
 Гдѣ въ первый разъ пивои отверзлися уста ,
 Отверзлися моей души ко погубленью ;
 Почто давалъ ты видъ пріятный пресупленью?
 Измѣнницей бы я Алею не была ,
 И въ сладкой тишинѣ спокойны дни вела ;
 Теперь пресполъ, и честь, и славу я теряю ;
 Уже Османа нѣтъ! . . . Почто не умираю!
 Вѣщая тѣ слова, изпоргнула кинжалъ ;
 Но вѣдрукъ Сумбекинъ сынъ въ черпогъ ея вбѣжалъ,
 Сей отрокъ плачущій, ея познавый муки,
 Бросается къ ногамъ, ея цѣлуе руки ;
 Припалъ на грудь ея, рѣкою слезы льетъ ;
 Увы! не умирай! рыдая вопіетъ ;
 Не оставляй меня несчастнымъ сиротою! . . .
 Сумбека пронудась невинностію шюю ;
 Ей кажется въ лицѣ сыновнемъ Сафгирей ;
 Последня зрится вѣтвь Казанскихъ въ немъ Царей ;
 И сердце у нее разпорглося на части ,
 Возопіяла кровь, умолкли вредны спрашши ;
 Кинжала удержавъ руками не могла ,
 Просперла ихъ спеня, и сына обняла ;
 Ланины покомъ слезъ смоченны лобызала ;
 Живи, мой сынъ, живи! и мсти врагу! сказала ;
 Рѣчей не докончавъ, безмолвна и блѣдна ,
 Поверглась на одръ безпамятна она . . .
 Младенецъ онѣмѣлъ. Сагрукъ свирѣпый льститъся ;
 Что жизнь Сумбекъ вновь уже не возвратится ;
 Онъ помыслы свои вѣнчанными считалъ ,
 И паче ярошенъ, и дерзновененъ сталъ ;
 Ко предстоящимъ рекъ, которыхъ грусть пер-
 зала :

Вы слышали, что намъ Сумбека приказала ;
 Она велѣла мстить злодѣямъ и врагамъ ,
 Услугу я мою явлю и ей, и вамъ ;
 Погибнетъ Асталонъ ! . . . Отторгся съ гроз-
 нымъ словомъ ,
 Смятеніе нося въ лицѣ своемъ суровомъ .
 Гдѣ палицу свою оставилъ Асталонъ ,
 Пришелъ на торжище, къ толпѣ народа онъ .
 Сіе оружіе имъ ужасъ наводило ,
 Почтеніе и страхъ въ сердцахъ производило ;
 Взирая на него, какъ будто на перунъ ,
 У робкой черни страхъ отнять хотѣлъ Сагрунъ ;
 О други ! онъ вскричалъ , отъ бѣдства градъ
 избавимъ ;
 У Асталона силъ въ сей палицѣ убавимъ ,
 И намъ грозящую судьбину устранимъ ;
 Тогда отмстимъ за плачъ Сумбекинъ поспѣшимъ ;
 Она отъ ужаса и скорби умираетъ .
 Съ симъ словомъ палицу чеканомъ ударяетъ ;
 Народъ ее разитъ, взирая на сіе :
 Незапно страшный громъ ударилъ изъ нее .

Увидя палицу огнями сокрушенну ,
 Къ свирѣпству обратилъ онъ душу развра-
 щенну
 Се первый нашъ успѣхъ ! Казанцамъ возопилъ ,
 О ! естлибъ сей рукой я варвара убилъ !
 Коль видѣшь плѣнницей Царицу не жопите ,
 Друзья ! и за себя, и за нея отмстите ;
 Въ шатръ своемъ лежишь свирѣпый Асталонъ ,
 И члены у него во узахъ держишь сонъ ;
 Сумбекъ, городу, опечесству радѣя ,
 Пойдемъ, и умертвимъ щеславнаго злодѣя !
 За стѣны градскія, вѣщая то, грядетъ ,
 Онъ двадцать воиновъ съ собой въ ночи ведетъ .
 Тогда небесный сводъ звѣздами украшался ,
 Сагрунъ уже къ шатру съ дружиной прибли-
 жался .
 Ко стану древнему, гдѣ спалъ несчастный Ризъ ,
 Подобно шествовалъ во тмѣ nocturnой Улиссъ .

Казалось, Сагрунъ свой ликъ преображаетъ,
 Поникнувъ, во правъ на чрево упадетъ,
 Какъ хищная змѣя, землею онъ ползетъ;
 Но сердце у него и страхъ и злость грызетъ.
 Онъ входитъ, и грядетъ къ одру стопой дро-
 жущей,
 На коемъ возлежалъ безпечно рыцарь спящей,
 Сагрунъ успѣхами злодѣйскій дужъ маня,
 Чеканомъ поразишь хотѣлъ сперва коня,
 Дабы послѣднихъ средствъ герою не оставишь,
 Коль бѣгствомъ онъ себя подумаетъ избавишь;
 Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
 Броздами загремѣлъ спроптивый конь, заржалъ.
 Мгновенно Аспалонъ, какъ аспидъ, пробудился;
 Вскочилъ, заскрежесалъ, за острый мечъ схва-
 тился;
 Но мечъ его Сагрунъ уже въ рукахъ имѣлъ;
 Смущился Аспалонъ, и на коня взлѣпѣлъ;
 Бронями зашумѣлъ, какъ въпѣвистое древо.
 Сагрунъ разя его, коня ударилъ въ чрево,
 Кошорый бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
 Но рыцарь за власы противника схватилъ,
 И буйнаго коня сдержать не въ силахъ болѣ,
 Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле.
 Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгъ былъ:
 Крушился, ржалъ, пыжпѣлъ, ногами воздухъ
 билъ;
 И се въ полночный часъ недремлющая злоба,
 Въ лицѣ Османовомъ восставъ изъ жладна гроба,
 Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагу шекла,
 И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала:
 Пріявъ ихъ всѣхъ на дно, Казанка зашумѣла.
 Такой конецъ вражда и наглость возымѣла!

Казанцы грознымъ то предвѣстіемъ почли.
 Въ то время въ градъ Послы Россійскіе пришли,
 Нежистрыя слова народу предлагали;
 Лукавствомъ въ оный вѣкъ еще пренебрегали!
 Равняя съ бурными спокойства тихи дни,
 Казанцамъ вѣчный миръ представили они.

Отъ мира мы не прочь, Казанцы отвѣчали;
 Виновны, что по днесь о мирѣ мы молчали;
 Но просимъ у Царя для почной мысли сей,
 Не года, мѣсяца, но прѣжъ мы просимъ дней.
 Узнавъ, что ихъ Князья Россіи покорились,
 Тѣ волки агнцами на время притворились;
 Но мира, иль войны понудимы желятъ,
 Условились къ Царю Сумбеку въ плѣнъ послатъ;
 Всю винность на нее и злобу обратили:
 Пронырствомъ шаковымъ ядъ черный позладили;
 Смиренья видъ придавъ недружескимъ дѣламъ,
 Отвѣтъ свой принесли на шрѣшій день Посламъ,
 Лишенны совѣсти, они клянущся Богомъ,
 Что вѣрности къ Царю, Царицу шлютъ залогомъ,
 И даниками быть Россіянамъ хошятъ.

Но, ажъ! какія мнѣ то Музы возвѣсхятъ,
 Какой былъ стонъ, тоска, коликое рыданье,
 Когда услышала Сумбека о изгнаньѣ?
 Печаль ея вѣщятъ мнѣ силъ недостаетъ;
 Помедлимъ! . . . я спешю . . . перо изъ рукъ
 падетъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

О Нимфы красныя лѣсовъ и рощей злачныхъ!
Наяды во струяхъ живущія прозрачныхъ!
Оставьте водный токъ, оставьте вы лѣса,
И дайте ваши мнѣ услышать голоса:
Украшайте пѣснь мою, и лиру мнѣ настройте,
Любезну тишину кругомъ Казани пойте.
Уже въ поляхъ у васъ кровавыхъ браней нѣтъ;
Гдѣ прежде кровь лилась, тамъ малый Тибръ
течетъ;
Парнасскіе цвѣты, какъ благовонны кринны,
Цвѣшутъ подъ сѣнью щедротъ ЕКАТЕРИНЫ;
Ликуютъ жители во щастливой странѣ,
Въ прохладномъ житіи, въ безбѣдной тишинѣ.
Недавный грозный рокъ вы, Нимфы, позабудьте,
Вкушая сладкій миръ, благополучны будьте;
Съ моей свирѣлю жонку приспайте я къ вамъ,
Придайте вы моимъ пріятности стихамъ.
Вы зрѣли шествіе прекрасныя Сумбеки,
Когда ее изъ египта несли къ Свѣяжску рѣки;
Вы видѣли тогда страданіе ее;
Вложите плачь и стонъ въ сказаніе мое,
Дабы Царицы сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдница, спражи, брань умѣлъ вѣщать
донынѣ;
Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталъ,
Недовершенный прудъ моимъ друзьямъ чисталъ;
О! естли истинну друзья мои вѣщали,
Мои составлены ихъ пѣсни возжищали;
И Музъ любилели у Невскихъ береговъ,
Сихъ часто слушали внимательно стиховъ.
Придайте Нимфы мнѣ цвѣтовъ и силы нынѣ.

Да будетъ пѣснь моя слышна ЕКАТЕРИНѢ ;
 Цвѣтущій предъ Ея престоломъ яко кринъ ,
 Да внемлетъ пѣнію Ея любезный Сынъ ,
 О праотцѣ швоемъ, Великій Князь! вѣщаю ,
 Военную трубу Тебѣ я посвящаю ;
 Геройскія дѣла поютъ стихи мои ,
 Да будутъ нѣкогда воспѣшы и швои.

Еще печальна ночь Сумбеку окружала ,
 Еще рыдающа въ одрѣ она лежала ,
 Когда доспигла къ ней не сладостная лестъ ,
 Но слухъ разящая изгнаньемъ вѣчнымъ вѣсть ;
 Въ лицѣ пріятный цвѣтъ , въ очахъ тускнѣетъ
 пламень ,
 И сердце у нее преобразилось въ камень.
 Какъ плѣнникъ, внемлющій о смерти приговоръ ,
 Сомкнула спраждуща полуумершій взоръ ;
 Однимъ сненаніемъ пришедшимъ отвѣчала ,
 Лишенная плотскихъ чувствъ душа ея молчала ;
 Въ устахъ языкъ хладѣлъ , въ груди спирался
 стхъ ;
 Сумбеку наконецъ крилами обнялъ сонъ ,
 И мысли усыпивъ , поску ея убавилъ ;
 Тогда въ мечтаніи ей Ангела представилъ ,
 Который ризою небесною блисталъ ;
 Держащъ лилейну вѣшъвъ , Царицъ онъ пред-
 спалъ ,
 И съ кротостію рекъ: О чемъ, о чемъ спонаешь?
 Взгляни, несчастная! и ты меня узнаешь ;
 Я руку у тебя въ то время удержалъ ,
 Когда вносила ты на грудь свою кинжалъ ;
 Я посланъ былъ къ гробамъ всеильную судьбою ,
 Когда супругъ въ ноши бесѣдовалъ съ любовою ;
 Что сердце ты должна отъ страсти спвра-
 щать ,
 Я тѣни спраждущей велѣлъ сіе вѣщать ;
 Но ты любовію швой разумъ ослѣпила ,
 Совѣшы данные и клятву преслупила ,
 И бѣдства на тебя рѣкою потекли ;
 Въ пучину бурную отъ брега отвлekli.

Однако не крушись, печальная Сумбека :
 Богъ смерти грѣшнаго не жошетъ человѣка ;
 Послѣдуй здраваго сїянїю ума.
 Сей городъ мрачная покроетъ вскорѣ шма ,
 Взгляни ты на Казань ! . . . На градъ она
 взглянула ,
 И зря его въ крови, смутилась, воздохнула ;
 Узрѣла падшую огромность градскихъ спѣнъ ,
 Рыдающихъ дѣвицъ, влекомыхъ юношъ въ плѣнъ ;
 Зришь старцевъ плачущихъ , во грудь себя ра-
 зящихъ ,
 Оковы тяжкія Казанцовъ зришь носящихъ . . .
 Се рокъ швоей страны ! небесный Ангелъ рекъ ;
 Наспанешъ по златомъ Ордамъ желѣзный вѣкъ ;
 Тебя въ Свїяжскѣ ждетъ прїятная судьбина ,
 Гряди, и не забудь Гирея взять и сына ,
 Гряди ! . . . И возсїявъ какъ свѣтлая заря ,
 На небо возлетѣлъ по слово говоря,
 Видѣнье скрылося. Сумбека пробудилась ,
 Мечтой подкрѣплена, въ надеждѣ утвердилась ;
 Невѣста будто бы ликующа въ вѣнцѣ ,
 Имѣла радости сїанїе въ лицѣ ;
 Величественный видъ изгнанница имѣла ,
 И къ шесствїю ладѣи гошовишь повелѣла.
 О коль поспѣшно былъ исполненъ сей приказъ !
 Но какъ смутилась ты, Сумбека, въ оный часъ ?
 Какою горестью душа швоя разилась ,
 Когда судьба швоя тебѣ изобразилась ?
 Когда взглянула ты ко берегу шумныхъ водъ ,
 Гдѣ вкругъ швоихъ судовъ спѣсняется народъ ?
 Повинна слѣдовать Небесъ опредѣленью ,
 Сумбека власъ дала надъ сердцемъ умиленью ;
 Взглянула на престолъ, на домъ, на верто-
 градъ ,
 И смутнымъ облакомъ ея покрылся взглядъ ;
 Всѣ кажутся мѣста уже осиротѣли ,
 Но прежни прелести спѣ нихъ не оплелѣли.
 Тогда, спѣ видовъ сихъ не опѣмая глазъ ,
 Рекла: И такъ должна я въ вѣкъ оставишь васъ !
 И вѣчно васъ мои уже не узрятъ взоры ?

Любезный градъ! прости, простите стѣны,
горы! . . .

Объемлетъ во слезахъ всѣ вещи, всѣ мѣста;
Примкнула ко стѣнамъ дрожащія уста;
Прости, Казань, прости! Сумбека возопила,
И томинымъ шесшвѣемъ въ другой чертогъ всту-
пила.

Лишь только довлеклась она злapyхъ дверей,
Изъ мѣди изваянъ гдѣ видѣнъ Сафгирей;
Взоръ кинувъ на него она запрепешала,
Простерла длани вверхъ и на колѣни спала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рокъ,
Въ очахъ супруговыхъ ей зрится слезный токъ;
Терзая грудь рекла: Супругъ великодушный!
О мнѣ несчастнѣйшей ты плачешь и бездушный!
Ты чувствуешь, что я въ позорный плѣнъ иду;
Ты видишь токи слезъ, мою тоску, бѣду;
Въ послѣдній разъ, мой Царь! стопы твои
объемлю,

Въ послѣдній, гдѣ ты скрытъ, сію цѣлую землю;
Не буду въ ней лежать съ тобою, мой су-
пругъ! . . .

Лозбая испуканъ, запрепешала вдругъ.
Какъ будто ночь ее крилами окружала,
Въ объятіяхъ она бездушный ликъ держала.
Въщающъ, будто бы внимая плачу онъ,
Иль мѣдъ звѣнящая произносила стонъ.
Но свѣтомъ нѣкакимъ незапно озаренна,
Отпорглась отъ Царя Сумбека ободренна;
Вънецъ и прснъ! рекла, уже вы не мои!
Бѣги, любезный сынъ! въ объятія сіи;
Отъ многихъ мнѣ богатствъ, мнѣ ты одинъ
остался,

Почто, несчастный сынъ, надеждой ты питался,
Что будешь нѣкогда престоломъ обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать;
О Князи сей страны и знамениты мужи!
Простите, спали мнѣ въ опечествѣ вы чужи;
Вы мнѣ враги теперь! Россіяне друзья;
Тирея одного прошу въ награду я;

Въ моемъ злѣшасѣи мнѣ онѣ остался вѣренъ ,
Онѣ мало читилъ меня но былъ нелѣцемѣренъ !
Ахъ! естѣли естѣ еще чувствительны сердца ,
Послѣдуйте за мной, хотя я безъ вѣнца.

Какъ дщери, видя мать спѣ свѣта спѣходящу,
Уже безчувственну въ одрѣ ея лежащу ,
Рабыни возрыдавъ, произносили спонъ ,
Возкрикнувъ : Чуждѣ и намъ Казанскій нынѣ
пронъ !

Послѣдуемъ тебѣ въ неволю и въ темницу ;
Въ тебѣ мы признаемъ въ изгнаніи Царицу.

Сумбека снявъ вѣнецъ съ пошупленной главы,
И зря на испуканъ, рекла: Мой Царь ! увы !
Не долго будешь ты въ семъ ликѣ почитаться,
Спокоенъ и въ мѣди не можешь ты останься ;
Ты узришь городъ весь горящій вокругъ себя ;
На части разбѣютъ безгласнаго тебѣ ;
И тѣнь твоя кругомъ лѣшая въ сокрушенъ ,
Попраннымъ Царскѣ увидишь украшенъ ;
Попраннымъ узришь ты сей домъ и сей вѣнецъ ,
И кровь текущую рѣками наконецъ ;
Гробницы праотцевъ граждане позабудутъ ,
Мои гонители меня несчастнѣй будутъ !
Опустошится градъ ! Сумбека вопіетъ ;
Терзающа власы , руками грудь бѣетъ .
Когда рыдающа изъ храминъ выступала ,
Въ объятія она къ невольницамъ упала ;
Какъ Пифіа она казалася тогда ,
Трепещетъ , и грядетъ съ младенцемъ на суда.

Коль басня истины не помрачаетъ вида ,
Такъ шествуетъ въ моряхъ торжественно Фе-
тида ;
Съ весельемъ влажныя простра жребны свои ,
Играющъ вокругъ нее прозрачныя струи ;
Топованъ сребряны стези своей Царицѣ ,
Сѣдящей съ скипетромъ въ жемчужной колесницѣ ;
Трипоны трубящъ вокругъ въ извилины рога ,

Ихъ гласы звучные пріемлютъ берега ;
 И погруженные во рвахъ съдья пѣны ,
 Поютъ съ цѣвницами прекрасныя Сирены ;
 Тамъ старый видится въ срединѣ Нимфъ Нерей,
 Вождями правящій багинныхъ коней ;
 Главы ея покровъ Зефиры развѣваютъ ,
 И въ воздухъ ароматы крилами изливаютъ .

Такое зрѣлище на Волгѣ въ мысляхъ зрю ,
 Сумбеку вобразивъ плывущую къ Царю .
 Со стономъ пѣніе повсюду раздавалось ;
 Гордилася рѣка, и солнце любовалось ;
 Злапыми шканями покрывша суда ;
 Изображала тамъ во глубинѣ вода ;
 Рабыни пѣснями Сумбеку утѣшаютъ ,
 Но горести ея души не уменьшаютъ .
 Тогда увидѣла она сквозь токи слезъ ,
 Увидѣла вдали почтенный оный лѣсъ ,
 Гдѣ сердце нѣкогда Алеево пронзила ;
 Его любовь , свою невѣрность вобразила ;
 Въ смятеніе пришли душа ея и кровь ;
 И зришь по воздуху лешающую Любовь ,
 Котора пламенникъ пылающій имѣя ,
 Пеняетъ и грозитъ Сумбекъ за Алея ,
 Кипридинъ сынъ во грудь ей искру уронилъ ,
 И спраситъ къ Алею въ ней мгновенно вспла-
 менилъ .

Сумбека чувствуетъ смущеній нѣжныхъ свойство ;
 Не вождельнное и сладкое спокойство ,
 Но шѣнь одну утѣхъ, спокойства нѣкій родъ ,
 Тронувшій какъ зефиръ крыломъ поверхность
 водъ .

Сумбеку стыдъ смутилъ , рассудокъ подкрѣ-
 пляетъ ,
 Надежда веселитъ и горестъ утѣляетъ .

Межъ шѣмъ Россійскій Царь , осматривая
 градъ ,
 Услышалъ пѣніе, простеръ по Волгѣ взглядъ ;
 Не постигаетъ онъ, чей гласъ несутъ зефиры ,

Который слышится пріятный нѣжной лиры ;
 Но Царскіе Послы, ходившіе въ Казань ,
 Принесшіе къ Царю вѣтвь масличну, не брань,
 Ошвѣтомъ ихъ вельможъ Россіянъ восхищающъ,
 И шествіе Царю Сумбекино вѣщающъ.
 Царь выгоднымъ себѣ признакомъ то почелъ ,
 Сумбекъ радостенъ во срѣшеніе шелъ ;
 Подъ градомъ зрѣтъ ладьи, у берега пѣсни внем-
 лепъ ,
 И съ полнымъ торжествомъ Царицу онъ пріем-
 лепъ.

Подобную грудь имѣвъ колеблемымъ волнамъ,
 Сумбека къ нѣжескимъ не падаетъ спомамъ ;
 Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь болѣ ?
 Казань ты побѣдилъ, коль я въ швоей неволѣ ;
 Смощри, о Государь! вѣнца на суещу ,
 И щастіе почитай за щещетную мечшу !
 Я узница твоя, но я была Царица :
 Всему начало естъ, середина, и граница ;
 Когда мнѣ славиться не лзя уже ни чѣмъ ,
 Нещастіе мое почти въ лицѣ моемъ ;
 Признайся я должна: какъ трономъ я владѣла,
 О пагубѣ швоей и день и ноць радѣла ;
 Я съ воинствомъ себя жопѣла изпребити ;
 Но можешь ли и ты враговъ швоихъ любить ?
 Враговъ, которые оружіе подѣмлющъ ,
 И царство у тебя , и швой покой опѣмлющъ ?
 Чпо сдѣлать хочешь ты, то дѣлала и я ;
 И естли я винна, сваша вина моя ;
 Но, ахъ! за то, что я отечество любила ,
 Свободу, щастіе и скипетръ погубила.
 О! для чего не швой побѣдоносный мечъ ,
 Судьбы моей спѣшилъ златую нить пресѣчь ?
 Утрашилабъ мое со трономъ я спокойство ,
 Но побѣдителемъ мнѣ было бы геройство ;
 Вдовицѣ плачущей вниманіе яви ,
 Съ нещашнымъ сиротой меня усынови ;
 Въ Казань не имѣвъ ни дружества, ни шрону ,
 Все я хочу забыть, и даже до закону ;

На погруженную сумнѣнія въ ночи,
Вели, о Царь! простерть крещенія лучи.

Царь въ сердцѣ ощутилъ, ея пронзенный
стономъ,
Любовь ко ближнему, предписанну закономъ;
Обнявъ ее вѣщалъ: не врагъ несчастнымъ я;
Твой сынъ сынъ будетъ мой, ты будь сестра
моя.

Любовь, которая на небѣ обитаетъ,
На шаръ земный въ сей часъ мгновенно низле-
Сяе пріятное вселенной божество, (таеиъ;
Которое живишь и красишь естество,
Злапыми въ воздухѣ носимое крылами,
Двумя свой крѣпкій лукъ направило стрѣлами;
И предназначенны для брачнаго вѣнца,
Пронзило ими вдругъ погасшія сердца.
Какъ нѣжная весна ихъ спрассъ возобновилась;
Любовь изъ воздуха въ ихъ души преселилась;
Алей готовился невѣрность позабыть;
Сумбека искренно готовилась любить.

Какъ солнце съ высоты на шаръ земный
взираетъ,
И въ небѣ царствуя все вещи озаряетъ;
Такъ взоръ, Сумбекинъ взоръ, хотя къ Царю
сіялъ,
Но онъ Алея жегъ, который близъ стоялъ.
Сей мужъ пропавъ нее колько былъ ни злобенъ,
Сталъ воску мягкому въ сѣи часы подобенъ;
Суровый сей Капонъ есть нѣжный Ипполитъ;
Прости меня! прости! вѣщалъ Сумбекинъ видъ.
Душа Алеева всю нѣжность ощутила,
Какъ томный взоръ къ нему Сумбека обратила.
Монархъ помящимся ихъ чувствамъ сострадалъ;
Любовь Алееву къ Сумбекъ оправдалъ;
И рекъ: распроилъ васъ законъ Мажометанскій,
Теперь да сѣдинишь на вѣки Христіянскій;
Злопамятнымъ Царевъ не долженъ быти другъ;
Ты былъ любовникъ ей, и буди ей супругъ!

Мятежная Казань которыхъ разлучаетъ,
Хочу, да тѣ сердца Россія увѣнчаетъ.

Алей на то сказалъ: примѣры, Царь! твои
Обезоружили суровосши мои;
Но я униженъ былъ позорною любовью;
Мнѣ время оправдать сердечну слабоспъ кровью;
Прости, что предпочту супружеству войну;
Я щаспливъ не совсѣмъ; мой другъ еще въ плѣну!

Когда та рѣчь въ кругу стоящихъ раздалася,
И Волга на его слова опоздалася;
Вступилъ на брегъ рѣки печальный человекъ,
Дрожащею рукой онъ цѣпь землею влекъ;
Лишенный зрѣнія, воззвалъ сей мужъ Алея.
Алей возпрепещалъ, и въ немъ позналъ Гирей. . . .
Се ты! вскричалъ Гирей, благодарю судьбѣ!
Лишился я очей, рыдая по тебѣ;
Но я уже теперь о свѣтѣ не жалѣю,
Коль опданъ мнѣ Алей, коль опданъ я Алею;
Та цѣпь, которую влечетъ моя рука,
Чѣмъ я окованъ былъ, мнѣ цѣпь сія легка.

Алей возопіалъ, проливъ изсточникъ слезный:
Достоинъ ли такижъ я жертвѣ, мой другъ лю-
безный?
Я мало вѣрности взаимной докажу,
Коль мстѣющій за тебя живошъ мой положу;
Сумбека! зри теперь, и зрите Христіяне,
Какіе могутъ быть друзья Махометане.

Тогда вѣщалъ Гирей: Хвалы сїи оставь;
Я чуждъ въ народѣ семъ, Царю меня представь;
Одѣянъ въ рубище, представъ ему не смѣю,
Но дѣло важное открыть ему имѣю;
Гдѣ онъ споминъ? скажи; я ночь едину зрю.
Взявъ руку у него, Алей привелъ къ Царю,
И возопилъ къ нему: Се! видишь Царь Гирей,
Другова зришь меня, другава зришь Алея;
Онъ рубищъ ты моихъ очей не отвращилъ,

И пресупившаго ты нѣкогда простишь ;
 Къ сему покрытому всегдашнимъ мракомъ ночи,
 Прости кропчайшей службѣ и милосерды очи.
 Рукою ощутилъ Царя вблизи Гирей,
 Повергся, и вѣщалъ: О сильныхъ Царь Царей!
 Дозволь мнѣ тайное простерши нынѣ слово ;
 Я сердце къ вѣрности принесъ тебѣ готово ;
 Алея любишь ты, довольно и сего:
 Для извѣщенія усердья моего ;
 Мягкую Орду на вѣки забываю ;
 Что совѣсть мнѣ велитъ, Россіи открываю :
 Опеченіе мое Москва, а не Казань ;
 Казань вѣщаетъ миръ, а я вѣщаю брань ;
 Ордынской лести я не вѣдаю примѣра :
 Склоняюсь на миръ ; они склонили Едигера,
 Склонили, да на ихъ престолъ бѣ снѣ возсѣлъ ;
 Сей Князь на берегахъ Каспійскихъ проиѣ имѣлъ,
 И скоро въ стѣны онъ Казанскія приспѣетъ ;
 Шестъ храбрыхъ рыцарей въ дружинѣ Царь
 имѣетъ,
 Которы подкрѣпляютъ клялись Казань и проиѣ,
 И каждый есть изъ нихъ воскресшій Аспалонъ ;
 Межъ ими есть одна безстрашная дѣвица,
 Смѣла какъ лютый вепрь, свирѣпа яко львица.
 Война тебѣ грозитъ, когда осупишь градъ ;
 Война послѣдуетъ, когда пойдешь назадъ ;
 Въ темницѣ свѣдалъ я о замыслахъ Казанскихъ ;
 Орда невольниковъ тиранитъ Христіанскихъ ;
 Угрозами теперь желаетъ ихъ склонить,
 Иль муки претерпѣть, иль вѣру премѣнить !
 Но я безбожную ихъ вѣру опмешаю,
 Ордынцовъ я клянусь, Россіянъ почитаю ;
 Хочу я истинну питать въ душѣ моей,
 Какую знаешь ты, и знаетъ Царь Алей.

Простерши руку, Царь отвѣтствовалъ Ги-
 рею :
 Тотъ будетъ другъ и мнѣ, кто вѣрный другъ
 Алею ;
 Твой разумъ слѣпота безсильна ослѣпитъ ;

Тебя не просвѣщать, осталось подкрѣпить ;
 Ты братъ Россіянамъ! но что Орда мушится,
 На ихъ главу ихъ мечъ и злоба обратиша ;
 Я дѣшскою игрой снѣпаю ихъ совѣшъ ;
 Россійскому мечу дадушъ они опвѣшъ.

Тогда онъ повелѣлъ въ Россійскую столицу
 Отправить плѣнную съ рабынями Царицу. . .
 Наспалъ разлуки часъ! въ ней духъ возпрепешалъ,
 Уже онъ пламенну къ Алею спросить пыталъ ;
 Обѣмлетъ Царь ее, стѣнящъ обѣмлетъ друга ;
 И рекъ: Священна естъ для васъ моя услуга !
 Рыдаючи они другъ съ другомъ обнялись ,
 Какъ лозы винныя руками соплелись ;
 Другъ друга долго бы изъ рукъ не опустили ,
 Но шестивѣе ея Сумбекъ возвѣстили ;
 Алей въ слезахъ стоялъ Гирей обнявъ его ,
 Не могъ прощаяся промолвить ничего ;
 Сумбека обомлѣвъ, поверглась въ колесницу ,
 И зрѣніемъ Алей препровождалъ Царицу.

Тогда простерла ночь свою вечерню тѣнь ;
 Назначилъ Царь походъ въ послѣдующій день.
 Лишь только пушъ часы Авроръ учредили ,
 Гремящія трубы героевъ возбудили ;
 И купно съ солнцемъ вставъ Россійскіе полки ,
 Дерзали за Царемъ на оный брегъ рѣки.
 Какъ туча двигнувшись военная громада ,
 На многи поприща лежала окрестъ града ;
 Свѣяжскъ, который тѣнь далеко простиралъ ,
 Какъ дубъ на лисвѣя, на воинство взиралъ.

Се брани предлежатъ! О вы, Казански
 волны ,
 Которы звуками Россійской славы полны !
 Представьте мнѣ, полки, вѣщайте грозну брань ;
 Явите во спружѣ разрушенну Казань ;
 Мнѣ снѣны въ пламени, трепещущія горы ,
 Сраженія, мечи представьте передъ взоры ,

Да громче воспѣвать военну пѣснь могу,
Сѣдѣйшій съ лирою на Волжскомъ берегу.

Умыслилъ Іоаннъ, боярской ввѣривъ власти,
Все войско раздѣлить на полчища и части,
Дабы извѣдать ихъ къ отечеству любовь,
И порознь разсмотрѣть геройску въ каждомъ
кровь.

Ты, Слава, подвиги Россійскіе любила,
Казанской брани ты донынѣ не забыла!
Повѣдай мнѣ теперъ героевъ имена,
Вѣнчанныя побой во древни времена (*).

Большій пріемлемъ полкъ, какъ левъ не-
устрашимый,
Микулинскій, въ войнѣ и торымъ Иракломъ
чтимый.

Мстиславскій съ Пенинскимъ соудники его,
Они перуны суть и щипъ полка сего.

Щеняшевъ правую при войскѣ принялъ руку;
Сей мужъ опмѣнно зналъ военную науку.

Князь Курбскій раздѣлялъ начальство вмѣстѣ
съ нимъ;

Сей рыцарь славенъ былъ, кипячъ, неустрашимъ;
Имѣлъ цвѣшущихъ лѣтъ съ собою брата купно,
Который слѣдовалъ герою неопшупно;
Ихъ смѣлость, дружба ихъ, пылающая кровь,
Жарчае дѣлали въ нихъ брапскую любовь.

Причисленъ Пронскій Князь къ полку пере-
дovому;

Онъ тучѣ сходенъ былъ, его достѣжи грому.
Хилковъ опредѣленъ помощникомъ ему;
Никто не равенъ есть съ нимъ въ войскѣ по уму.

(*) Сіе ополченіе изъ подлинныхъ тогдашнихъ
записокъ взято.

Неужасаемый боязнью никакою,
Романовъ лѣвою начальствовалъ рукою,
И храбросшь на лицѣ сіяла у него;
Плѣщевъ, швердый мужъ, сотрудникъ былъ
его.

Главой былъ Палецкій полка спорожеваго;
Во браняхъ вихря видѣ имѣеиъ снѣ крутаго;
Преходинъ, сквозь ряды, что встрѣишися, ва-
лииъ.

Герой Серебряной начальство съ нимъ дѣлииъ;
Два рыцаря сѣи и Шереметевъ съ ними,
Казались воииспва Ираклами троими.
Шемякинъ строевымъ повелѣвалъ челомъ.
Князь Троекуровъ несъ и молнии и громъ.
Ошмѣиной храбростью сѣяющи во спанѣ,
Сложились Муромски въ особый полкъ дворяне;
Являлися они какъ спрашны львы въ бою,
И славу сдѣлали безсмертною свою.

Царь войска знаишу часть на сопни раз-
дѣляеиъ,
И бодрыхъ юношей межъ нихъ распредѣляеиъ;
Твердыней каменной казалась каждая часть,
Въ кошорой сердцемъ былъ имущъ надъ нею
власиъ.

За сими двигались военные снаряды,
Сѣи надежныя воишелей ограды;
Начальство Розмыслу надъ ними Царь вручилъ (*),
На сихъ сподвижникахъ надеждой опочилъ.

(*) Кшо сей Розмыслъ былъ, въ Истории не озна-
чено. Нѣкопорые думающъ, что имя Розмыслъ
означало инженера; но кажеиъся многимъ бы
Розмысламъ въ шомъ смыслѣ быиъ надлежало
при воииспвѣ, а я ни прежде ни послѣ не на-
шелъ шакото названія въ нашей Истории; слѣд-
овиенно ошпаюсь въ нешѣиимости.

Какъ сильный Богъ , на всю вселенную смот-
рящій ,
И цѣпь, связующу весь мѣръ, въ рукъ держащій:
Такъ властью въ войскъ Царь присутствуетъ
своей ;

Сопутствуютъ ему Адашевъ и Алей.
Царь воинство свое устрояющъ къ бою ,
Какъ вихрь листвы подвигъ полки передъ собою;
Казалось, каждый валъ, поднявъ главу свою ,
По шумнѣй Волгѣ несъ съ перунами ладью.
Какъ множествомъ цвѣтовъ среди весенней рѣги,
Покрылись воинствомъ противоположны бреги ;
Угощаемы орудія къ войнѣ ,
Блещутъ на дугею у Волги спорыи.
Тогда великому подобяся войско змѣю ,
Къ Казани двинулось, пройдѣвъ чрезъ всю Россію.
Тимпановъ громкихъ звукъ, оружіемъ многихъ
шумъ ,
Ко брани въ ратникахъ воспламеняли умъ.

Уже прекрасное вселенныя свѣсило
Два раза небеса и землю озлашило ,
И дважды во звѣздахъ являлася луна ;
Еще Казань была идущимъ не видна ;
Не дальное градовъ сосѣдственныхъ споянъе ,
Далекимъ одѣдало всемѣстно препинанъе ;
Казанцы, дивныя имѣющи мечны ,
Разрушили кругомъ преправы и мосты ;
Потоки мутныя, озера, толпы бѣла ,
Для войска времени была излишня трапа ,
Чрезъ все препятства Царь стремительно па-
рилъ ;
Идущимъ воинамъ съ весельемъ говорилъ :
О други! бодрствуйте ; не долго намъ тру-
дишься ;
Вы видите теперь, что насъ Казань спрашитъся ;
Когдабъ не ужасалъ ихъ славы нашей гласъ ,
Они бы вслѣдъ шли на сихъ равнинахъ насъ.
Коль бодрость у врага боязнь превозмогаетъ ,
Онъ къ подлой хитрости воюя прибѣгаетъ ;

Дерзайте, воины! намъ спыдно уныватьъ ,
Познавъ , съ какимъ врагомъ мы будемъ вое-
ватьъ

Не страшны Орды намъ! Россіяне вскричали ,
Возспали двинулись, и путь свой окончали.
Едва сокрылася съ луною нощи тѣнь ,
Казань предспавилась ихъ взорамъ въ претѣй
день.

Сей градъ, приволжскій градъ, великъ, пре-
красенъ славенъ .

Обширностію спѣнь едва Москвъ не равенъ ;
Казанка быстрая, опъ упреннихъ холмовъ
Ушедъ изъ гордыхъ спѣнь , печетъ среди лу-
говъ ;

Опъ запада Булакъ выходящъ непроходный ,
И шиной заглушенъ, влечетъ изпочникъ водный.
Нашура двѣ рѣки спаралась вкупъ свесъ ,
Бойница первая швердынь гдѣ градскихъ есть ;
Тѣсня ногой Кабанъ, другою Арско поле ,
Подъземлется гора высокая опполъ :

Не можешъ досязать ея вершины взглядъ.
На пышной сей горѣ споишь въ полкруга градъ;
Божницы пышныя, и Царскіе чертоги ,
Имѣющъ на своихъ вершинахъ лунны роги ,
Которые своимъ символомъ чшишь Казань ;
Но имъ она сулитъ не миръ, кроваву брань.
Казанцы робкіе въ спѣнахъ высокихъ скрыты ,
Опъ нихъ , не опъ луны надежной ждущъ за-
щиты ,

На рвы глубокіе, на спѣны Царь воззрѣвъ ,
Почувствовалъ въ душѣ крушеніе и гнѣвъ ;
Вообразилъ себѣ обиды, спрахи , брани ,
Которы пренесла Россія опъ Казани
Воспламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
Которыхъ на спѣнахъ еще дымилися кровь ;
Воображаетъ онъ невольниковъ спенящихъ ,
О помощи его въ опчаянѣ молящихъ ;
Внимаетъ гласъ вдовицъ , онъ видитъ, токи
слезъ ;

Простерты длани зрѣтъ ко высотѣ небесѣ ;
 И слышишь вопль сиротѣ на небо вопіющихъ ,
 Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ .
 Но вдругъ представился необычайный свѣтъ :
 Явился въ облакахъ Царю усопшій дѣдъ ;
 Онъ перстомъ указавъ на гордыя бойницы ,
 На возвышенныя чертоги и божницы ,
 Вѣщалъ : О храбрый внукъ ! смирѣй, смирѣй Ка-
 зань ;
 Не жалость ко снѣнамъ тебя звала , но брань !
 Какъ будто бы отъ сна Владѣтель пробудился ;
 Мгновенно бодрый духъ въ немъ къ брани вос-
 палился ;

Глаза къ видѣнію и длани успремилъ ,
 Сокровища Творцу сердечны отворилъ :
 О Боже ! помоги ! возопѣялъ предъ войскомъ
 И зрѣлися лучи въ его лицѣ геройскомъ .
 Тогда на всю Казань, какъ верви наложитъ ,
 Полкамъ своимъ велѣлъ сей городъ окружитъ ;
 И смертносною стрѣльбою не насытитъ ,
 Оружія велѣлъ устроишь стѣнобитны .
 Казалось, мѣдяны разверзивъ смерти уста ,
 По холмамъ и лугамъ заземлетъ всѣ мѣста ;
 И стрѣлы и мечи во вшулахъ зашумѣли ,
 Которы храбрые воители имѣли .

Дабы начальникамъ осаду возвѣститъ ,
 Велѣлъ Монархъ Хоругвь свящую разпустилъ .
 Князь Пронскій, жаждущій сего священна знака ,
 Съ отборнымъ воинствомъ преходящѣмъ нѣкъ
 Булака ;
 Стоящій близъ его въ лугахъ съ полкомъ своимъ ,
 И Троекуровъ Князь подвигся купно съ нимъ .
 Какъ туча воинство ко граду воздымалось ,
 И молніями въ немъ оружіе казалось .
 Преходящѣмъ ; зрѣтся имъ Казань какъ улей пчелъ
 Который межъ цвѣтовъ спящій запуснѣлъ ;
 Молчаща тишина во градѣ пребывала ,
 Но бурю грозную подъ крыльями скрывала .
 Такъ часно Окіянь предъ нѣмъ впадаетъ въ сонъ ,

Когда готовится къ великой бурѣ онѣ ;
И многи ратники войной неизкушенны,
Казанской тишиной казались возжищенны.
Но два начальника молчащу злоспѣ сѣю
Почли за скрытую въ густой травѣ змѣю.

Съ орлиной быстротой прешедъ холмы и
рвины ,
Едва крутой горы достигли половины ,
Опверзивъ пламенны уста, какъ страшный адъ,
И вдругъ зепрепешавъ, изрыгнулъ войска градъ:
Казанцы бросились полкамъ Россійскимъ въ спрѣ-
И съ воплемъ начали они кроваву сѣчу. (чч,
Какъ волки, нашихъ силъ въ средину ворвались,
Кровавые ручьи мгновенно полились.
Россійски ратники на части раздѣленны ,
Бысть скоро не могли въ полки совокупленны ;
Съ одной спраны , какъ градъ , летѣла туча
спрѣлъ ;
Съ другой ревѣла смерть , пищальный огнь го-
Послѣдующи два героя Едигеру , (рѣлъ.
Покинувъ смутный градъ , какъ страшны львы
пещеру ,
Оставивъ двѣ чешы героевъ во стѣнахъ ,
Смѣшали воинство, какъ вихрь смущаетъ прахъ;
Ихъ спрѣлы не язвятъ, и копья уснремленны,
Ломаясь о щипы, падутъ какъ проспи плѣнны.
Озмаръ единъ изъ нихъ, производящій родъ
Отъ храбрыхъ рыцарей у Крымскихъ черныхъ
водъ ,
На Россовъ спрахъ въ бою, какъ грозный левъ ,
наводитъ ,
Трепещутъ всѣ, куда сей витязь ни приходишь;
Главу единому какъ шаръ онъ разрубилъ ;
Другова въ чрево онъ мечемъ насквозь пронзилъ;
Всѣхъ косишь какъ траву , кто щипъ свой ни
успавишь ;
Спроптивый конь его шѣла кровавы давишь ;
Уже съ Русинскаго съ размаху ссѣкъ главу ,
Она ропшавша упала на траву.

Угрюмова повергъ немилосердый воинъ ;
 Сей вишязь многіе жить вѣки былъ достоинъ ;
 Единый сынъ сей мужъ оспался у отца ,
 И въ юности не ждалъ поль скорого конца .
 Ошбемлетъ лютый Скиѣъ супруга у супруги ;
 Возплачунъ отъ него и матери и други .
 Тогда злодѣй полки какъ волны раздѣлилъ ,
 На Троекурова всю яросль успремилъ .
 Воишель, въ подвигахъ неукротимый, злобный ,
 Закинувъ на хребетъ свой щитъ лунъ подобный ,
 Въ уста вложивъ кинжалъ, и въ руки взявъ мечи ,
 Которы у него сверкали какъ лучи ,
 Бѣжипъ ; но встрѣтилъ Князь мечемъ сего
 злодѣя ;
 Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя ;
 Наводитъ ужасъ онъ какъ близкая гроза ;
 Сверкаютъ подъ челомъ у варвара глаза ;
 Героя поразишь мечами покушался ,
 Подвигся, ошступилъ, во всѣ страны мешался ;
 Хошѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзипъ ,
 Но Князь успѣлъ его сквозь сердце поразишь ;
 Злодѣй заскрежешавъ сомкнулъ кровавы очи ,
 И гордый духъ его ушелъ во мраки ночи .

Повержена врага увидѣвъ своего ,
 Герой Россійскій снятъ спѣшилъ броню съ него ;
 Удары злобныхъ Ордъ щитомъ своимъ отво-
 дишъ ;
 Ихъ нудитъ отступипъ, съ коня на землю
 сходитъ ;
 Поникъ, но храбросъ шу другой злодѣй пре-
 сѣкъ ,
 Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чека-
 номъ текъ ;
 Шумипъ какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ
 спаномъ ,
 И Троекурова ударилъ въ шылъ чеканомъ :
 Свалился шлемъ съ него какъ камень на праву ;
 Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу ,
 Направилъ копіе рукою въ саму выю ,

И скоро бы лишилъ поборника Россію ;
 Уже броню его и кольца сокрушилъ ,
 Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ ;
 Узнавъ, что его сподвижникъ погибаетъ ,
 Какъ молнія рады смѣшанны прелетаетъ ;
 Разитъ, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлить ,
 Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить ;
 Свирѣпый випязь палъ. Ордынцы вспрепечали ;
 Возкрикнули, щипы и шлемы размешали ;
 Смѣшались, дрогнули, и обратились въ бѣгъ.
 Съ полками Пронскій Князь на ихъ хребты на-
 легъ.

Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
 Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ :
 Такъ гоняетъ Россы ихъ въ толпу соединясь ,
 Рубите ! бодрствуйте ! имъ вопиетъ Пронскій
 Князь.

Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами ,
 И долъ наполнился кровавыми шѣлами ;
 Звукъ слышится мечный и ржаніе коней ;
 Леплетъ грозна смерть съ косою межъ огней ;
 Капая шамъ главы, лѣются крови рѣки ,
 И человѣчество забыли человѣки !
 Что былобъ варварствомъ въ другія времена ,
 То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
 Опрубленная рука, кровавый мечъ держаща ,
 Ни спрашная глава въ крови своей лежаща ,
 Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ ,
 Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ.
 За что бы не хотѣлъ герой принять короны ,
 То дѣлаетъ теперь для царства обороны ;
 Недосязающей бѣгущаго мечемъ ,
 Стараются его достигнуть копіемъ ;
 Бросаетъ вдаль копье, и кровь течетъ багрова ;
 Лишь только умерщвлять, на мысли нѣтъ инова !
 Окровавились лазоревы поля ;
 И стонетъ, кажется, подъ грудой тѣлъ земля.
 Казанцы робкіе свой путь ко граду правятъ ,
 Тѣснятся во врагахъ, сѣкутъ, другъ друга да-
 ваютъ ;

Безвременно врата сомкнувши робкій градъ,
 Какъ вихремъ отразилъ вбѣгающихъ назадъ.
 Казанцы гордый духъ на робость премѣнили,
 Спираясь у врагъ, колѣна преклонили.
 Князь Пронскій мщеніемъ уже не ослѣпленъ,
 Ихъ прозьбой тронутъ былъ, и принялъ ихъ
 во плѣнъ.

Тогда луна свои чертоги отворила,
 И ризой темною полки и градъ покрыла.

Но кровію своей и потомъ омовенъ,
 Князь Троекуровъ былъ во Царскій станъ вне-
 сенъ.

Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
 Который преклонилъ листья на стеблѣ лѣтомъ,
 На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.

Взглянувши на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.
 Рыдая Іоаннъ бездушнаго обѣмлетъ,
 Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ:
 Герой сей живъ! . . . онъ живъ! . . . въ вос-
 торгъ вопіетъ;

Самъ шеплетъ одръ ему и воду подаетъ.
 Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
 Они безгрѣшно ихъ опцями нарекутся.
 Ахъ! для чего не всѣ, носящіе вѣнцы,
 Бываютъ подданнымъ столь нѣжные опцы?
 Но Царь при горесняхъ веселье ощущаетъ,
 Изходящій изъ шатра, и воинству вѣщаетъ:
 Вашъ подвигъ намъ врата ко славѣ отворилъ,
 И наши будущи побѣды предварилъ;
 Мужайтесь, друзья! мы зримъ примѣры ясны,
 Чѣмъ брани наглыхъ Ордъ для Россовъ безопасны.
 Увидя Пронскаго, о Князь! вѣщалъ ему,
 Коль мы послѣдуемъ примѣру своему,
 Наупріе Орда и градъ ихъ сокрушится. . . .

Сіе пророчество внемлетъ совершится!
 Ордамъ поборникъ адъ, поборникъ Россамъ Богъ;
 Начальникъ храбрый Царь: кто бытъ имъ стра-
 шенъ могъ?

О Муза! будь бодра, на крильѣхъ вознесися,
Блюди полночный часъ и сномъ не шагоуися.

Что медлишь мрачна ношь, что волны
спяшь въ рѣкѣ?
Лишь вѣющъ тихіе зефиры въ проспники;
Что солнца изъ морей денница не выводишь?
Натура спитъ, а Царь уже по снану ходишь.
Доколь брани духъ въ сердцахъ у васъ горитъ,
Крѣпнись, воины! Владышель говоришь;
Казань меня и васъ польстила миромъ ложнымъ;
Мы праведной войной опмсимъ врагамъ без-
божнымъ.
Во взорахъ молніи, нося перунъ въ рукахъ,
Онъ храбро съ пламенну зажегъ во всѣхъ серд-
цахъ.

Но чьи простерлися отъ града черны тѣни,
Текущія къ полкамъ какъ быстрыя елени?
Какъ въ спадѣ агничемъ, смященномъ спраш-
нымъ львомъ,
Ужасный слышанъ вопль въ полкъ спорожевомъ:
Россійски ратники порядокъ разрываютъ,
И тинистый Булакъ поспѣшно преплываютъ;
Открыла ужасъ ихъ блистающа луна,
Которая была въ окружности полна.
Тамъ шлемы со холма кровавые капаются;
Тамъ копья, тамъ щиты разбросанные зряся;
Какъ овцы, воины разсыпавшись бѣгутъ;
Четыре рыцаря сей полкъ къ шатрамъ женутъ:
То были рыцари изшедши изъ Казани,
Опмшавъ Россіянамъ успѣхъ вечерней брани:
Изъ Индіи Мирседъ, Черкешенинъ Бразинъ,
Рамида Персянка, и Гидромиръ Срацинъ:
Горящіе огнемъ неистовой любви,
Алкаютъ жаждою ко Христіанской крови;
Изпоргнувъ въ ярости блестящіе мечи,
Какъ вѣпры бурные повѣяли въ ночи,
И войска нашего ударили въ ограду;
Какъ спадо лебедей скрывается отъ граду,

Такъ стражи по холмамъ отъ ихъ мечей
шекли. . .

Злодѣи скоро бы вломились въ спанѣ могли,
Когдабъ не прекратилъ сѣю кроваву сѣчу,
Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ изшед-
ши встрѣчу.

Но вдругъ нахмурила злѣе нощь чело;
Блещуща луна, какъ въ тусклое стекло,
Во мрачны облака свое лице склонила,
И звѣзды въ блѣдныя свѣтила премѣнила;
Сгустилась вскорѣ тма, предшественница дня.
Лишенны вишязи небеснаго огня,

Другъ къ другу движущся, другъ къ другу уско-
ряющъ;

Но воздухъ лишь во мглѣ мечами ударяющъ,
И слышнися вдали отъ ихъ ударовъ прескъ;
Встрѣчаяся мечи, кидающъ слабый бжескъ;

О камни копья бьющъ, когда другъ въ друга
мѣшящъ;

Имъ пламенны сердца въ бою при мракѣ свѣ-
тѣющъ.

Тогда кристальну дверь небесну отворя,
Рождаются начала багряная заря,
И удивилася, взглянувъ на мѣсто боя,
Что бьются съ чешырьмя Россійскихъ два героя;
Дивилася Казань, взглянувъ съ крутыхъ вер-
шинъ,

Что Палецкій съ премо сражается единъ;
Какъ левъ среди волковъ, ихъ скрежетъ прези-
раетъ,

Такъ Палецкій на трехъ Ордынцевъ не взираетъ;
Кидается на нихъ, кидается съ мечемъ,
Который происшвеннымъ является лучемъ,
Толь быспро обрацалъ Герой свой мечъ рукою!
Онъ съ кровьюбъ изпочилъ Ордынску злоспъ
рькою;

Но Гидромиръ, взмахнувъ велику булаву,
Вдругъ съ тыла поразилъ героя во главу;

Потупилъ онъ чело, сомкнулъ померклы очи,
И руки опустивъ, низшелъ бы въ бездну ночи,
Когдабъ не прерванъ былъ внезапно смертный бой.
Со Курбскимъ на холмъ бьющійся герой,
Въ изгибахъ ратничихъ подобенъ змѣю зрится;
Чѣмъ больше есть упорствъ, тѣмъ больше онъ
ярился.

Къ главѣ коня склонивъ тогда чело свое,
Пустилъ онъ въ Курбскаго шумяще копье;
Но язву легкую принявъ въ ребро едину,
Князь Курбскій, быстрой имѣющей орлину,
Толь крѣпко мечъ во шлемъ противника вонзилъ,
Что въ части всѣ его закрѣпы раздробилъ.
Вошедша ручки кровавы обагрили;
Волнистые власы плеча его покрыли;
По блѣлому челу кровь алая текла,
Какъ будто по серебру . . . Рамида то была!
И рану на челѣ рукою захватила,
Вздохнула, и коня ко граду обратила.
Увидя вилызи ея текущу кровь,
Чего не дѣлаетъ позорная любовь;
Что ратуютъ они, что въ полѣ, что сразились,
Забыли рыцари, и къ граду обратились;
Имъ стрѣлы въ слѣдъ летятъ, они летятъ
отъ нихъ;
Во пламенной любви снѣдала ревность ихъ;
Раמידу уступитъ другъ другу не хотѣли;
Отъ славы ко любви какъ враны полетѣли.

Но въ чувство Палецкій межъ тѣмъ уже
пришелъ;
Онъ взоры томные на рыцарей возвелъ;
Бѣгутъ они! вскричалъ . . . и скорбь пренебре-
гаетъ;
Коня пускаетъ въ слѣдъ, за ними въ градъ вле-
таетъ;
Онъ гонитъ, бьетъ, разитъ, опмщеньемъ ослаб-
ленъ;
Сомкнулись вдругъ врата, и Князь пойманъ въ
плѣнъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ.

Багровые лучи покрыли небеса ,
Упала на траву кровавая роса ;
Червленые земля шуманы испустила ,
Объимъ воинствамъ бой смертный возвѣстила ;
Тамъ шопотъ онъ коней, тяжелый млатъ сту-
чишь ;
Желѣзо движется, и мѣдь въ шатрахъ звучишь.

Казанскій Царь, внутри Казани затворенный,
Свирѣпствуетъ какъ вепрь въ пещерѣ разъяренный ;
Гремящи внемлющій оружія вокругъ ,
Реветь, и кинутся въ злодѣевъ жоститъ вдругъ.
Свирѣпый Едигеръ, осады не робѣя ,
И Князя плѣннаго подъ спражею имѣя ,
Четырехъ вишазей скрывая во стѣнахъ ,
Надежду основалъ на твердыхъ сихъ столпахъ ;
Пищалей молніи и грома презираетъ ,
Какъ будто на просшникъ , на стрѣлы онъ
взираетъ ,
И яко лютый пиръ спокойно пищи ждетъ ,
Когда пасухъ къ нему со стадомъ подой-
детъ.

Имѣющъ мрачну мысль, и душу къ миру мерзвѣ ,
Россіянъ подъ стѣной себѣ назначилъ въ жершву ;
Тогда велѣлъ Ордамъ, таящимся въ лѣсахъ ,
Когда покажутся знамена на стѣнахъ ,
Оставить ратную въ глухихъ мѣстахъ засаду ,
И грянуть Россамъ въ шылъ , когда присту-
пятъ къ граду.
Свирѣпствомъ упоенъ, успѣхами манимъ ,
Онъ чаеиъ славу зрѣтъ летящую предъ нимъ.

Надежда мратными его мечтами водитъ ;
Онъ звѣршва Едигеръ ко жипрости переходитъ.

Нещасный Палецкій въ неволю увлеченъ ,
Израненъ, скованъ былъ, въ темницу заключенъ.
Благочестивый Царь Посла въ Казань отправилъ ;
Сто знашихъ плѣнниковъ за выкупъ Князя
спавилъ :

Но яростью кипящъ и зла не зная мѣръ ,
Посла изгналъ изъ стѣнъ съ презрѣньемъ Едигеръ.

Едва златую дверь Аврора отворила ,
Дремучіе лѣса и горы озарила ,
Имѣющъ бодрый духъ и мужество въ очахъ ,
Влечешся Палецкій на торжище въ цѣпяхъ ;
Народомъ окруженъ , зрѣтъ мѣсто возвышенно ,
Червлеными кругомъ коврами облеченно.
Ужасно зрѣлище для сердца и очей :
Тамъ видно множество блистающихъ мечей ;
Тиранства вымыслы, орудія боязни ,
Огни, сѣкиры шамъ, различны смерсны казни.
Князь ои отвратилъ въ проливную страну ,
Тамъ видитъ бисеромъ украшенну жену ;
Подобное водъ сквозь шенко покрывало ,
Неизреченныя красы лице сіяло.

Среди позорища представился тиранъ ;
Сѣдитъ держащъ въ рукахъ разгнутой Алкоранъ ,
И Князю говоритъ: Зри казни! зри на дѣву ,
Имѣющую красы небесны, кровь Цареву ;
Едино избери, когда желаешь жить :
Казани обаясь, какъ вѣрный другъ , служишь ;
Понявъ жену сію для вѣщаго обѣта ,
Склони швое чело предъ книгой Махомета ;
Невольникъ! пользуйся щедростю моею ;
На Русскаго Царя надежды не имѣй :
Приди , и преклонись ! . . . Отъ гнѣва Князь
препещетъ ;
Онъ взоры пламенны на Едигера мететъ ,
И тако отечалъ: Иду на смерсну казнь !

Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
 Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
 Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ въ
 ратномъ полѣ;
 Не угрожай ты мнѣ мученьями, ширани!
 Господь на небесахъ, у града Іоаннъ! . . .
 Жестокій Едигеръ, словами уязвленный,
 Весь адъ почувствовалъ отъѣхомъ воспламенен-
 ный;
 Бьющій въ грудь себя, онъ ризу разперзалъ,
 И Князя плѣннаго ширанишь приказалъ.
 Но гордый Гидромиръ, на мѣстѣ казни сущій,
 Достойныхъ рыцарей престола выше чшущій,
 Изъ рукъ воителя у воиновъ извлекъ,
 И къ трону обращаюсь, Царю со гнѣвомъ рекъ:
 О Царь! ты рыцарскихъ священныхъ правъ не
 Караешь узника, казнишь героя чая; (зная,
 Онъ въ полѣ предложилъ сраженіе тебѣ;
 Стыдись робѣшь, меня имѣя при себѣ.
 Съ молчаніемъ народъ и Царь Срадину внемлетъ;
 Спокойно Гидромиръ со Князя узы сѣмлетъ;
 За стѣны подъ широмъ препроводилъ его,
 Сразишься въ битвѣ съ нимъ, взявъ клятву отъ
 него.

Межъ тѣмъ Россійскій Царь, занявъ луга и
 горы,
 Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ ко граду взоры;
 За станомъ повелѣлъ сооружить раскатъ,
 И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привезъ
 подъ градъ.
 Какъ нѣкій Исполинъ раскатъ стопы подвигнулъ,
 Потрясся, заскрипѣлъ, и градскихъ стѣнъ до-
 стигнулъ;
 Разверзлись пламенны громады сей уша,
 Сверкнула молнія на градскія врага;
 Казань кичливую перуны окружающъ,
 По спогнамъ жителей ходящихъ поражающъ.
 Пресѣчь пуши врагамъ, весь градъ разрушить
 вдругъ,

Царь турами велѣлъ обнесъ швердыни вокругъ,
И будто малый холмъ обѣмлющій руками,
Столицу окружилъ Россійскими полками.
Рѣшась отважную осаду довершитъ,
Велѣлъ сибъ Розмыслу подкопомъ поспѣшитъ.
Казанцы, кои взоръ недремлющій имѣли,
Оружія схвативъ, какъ пчелы возшумѣли;
Тогда явился знакъ колеблемыхъ знаменъ,
Зовущій изъ засадъ Ордынску рать со стѣнъ.

И се! изъ градскихъ вратъ текутъ рѣкъ по-
добны,
Текутъ противъ Царя, текутъ Ордынцы злобны;
Вскричали, сдвинулись, и съча началась;
Ударилъ громъ, и кровь ручьями полилась.
Спешанья раненыхъ небесный сводъ пронзаютъ,
Казанцы въ грудь полковъ Россійскихъ дося-
заютъ;
И силъ храбрый духъ Россійскій уступилъ,
Засада наскочивъ, на нихъ пустилась въ пылъ.
Войну побѣдою Казанцы бы рѣшили,
Дворяне Муромски когдабъ не поспѣшили.
Сіи воишли, какъ швердая стѣна,
Копора изъ щиповъ единыхъ сложена,
Лешатъ, спѣсняяютъ, жмутъ, Ордынцовъ раз-
дѣляютъ,
Жаръ множатъ во своихъ, въ Казанцахъ утеша-
ютъ;
Какъ прахъ развѣяли они враговъ своихъ,
Прогнали; брани огнь отъ сей страны ушихъ.

Но при воишеля, сомкнувшись щипами,
Изъ градскихъ вышли стѣны особыми вратами;
Какъ облако, отъ ихъ коней сгустился прахъ;
На крыліяхъ лешатъ предъ ними смерть и
страхъ;
Ихъ взоры молніи, доспѣхи громъ мешали;
Сступай къ намъ Курбскій Князь! они возопіяли,
Шемакинъ! Палецкій! и кто изъ храбрыхъ есть?
Придите возпріять единоборства честь! . . .

И шакѡ Гидромирѣ: Осмѣльшесь битьея съ нами!
Иль нравно только вамъ сражаться со женами. . . .
Онѣ кожей шигровой какъ ризою покрышѣ,
Вѣ очахъ его и злосць и тусклый огнь горитѣ;
Свирѣпосць на лицѣ, вѣ устахъ слова безбожны,
Неблаговѣрному жулишелю возможны;
Подобенѣ видѣшся ожесточенну льву,
Рукою онѣ вращалѣ желѣзну булаву;
И громко возопилѣ: Вы зрите не Рамиду!
Россіянамъ хошу отмстити ея обиду,
Сступайте казни принять! . . . Возпѣнясь какъ

кошелѣ,
Мстиславскій далѣ отвѣтѣ Срацыну восхотѣлѣ.
Сей мужѣ вѣ сраженіяхъ ни дерзокѣ былѣ ни
злюбенѣ,

Но твердому кремню казался онѣ подобенѣ,
Который искрѣ ручьи вѣ то время издаетѣ,
Когда желѣзомъ кто его поверхносць бьетѣ.
Споящѣ недвижимо вѣ рядахъ, какъ нѣкій камень,
Мстиславскій ощутилѣ горящій вѣ сердцѣ пла-

мень.
Царѣ выступилѣ велѣлѣ противу трехъ троимѣ;
Мстиславскій двинулся и Курбскій вмѣстѣ съ
нимѣ;

На битву Палецкій вѣ условіе спремился.
Сближающа; земля дрожитѣ, и небо тѣмнѣ.
Подобенѣ бурному приливу шумныхъ водѣ,
Спекается уже и нашѣ и ихѣ народѣ.
Но камень будто бы вѣ рѣку изѣ рукѣ падушій,
Изѣ почки дѣлаетѣ далеко кругѣ распушій:
Противоборники мечи изпоргнувѣ вдругѣ,
Такѣ двигали народѣ, изѣ круга вѣ большій кругѣ.
Тогда свой мечѣ склонивѣ Бразинѣ, еіе вѣщаетѣ:
Сей день побѣду намѣ иль гибель обѣщаетѣ;
Когда побѣды вы получите вѣнецѣ,
Поставите войнѣ и пренію конецѣ;
Вѣ опечесство свое клянемся возвратиться;
Однако лѣзя ли симѣ, о Россы! вамѣ и лѣспитесь?
Но естѣли будетѣ такѣ, безѣ насѣ возьмите градѣ:
Вы сильны покорить тогда и самый адѣ.

Когда же васъ проиждь во брани одолѣемъ,
О чемъ ни малаго сомнѣнья не имѣемъ;
Мы въ узахъ повлечемъ противоборцевъ въ плѣнъ,
И будешь нами родъ Московскій изпребленъ;
Рабы вы будьте намъ! клянемся нынѣ въ ономъ,
Мечами нашими, Рамидой, Царскимъ трономъ;
Когда сраженіе не ужасаетъ васъ,
Завѣшь исполнишь сей клянишесь вы сей часъ!

Отъ сей кичливости исполненные гнѣва,
Герои ждущъ на брань вельнїя Цареца,
Да словомъ подтвердитъ ихъ кляпвы онъ пе-
часть:

На все рѣшился Царь, и бой велѣлъ начать.
Все войско раздалось для важнаго предлога;
Герои шлемы снявъ, зовущъ на помощь Бога.
Жестокій Гидромиръ безумства не скрывалъ;
Не Бога въ помощь онъ, Рамиду призывалъ;
И рекъ Россіянамъ: Сраженія не длише!
Не о побѣдѣ вы, о жизни днесъ молише;
Готовшесь смерть принять! Съ симъ словомъ,
какъ орелъ,

На Палецкаго мечъ изпоргнувъ полетѣлъ;
Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій Князь сра-
зился;

Мечъ Курбскаго во щитъ Мирседу водрузился;
Весь воздухъ возшумѣлъ и битва началась. . . .
Сражаются, но кровь не скоро полилась.
Мстиславскій на врага перунъ изъ рукъ кидаетъ,
То съ лѣвыя спраны, то съ правой нападаетъ;
Но будто спѣну онъ орудіемъ бьетъ,
Уже разитъ копьемъ Бразина устаемъ;
Онъ зрится каменнымъ, нечувствственнымъ куми-
ромъ:

Схватился Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ:
Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
Склоненные къ землѣ еще они бѣются;
Вспрянули, сдвигнулись, удары раздаются;
Спираясь при чешы, изображаютъ кругъ,

То въ грудѣ сложашся, по раздадутся вдругъ ;
Отвсюду зрится смерть, отовсюду и побѣда.
Князь Курбскій копьемъ ударилъ въ грудь Мирседа ;

Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и пыломъ онъ хребетъ коня покрылъ.
Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань взглянула,
И видя во крови Мирседа, воздохнула ;
Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она ;
Забыла, что сама въ чело поражена ,
Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ спонъ
преходящъ ,

И въ духъ жалость, гнѣвъ , опмищенъе произво-
дищъ ;

Бѣжипъ и встрѣщяго мечемъ своимъ съяснъ ,
На копья, на мечи Рамиду спрасъ влечетъ.

Прервать неравный бой, Россіяне возснали,
Ихъ очи и мечи какъ звѣзды заблиснали ,
И вдругъ сраженіе со всѣхъ спорснъ зажглось ,
Все войско на лугу какъ плуча развилось ;
Кипипъ кровава брань, полки съ полками бьющся ;
Герои съ вящшею досадою расстающся.
Князь Курбскій обратясь, унятъ мятежъ хотѣлъ,
Во время то Мирседъ на Князя налешѣлъ ,
Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ ,
Разипъ въ главу, и Князь безчувственъ упадетъ.
Пылаютъ мщеніемъ Россійскіе полки ,
Слились съ Казанскими, какъ будто двѣ рѣки,
Гдѣ волны бурное теченье составляютъ ,
Другъ друга прутъ назадъ , другъ друга по-
давляютъ ,
Сперлись воины въ поднявшейся пыли ;
Безгласенъ Курбскій Князь просперся на земли.

Тогда , совокупясь какъ страшныя стихіи ,
Четыре випзя пошли противъ Россіи ,
Подобно слившимся четыре вѣпра вдругъ ,
Бунтуютъ Океанъ , летая съ шумомъ вкругъ ;
Ихъ жадные мечи въ густой пыли сверкаютъ ,

Разятѣ, свирѣпствующѣ, какѣ страшны лвы
 Россіане уже жонѣли опустушиѣ, (рыкающе.
 Но силы новыя пришли ихѣ подкрѣпить,
 Богѣ волею своею, Царѣ бодрыми очами,
 Вельможи швердыми и мудрыми рѣчами.

Но Курбскій между тѣмѣ почти во смер-
 пномѣ рвѣ,
 Едва дыша лежалѣ, израненѣ на правѣ;
 Вблизи сшеналѣ единѣ изѣ витязей Казанскихѣ,
 Глошалѣ онѣ пыль, онѣ рукѣ поверженѣ Хри-
 стіанскихѣ;
 Сей вдругѣ опомнился на Курбскаго взглянулѣ,
 Онѣ мужество его и силы вспомянулѣ;
 Зря Князя дышуща, злодѣйство долгомѣ ста-
 виѣ;
 На локоть опершись, песокѣ колѣномѣ давиѣ,
 По собственнѣй крови нога его скользиѣ,
 И умирающій безгласному грозиѣ;
 Онѣ свой кинжалѣ рукой дрожащей изпоргаеѣ,
 Какѣ змѣй раздавленный, все тѣло предвигаеѣ;
 Последню варварѣ кровь стремилися изпочиѣ,
 И чаеѣ тѣмѣ вѣнецѣ на небѣ получиѣ.
 Велика бы сія была Россіи прапа;
 Но младшій старшаго Князь Курбскій встрѣ-
 тилѣ брата,
 Убийцѣ острое копье вѣ хребетѣ вонзилѣ,
 Надѣ тѣломѣ братаинымѣ злодѣя поразилѣ.
 Залившись юный Князь горчайшихѣ слезѣ рѣками,
 Обѣмлетѣ блѣдный трупѣ дрожащими руками,
 Увы, любезный братѣ! стоная вопіеѣ,
 Покинулѣ ты меня, и сей покинулѣ свѣтѣ.
 Но, нѣтѣ! ты живѣ еще ко мнѣ твоею любовью,
 И дружествомѣ во мнѣ, и братаиной живѣ ты
 Я гнѣва моего души не насыщу, (кровью;
 Доколѣ вѣ пепелѣ всю Казанѣ не превращу.
 Израненный взглянулѣ, пожавѣ у брата руку,
 Болѣзненну его убавилѣ вѣ сердцѣ муку;
 О братѣ мой! онѣ вскричалѣ, ты живѣ, на часѣ
 прости! . . .

И ратники съзвавъ, велѣвъ его нести.
Героя ратники какъ пчелы окружили,
Поднявъ сменящаго, на твердый щипъ взложили:
Коль бремя легкое войшельскимъ рукамъ,
Пошпенное для нихъ, но тяжкое сердцамъ!

Межъ шѣмъ, какъ левъ молодой, повсюду
Курбскій рыщетъ,
Бразина въ шѣношѣ и Гидромира ищетъ;
Рамидъ зоветъ онъ за брата опомшптъ,
Въ Мирседовой крови блестящій мечъ омытъ.
Водимый мщеніемъ и храбростью слѣпою,
Онъ вдругъ обѣмлется Казанскою толпою,
И стрѣлы на него какъ градъ густой падутъ;
Тамъ видитъ онъ мечи, чеканы, коцья тупы;
Но тяжело то ему, что мщеніемъ коснѣетъ;
Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногъ своей
имѣетъ;
Преломленно копье въ щипъ его вонитъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
Но тучу онъ враговъ какъ спогны расширяетъ,
Сднихъ мечемъ, другихъ сѣкирой ударяетъ,
И въ полъ на конѣ какъ молнія лепитъ,
Ласкаясь, что врагамъ за брата опомшптъ.

Въ различные мѣста начавшагося боя,
Какъ вихри разошлись Казанскихъ при героя;
Мирседъ съ Рамидою, спасти желая градъ,
Взявъ пламенникъ, зажгли придвигнутый разкашъ.
Какъ нѣкая гора, громада изплѣвается;
Мирседъ съ Рамидой ровъ глубокой преплываетъ,
На стѣны градскія скорые бурь текутъ,
И лѣстницы къ стѣнамъ приспавленны сѣкутъ;
Колеблющаясь они, падутъ; и Россы съ ними
Тѣлами градскій ровъ наполнили своими.

Стоящу на стѣнѣ Мирседу Курбскій рекъ:
Ты щастливъ, что во градъ какъ робкій звѣрь
ушелъ!
Но мстить другимъ врагамъ за брата не оставлю;

Я раны и твои ко ранамъ ихъ прибавлю.
Текущу кровь унявѣ, лепишѣ скорѣе стрѣлѣ
Туда, гдѣ брани огнь свирѣпѣе горѣлѣ.

Готовься къ дивному повѣствованью лира ;
Средь Муромскихъ дворянъ Князь видитѣ Ги-
дромира ,
Которы випязя опрѣзавѣ отѣ полковѣ ,
Его обѣмлюшѣ вокругѣ, какѣ спадо юныхъ львовѣ;
Межъ ними змѣемѣ онѣ является крылашымѣ ,
И движишѣ онѣ щипомѣ какѣ крыліемѣ перна-
тымѣ ;
Ни онѣ себя отѣ нихъ не можетѣ свободитѣ ,
Ни Муромцы его не могутѣ побѣдитѣ .
Какѣ вѣпшѣя свои на землю дубѣ кидаетѣ ,
Но движимѣ бурями, стоитѣ, не упадаетѣ :
Такѣ весь оружіемѣ обремененѣ своимѣ ,
Осыпанѣ тучей стрѣлѣ, стоитѣ неколебимѣ .

Князь Курбскій возопилѣ , алкая съ нимѣ
сразитѣся :
Не стыдно ль множеству съ единымѣ купно
битѣся ?
Храните рыцарскій, герои, въ бранѣхъ чинѣ ;
Оспавыте насѣ , хочу съ нимѣ раповать единѣ .
Услышавѣ Гидромирѣ отважну рѣчь толику ,
Висящу вдоль бедра взялѣ палицу велику ,
Онѣ ею въ воздухѣ полкруга учинилѣ ,
Частѣ Муромскихъ дворянѣ на землю преклонилѣ ,
И Князя бѣ разразилѣ шумящей булавою ;
Но онѣ къ главѣ коня приникѣ своей главою ,
И тако ускользнулѣ, не поврежденѣ ни чемѣ ;
Но Гидромира онѣ поранилѣ въ пахѣ мечемѣ .
Разсвирѣпѣлѣ злодѣй, болѣнїю не внемлетѣ ,
Какѣ мачпу палицу тяжелую подѣмлетѣ ,
И Муромскихъ дворянѣ, и Курбскаго разитѣ :
Тамѣ шлемы сокрушилѣ, тамѣ лапы, тамо щипѣ .
Какѣ дикій вепрь въ чело стрѣлою уязвленный ,
Такѣ мечетѣя вездѣ сей випязѣ развѣяренный .
Князь Курбскій въ грудь его пускаетѣ копїе :

Онъ палицей отбилъ оружїе сѣе ;
 Лворяне копьевъ лѣсъ въ Ордынца направляюще,
 Тѣсняшя, но его ни чемъ не уязвляюще :
 Во швердую броню одѣянъ былъ злодѣй ;
 Но кровь текущая изъ раны какъ ручей ,
 Ослабила его нечеловѣчьи мочи ;
 Онъ тяжко обращаеъ померклы началъ очи ,
 Едва и палицу изъ рукъ не упустилъ ;
 Шагнулся, и коня ко граду обратилъ.
 Младому Курбскому привѣшснвуеиъ побѣда ;
 Бѣгущаго врага не покидаеиъ слѣда :
 Стрѣлой разииъ его, сѣкирою, мечемъ ;
 Онъ быстро въ градъ скакалъ , влекомъ своимъ
 конемъ ;
 Но Курбскій бы низвергъ его въ предѣлы ада ,
 Вдругъ пуля засвисавъ со стѣнъ мятежна града,
 Младому рыцарю ударила въ грудь :
 Врагу очистила, ему пресѣкла пушъ.

Тогда рѣкой текли Казанцы въ градъ бѣгущи,
 И бурей кажушея имъ Россы въ слѣдъ текущи.
 Изображеніе Ордыискія бѣды ,
 Бѣгущихъ къ граду кровь означила слѣды ;
 Но окомъ различить, въ пыли, въ толпѣхъ смя-
 шенныхъ ,
 Со побѣдителей не можно побѣжденныхъ :
 Равно стремителенъ и сихъ и шѣхъ побѣгъ ;
 Такъ съ градомъ иногда совокупляясь снѣгъ ,
 Лепишъ въ ущеліе широкой полосой ,
 И вкупѣ падаетъ, вѣясь чершой косою,
 Лишь можно Росса тѣмъ съ Ордынцомъ раз-
 познать ,
 Что сей спѣшилъ утѣчь, а шомъ стремился
 гнать.
 Казанцы робкіе не вдругъ врага отверзли ,
 Ихъ войски многія въ горахъ, въ рѣкахъ исчезли.

И се! бѣжитъ Бразинъ, какъ молніей гонимъ ;
 Оборонялся онъ еще мечемъ своимъ.
 Микулинскій у рва злодѣя достигаеиъ ,

Но онъ въ глубокой ровъ спремглавъ себя ввер-
гаетъ ;

Кидается съ береговъ, ко граду онъ плыветъ ;
Микулинскій коня за нимъ пускаетъ въ слѣдъ.
Какъ выжлецъ скачущій далеко волка гонитъ ,
Туда склоняя бѣгъ, куда онъ бѣгъ уклонитъ ;
Зубами, кажешся, касается ему :
Такъ рыцетъ въ слѣдъ герой злодѣю своему ;
Въ водѣ его разитъ, онъ прижды погрузился ;
Микулинскаго мечъ въ хребетъ его вонзился ;
Но зря разсѣлну, какъ змѣй ушекъ онъ въ градъ.
Еще Микулинскій не шествуетъ назадъ :
За камень на спѣнъ рукою ухватился ,
Тряхнулъ его, и съ нимъ сей камень опвалился ;
Осыпанъ прахомъ весь, Микулинскій падетъ ;
Главу щипомъ покрывъ, ко берегу вспять плыветъ.

Свирѣпа смерть блюсти Казанцовъ возхо-
титъ ;

На черныхъ крыліяхъ превыше спѣнъ взлетѣла ;
Омытымъ кровію покровомъ облеклась ,
И молнія вокругъ ней епруями извилась ;
Дыханьемъ воздухъ весь селифреннымъ сгуспила,
Со ужасомъ огонь какъ градъ со спѣнъ пустила ;
Въ Россійскіе полки онъ пучей ударялъ ;
За громомъ громъ другій мгновенно ускорялъ.

Благочестивый Царь людей своихъ жалѣя ,
Съ плѣненными послалъ Ордынцами Алея ;
Передъ спѣнами ихъ велѣлъ къ столбамъ вязать :
Не ярось шѣмъ жопѣлъ надъ ними оказать ,
Но войски собственны отъ гибели избавить ;
Ордынцовъ укротить , и звѣрства ихъ убавить.
Какъ жертву плѣнниковъ ко граду повлекли ;
Ихъ видя у тыновъ Казанцы, имъ рекли :
Вамъ лучше умереть отъ рукъ МахOMETанскихъ ,
Чѣмъ кончить свой животъ въ плѣну отъ Хри-
стіанскихъ.

По словъ варварскомъ ударилъ паки громъ,
Какую пѣснь мнѣ пѣшь, какимъ пишашъ перомъ ?

Ордынцы лютые единоверныхъ губящъ! . . .
 И се къ опшесствію трубы Россійски прубящъ;
 Напрасной смерти Царь злодѣямъ не жопѣлъ,
 Ошерженныхъ враговъ друзьями пожалѣлъ;
 Влекише! возопилъ, невольниковъ обратно;
 Похвально побѣждать, но миловать пріятно!

Тогда все войско вепащъ какъ море оплилось;
 Сраженіе у бойницъ еще не прервалось.
 Пылающъ мужесствомъ изъ Муромъ Дворяне;
 Но имъ дающъ оппоръ изъ застѣкъ Агаряне,
 Копоры въ лѣсѣ жопящъ орудія увлечь.
 Какъ жвороспѣ огонь спѣшищъ въ сухой печи
 возжечь,
 Такое въ Муромцахъ свирѣпство вспламенилось;
 Пожаромъ гибельнымъ Ордынцамъ учинилось:
 Разсыпавшись какъ дождь, бѣгущъ опѣ стрѣлъ
 они.
 Такъ пламень ѣспѣ праву во знойны лѣпни дни;
 Очистилось уже опѣ битвы рашно поле;
 Ордынцы скрылись въ лѣсѣ, не видно брани болѣ.

Но полемъ шествуя, съ печалью Царь воз-
 зрѣлъ
 На груды цѣлыя въ крови лежащихъ тѣлъ.
 Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
 Возшедши души ихъ шуда изображали.
 Ордынцы ницъ упавъ, потупя тусклый взглядъ,
 Являли души ихъ низшедшія во адъ.
 Царь съшущъ о сихъ, болѣзнуя о чадахъ,
 Крушеніе носилъ въ величественныхъ взглядахъ;
 Тогда предащъ землѣ шѣла ихъ повелѣлъ;
 Но вишязя межъ нихъ спенящаго узрѣлъ,
 Который ослабѣвъ на мечъ свой опирался;
 Три раза упадалъ, при раза поднимался:
 То Курбскій былъ молодой; лишаемаго силъ,
 Царь вишязя всего въ обѣятія схватилъ;
 Восставилъ, и въ душѣ смущенъ его судьбою,
 Помалу шествуя, во станъ привелъ съ собою.

Не долженъ Князь отъ ранъ подъ градомъ
умереть ;
Но мать въ старости его не будетъ звать :
Въ ея объятія едва онъ возвратится ,
Цвѣтущій вѣкъ его отъ раны прекратится ;
Скорбящій братъ его разслабленъ, утомленъ ,
Къ несчастью своему явился изцѣленъ.

Сумнительная брань Цареву грудь печалила,
Но мужество однихъ, другихъ успѣхи хва-
лила,
Лобзаетъ вѣнзелей, какъ чада своихъ отецъ ,
Награда взоръ его, а слово имъ вѣнецъ .
Возженны пламенной къ опечесству любовью ,
Запечатлѣвъ ее клянутся вѣрной кровью.

Уже покровомъ ночь объемлется густымъ ,
Въ поляхъ явились огни и синій дымъ ,
Какъ будто бы свѣщи возженные при гробѣ :
Убитыхъ предають въ слезахъ земной утробѣ ;
Преображается въ могилу чистый лугъ . . .
Но вѣтры бурные въ брегахъ взревели вдругъ !
Гремятъ, какъ будто бы перуномъ вооруженны ,
Россійскія суда снарядомъ нагруженны ;
И гибнетъ твердая ограда всѣхъ полковъ ,
Металлы тяжкіе лепашь средь валовъ :
Напружилась вода, Борей въ пучину дуетъ ;
Съ водою бурный вихрь, а съ нимъ вода воетъ ;
Но вихрь хребетъ рѣки презубцемъ поразилъ ,
Успалъ, на волну легъ, снаряды погрузилъ .
Какое зрѣлище Царю, вельможамъ, войску !
Вода вливаеи въ спрахъ во грудь и въ мысль
геройску.

Царь будто вдругъ претя смятенью и вол-
намъ ,
Вѣшалъ: погибло все, оспалась храбрость намъ !
На храбрость воины надежду возложите ,
И грудью грады брать искусство покажите .
Мы грудью градъ возмемъ! всѣ воины рекли ;
И съ шумомъ какъ орлы ко епану мошкли.

Тогда увидѣли при мѣсячномъ сїянїѣ ,
 Котораго на станѣ простерлося блистанье ,
 Что нѣкій юноша скинулся межъ шатровъ ,
 Онъ Рускій щипъ имѣлъ и шлемъ себѣ въ по-
 кровъ ;
 Но робкій ходъ его и мѣста обозрѣнье ,
 Вселяющъ во Царя и въ войско подозрѣнье.
 Прерѣзанъ путь ему, и юноша схваченъ ;
 Между мечами онъ къ Монарху привлеченъ.
 Кто ты? у плѣнника герои вопрошающъ ;
 Но твердости его вопросомъ не лишаящъ.
 Увы! опвѣстствуетъ, бѣда мнѣ съ вами брань !
 Не кроюся, мое отечество Казань ;
 Но что въ одеждѣ сей пришелъ столько смѣло ,
 Ищу, хочу найсти родительское тѣло.
 Синонъ! вѣпорый Синонъ! возпїялъ сшени ,
 Ощущъ мой въ брань пошелъ сражаться за меня;
 Увы! онъ кончилъ жизнь; мнѣ шѣнь его явилась ,
 И пражѣ землѣ предашь, рыдая, мнѣ молилась.
 Ахъ! дайте тѣло мнѣ бездушное обнять :
 По крови мнѣ моей легко его познать ;
 Имѣете опцевъ, о Россы ! вы и сами ;
 Надъ сыномъ сжалъсися, молю васъ Небесами ;
 Мое усердіе за щедрость вамъ явлю :
 Вамъ шайны, умыслъ вамъ Казанцовъ обѣявлю. . . .
 Но Царь, познавый въ немъ духъ лести и из-
 мѣны ,
 Въщаль : Бѣги скорай несчастный въ градскіи
 снѣны !
 Бѣги ты! опиши Казанцамъ Росскій станъ ;
 Скажи , что съ войскомъ въ немъ не дремлетъ
 Іоаннъ ;
 Что безъ побѣды онъ отъ града не опсупишъ ,
 И славы никогда измѣнами не купишъ. . . .
 Едва сїи слова съ презрѣньемъ Царь изрекъ ,
 Какъ громомъ пораженъ, лазутчикъ въ градъ
 потекъ.
 Но гордый Едигеръ, питая мысль жестоку ,
 Не къ храбрости прибѣгъ, прибѣгнулъ ко пороку,
 Кто въ сердцѣ чистоты не чувствуетъ прямой,

Тотъ жоуеиъ завсегда прикрытъ свой умыслъ
шмой.

Есть нѣкая гора въ трехъ поприщахъ отъ града,
За ней скрывалася Ордынская засада;
Съ вершины вдоль горы расшетъ дремучій лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
Непроницаемой окруженностью и шмою,
Сокрылъ дремучій лѣсъ засаду за спиною;
Въ горѣ кремнистая ущелина была,
Изъ коей выбѣгаютъ Орда на брань могла.
Толь мѣсто сходное со мрачнымъ духомъ Цар-
скимъ,

Сношеніе свое имѣло съ градомъ Арскимъ,
Который отъ горы лежалъ въ недалекѣ,
Снаряды отправлялъ къ засадѣ по рѣкѣ.
Роскошной пищею толпа сія снабждена,
Была на быстрые набѣги учрежденна.

Лишь только совершалъ печенье свѣшлый
день;

Луна на небо шла, сгущалась въ полѣ шѣнь;
Тогда, какъ жищныя изъ мрачныхъ нырищъ пищи
Смушали Россіяны чрезъ цѣлый кругъ седмицы;
Россійскій седьмъ нощей не зналъ покоя ешанъ.
Съ досадою на сіе взираетъ Іоаннъ;
Онъ силы посылалъ набѣговъ сижъ къ оппору,
Но воины его одну встрѣчали гору,
Дремучій только лѣсъ, непроходимый путь,
Не люди гдѣ ходить, но вѣтры могутъ дуть.
Ордынского Царя сей вымыслъ утѣшаетъ:
Но Іоанну быть великимъ не мѣшаетъ.
Толь часто видимыхъ ко отвращенію бѣдъ
Ревнишельныхъ вельможъ въ шапры свои зоветъ;
Открылъ вину, почто осадю коснѣетъ:
Подземный ходъ, вѣшалъ, успѣховъ не имѣетъ;
Засада приступъ намъ мѣшаетъ предпріять,
Намъ войскъ велику часть удобно потерять.

Тогда Хилковъ возсталъ, являющъ умъ во
взорахъ,

Въ разсудкѣ плодовиѣ, но кратко въ разго-
ворахъ ;
Онъ рекъ Царю : Во вѣкъ мы града не возмемъ ,
Доколѣ изъ засадъ враговъ не изженемъ ;
Межъ дебрей и заравъ они въ лѣсахъ вмѣщены ;
Но имъ дороги къ намъ отовсюду отворены :
Вели прерѣзать имъ со всѣхъ сторонъ пуши ;
Но скромность надлежитъ въ сихъ подвигахъ
блюсти ,
Засада коими привыкла къ намъ спремиться ;
Въ оврагахъ и горахъ вели своимъ сокрыться .
Ко изтребленію Ордынскихъ наглыхъ силъ ,
Ты въ спрѣчу имъ пойдешь , они ударятъ въ тылъ :
Есть Арскій близко градъ , тамъ скопище без-
божно ;
Сіе гнѣздо враговъ разрушить скорѣ можно ;
Осправь шуда полки . . . Царь мужу внялъ сему ,
И съ Суздальскимъ велѣлъ уйти во градъ ему :

Но войски раздѣливъ, какъ плути на двѣ части,
Едину поручилъ Тверскаго Князя власи ;
Велѣлъ ему изъ горъ Ордынцовъ ожидать ,
Въ окопы пропустивъ , кроваву сѣчу дать ;
Къ порядку рашному оставшихся устроилъ ,
И тако воинство и духъ свой успокоилъ .
Спругущая Орду въ то время войска часть ,
Со Троекуровымъ терпѣла злу напастъ ;
Возлечь Россіяне на ихъ мѣстахъ не смѣли ,
На конья опершись , мгновенный сонъ имѣли ;
Изъ за лѣсовъ густыхъ перевозитъ ихъ Казань :
Имъ пища хлѣбъ сухой , спола ихъ были , длань ;
Любовь къ опечеству Россіянъ подкрѣпила ,
Сурову пищу ихъ , сонъ легкій заступила ;
Велико зло сіе , но меньше было тѣмъ ,
Чпо виныамъ судьба прешила чепыремъ
Изъ града изходитъ . Какъ будто хищны враны ,
Ошъ молній убѣжавъ , они цѣлили раны ;
Въ болѣзняхъ не могли Россіянъ возмущать :
Причину скорби ихъ не время мнѣ вѣщать .
Но православія и нашихъ войскъ злодѣя ,

Рокъ лютый въ градъ привлекъ Нигрина чародѣя,
 Рамидина опца. Онѣ внесъ войну, не миръ.
 Уже избавился отъ раны Гидромиръ;
 Возсѣдали витязи Нигриномъ излѣченны;
 Но Россамъ грозы ихъ судьбою пресѣченны.

Уже три раза ночь сгущала мрачну тѣнь;
 Орда изъ засѣки въ четвертый вышла день,
 Которые себя по дебрямъ тайно крыли,
 Россіане враговъ ко стражѣ допустили;
 И спража начала въ окопы отступать,
 Дабы скрываясь, ровъ злодѣямъ изкопать.
 Побѣда вѣрная стремящимся польстила!
 Но Троекуровъ Князь врагамъ ударилъ съ пыла;
 Безспрашно изскочивъ на жолмы изъ кустовъ,
 Съ мечами встрѣтили Россіане враговъ.
 Какъ звѣзды въ лѣпную ночь въ рѣкѣ изображенны,
 По небу движущаяся ни чѣмъ не возмущенны,
 Но въпры прилѣтѣвъ на крыліяхъ своихъ,
 Взволнуютъ верьхъ рѣки и возколеблютъ ихъ:
 Такъ Россы съ двухъ сторонъ коней своихъ пу-
 спили,

И варварски толпы смѣшали, возмутили.
 Казалось, храбрый духъ на крыльяхъ Россовъ
 несъ;

Запворенъ градъ врагамъ, отрѣзанъ сзади лѣсъ;
 Блистаютъ молніи, зіяетъ смерть отовсюду,
 Ни гдѣ спасенья нѣтъ, защиты ни откуду.
 Начальникъ нашихъ войскъ ихъ бѣдствомъ уми-
 ленъ,

Злодѣямъ предложилъ неизбежный плѣнъ.
 Великодушію враги сіи не внемлютъ,
 Опчаянную смерть въ свирѣпствѣхъ предпріемлютъ.
 Какъ будто лютая склубившаяся змѣя,
 Спѣшитъ разкинуться, во чревѣ ядѣ тая:
 Такъ варвары сперва въ единый кругъ стѣснились,
 И вдругъ во все страны разширились, пуспились;
 Но будто твердою площиной сонмамъ водъ,
 Прерѣзанъ воинствомъ Россійскимъ ихъ уходъ:
 Блещащіе мечи отовсюду засверкали;

Тамъ Орды гробъ нашли, победы гдѣ искали;
 Перуны падающе, лещающе копья въ нихъ;
 Пронзенъ въ гортань, упалъ Армазъ, началь-
 никъ ихъ;
 Не узритъ вѣчно снѣ ни дщерей, ни супруги;
 Оставили его и ближніе и други,
 Которые пришли дѣлать корысти съ нимъ;
 Судьба разначила подобный жребій имъ.
 Армазовъ юный сынъ погибнулъ смертию злою:
 Пронзенъ во грудь стрѣлой, песокъ черпавъ
 стрѣлою,
 Его во стременахъ строптивый конь влечетъ,
 И гдѣ влечется снѣ, тамъ кровь ручьемъ те-
 четъ.
 Казалось, мечъ схвативъ свирѣпый ангелъ брани.
 Какъ мѣлничны крылѣ вращалъ ужасны длани,
 Въ Ордынцовъ бросился, поля окровавилъ,
 Успами поглощалъ, спинами ихъ давилъ;
 Кони и всадники обратный путь теряюще;
 Отъ смерти прочь текутъ, но смертию уско-
 ряюще.
 Какъ сонныхъ будто бы людей ночный пожаръ,
 Ввергающе грозный бой въ безпамятство Ташаръ;
 Текутъ въ Россійскій станъ исполнены боязни;
 Не родъ войны то былъ, но родъ жестокой
 казни.

Победа поднесла Россіянамъ вѣнецъ! . . .
 Межъ тѣмъ подземный ходъ свершился наконецъ,
 За трудъ благій успѣхъ Россіянамъ награда!
 Уже приближились снѣ подъ спѣны града;
 Могила шайная, гдѣ лечь Казань должна,
 Искуснымъ Размысломъ была соружена,
 И соотвѣтствуя намѣреніямъ Царскимъ,
 Прорѣзанъ былъ подкопъ въ Казань къ воротамъ
 Арскимъ.
 Коль жилы жизненны когда прерѣшетъ мечъ,
 Тогда не можетъ кровь во связи снѣхъ печь:
 Въ утробѣ такъ земной устроенные ходы,
 Совокупленные пресѣкли съ градомъ воды.

Достигъ искусный мужъ подъ градски тайники,
И въ полъ удержалъ гуляніе рѣки,
Которая во градъ свободный ходъ имѣла;
Почувствуя свой шокъ пресѣченъ, онѣмѣла.
Казань къ струямъ ея печальный междетъ взглядъ;
Лешипъ на крыліяхъ тосклива жажда въ градъ:
Смущенныхъ жипелей приходъ ея превожипъ;
И воображеніе ихъ жажду паче множитъ.

Но Розмыслъ тако рвы устроилъ въ сердцѣ
горъ;
Чію слышатъ могъ въ землѣ Казанцовъ разговоръ:
Увы! чію дѣлалъ намъ, въ подземномъ ходѣ
внемлетъ,
Москва теченіе рѣки у насъ отъемлетъ.
По сводамъ раздался плачевный нѣкій гласъ:
И храбрыхъ вишазей лишила ревность насъ;
Погибли! вопіюшъ, скитаясь вокругъ бойницы,
Погибли! вопіюшъ и жены и дѣвицы.

Повѣдалъ Розмыслъ то, что въ градѣ слы-
шалъ онъ.
Къ осадѣ города не зрѣлося препонъ.
Познавый Іоаннъ Небесной помощь длани,
Селишрой вооружипъ велѣлъ подкопъ къ Казани:
Но долго Царь познать о шайнствѣ не могъ,
Коль грозный вишазей каралъ безъ брани рокъ.

О Муза! отъ твоихъ очей не скрыта древ-
ность:
Вѣдай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;
Среди военныхъ бѣдствъ и зримыхъ стѣнъ въ
Представъ ужасное позорище любви; (крови;
Не бойся перервать военну повѣсть, Муза!
Ты къ нѣгамъ отплетипъ сипъ пѣсней для союза.

Въ горахъ, которыя обѣмлетъ мрачный
лѣсъ;
Струясь, гдѣ лежитъ, высокихъ шѣнь древесъ;
Которыя Гидасъ водами напаяетъ;

Гдѣ вмѣстѣ грозный Еврѣ съ Зефиромѣ обиташѣ ;
Тамѣ люшый волхвѣ Нигринѣ въ вершенѣ дрез-
немѣ жилѣ :

Россіянѣ изпребитѣ онѣ въ мысляхѣ положилѣ ;
Волшебной прелесшю для рыцарей опасну ,
Вѣ бою безстрашную имѣлѣ онѣ дочь прекрасну ;
Любовники отѣ ней не отступали прочѣ ,
Рамидою слыла пустынникова дочь .

Онѣ вѣдая, что бранѣ горитѣ вокругѣ Казани ,
Умыслилѣ пріобрѣстѣ вѣнецѣ въ кровавой брани ,
Противу Христіянѣ воишелей возжечѣ ,
И храбрыхѣ вишазей въ Казанѣ съ луговѣ от-
влечѣ .

Коль многіе изѣ нихѣ, забывѣ гремящу славу ,
Забывѣ родишелей, отечество, державу ,
Вѣ пустыню рабствовать кѣ пустыннику пришли !
Женоподобные съ Рамидой дни вели ,
И кѣ нѣжности склонилѣ прекрасну уповали .
Всегда пригожства лицѣ виною зла бывали !
Сердечной слабостью любовниковѣ младыхѣ ,
Воспользовался волхвѣ, и жаркой спрасшю ихѣ .
Отѣ дерзкихѣ Христіянѣ, онѣ рекѣ, Казанѣ из-
бавишѣ ,

Хощу я дочерь мою кѣ златой Ордѣ отправишѣ ;
Кто, слѣдую за ней, Россіянѣ побѣдишѣ ,
Со мною тошѣ союзѣ и съ нею утвердишѣ ;
Тому въ приданое Казанѣ и всѣ народы ,
Которыхѣ тамо есть безчисленные роды .
Не царство, не корыстѣ , но шлѣины красоны
Ввергающѣ рыцарей въ соблазны и въ мезшы .
Сшо храбрыхѣ юношей ея очамѣ предстали ,
И мужество предѣ ней мечами испытали ;
Но брачный раздѣлишѣ съ Рамидою вѣнецѣ ,
Осталось только три героя наконецѣ :
Свирѣпый Гидромирѣ, Мирседѣ неуспрашимый ,
Бразинѣ, во мнѣнїяхѣ своихѣ непобѣдимый ;
Всѣ шрое думающѣ Рамидой обладашѣ ;
Но сердце женское удобноль отгадашѣ !
Рамида никому любви не явила ,
И паче ядѣ въ сердцахѣ прельщенныхѣ разправила ;

Ласкаетъ всѣхъ проихъ, и всѣхъ проихъ кру-
шитъ ;

Но случай, случай все докажетъ и рѣшитъ !

Колико взоръ она и мысль ни припорила ;

Но рана страсть ея Мирседова открыла ;

Едва ушамъ ея коснулся слабый спонъ ,

Примѣшилъ Гидромиръ, что ей пріятенъ онъ.

Разрывъ условія, съ Казанскихъ стѣнъ стрем-
ленье ,

Догадкѣ выпязя служили въ подкрѣпленье ;

Тогда мечталъ въ тоскѣ и злобѣ Гидромиръ ,

Что будто вокругъ его разрушился весь міръ ;

Смутили умъ его коварства и обманы :

Онъ язву позабылъ, имѣвъ сердечны раны ,

Сии тѣлесныхъ ранъ болѣзненный сто кратъ !

Пылая мщеніемъ, пришелъ обратно въ градъ ;

Но громомъ пораженъ опчаянной любви ,

Отъ скорби ослабѣлъ и отъ изтекшей крови ;

Рука, которая отъ язвъ его спасла ,

Погибель вѣчную Казани принесла.

Опринулъ Гидромиръ, имѣя мысли черны ,

Спокойствія цвѣты, собравъ печалей терны ;

И рыцарства успавъ и совѣсть гонитъ прочь :

Къ Рамидѣ онъ въ черпогъ пришелъ въ едину
ночь ,

И тако ей вѣщалъ : Рамида знаетъ вѣрно ,

Что я люблю ее, люблю ее безмѣрно ;

Твоею прелесью въ пустыню привлеченъ ;

Не сѣтовалъ, что я отъ кровныхъ оплученъ ;

Пещеры предпочелъ долинамъ я цвѣтущимъ ;

И бѣдну хижину меня престоламъ ждущимъ ;

То все ты вѣдаешь, и вѣдаешь и по ,

Что храбростью со мной неравенъ есть никто ;

Россію ли одну у стѣнъ совокупленну ?

Могу къ ногамъ твоимъ повергнувъ всю вселенну !

Мнѣ стыдно подвиги съ Россіей измѣять ,

Пойдемъ со мной, пойдемъ вселенну покорять !

Пойдемъ отсель ! мнѣ брань безславная ску-
чается ,

Да нашу спрасъ вѣнецъ вселенныя вѣнчаетъ !

Рамидъ гордый духъ его извѣстенъ былъ ;
Противенъ рыцарь ей, коль много ни любилъ.
Вѣщала: мнѣ велѣлъ того избрать родишель ,
Кто будетъ храбрыхъ войскъ Московскихъ по-
бѣдитель ;

Я жду побѣды сей успѣховъ и конца ;
Незнающей любви , мнѣ всѣ равны сердца. . . .

Тогда, какъ будто бы желѣзо разкаленно ,
Которо блескъ даетъ онъ млатовъ возпаленно ,
Съ досадой Гидромиръ на вишязьку возрѣлъ ;
Свирѣпый гнѣва огонь въ очахъ его горѣлъ ;
Онъ рекъ: жестокая! тебѣ нужна побѣда !

Мы всѣ тебѣ равны ? а любишь ты Мирседа ;
Индѣйца слабаго сравнила ты со мной ?

Забудь его теперь, простися съ сей спраной ,
Пойдемъ шуда , гдѣ ждущъ короны Гидромира ;
Пусть рыцари шуда всего сберутся міра ,
Могу ошвѣстѣ съ мечемъ единъ вселенной дать ;
Умѣю ли побой владѣть и побѣждать !

За всѣ мои труды мнѣ ты одна награда ;
Мой конь уже готовъ, ступай со мной изъ града !

Но дочь Нигринова кинжалъ свой извлекла ,
Поспой, преступникъ кляпъ ! поспой! она рекла,
Рамида данныхъ кляпъ Нигрину не забудетъ ;
Кто Россовъ побѣдитъ, моимъ супругомъ будешь ;
Ты кляпъ далъ сѣю, и тако всѣ клялись :

Иди противъ враговъ, или со мной сразись! . . .

Пишая Гидромиръ къ Рамидѣ уваженъ ,
Съ дѣвицей поспавлялъ презрительнымъ сраженъ ;

Однако гордую ея внимая рѣчь ,
Изъ града силою хотѣлъ ее извлечь ;

Но пробужденные отъ крѣпка сна Нигриномъ ,
Къ Рамидѣ во чертогъ вбѣжалъ Мирседъ съ Бра-
зиномъ ;

Когда уже себя Срашнѣ успѣхомъ льстилъ ,
И весь щитомъ закрытъ, Рамиду ухватилъ ;
Какъ будто двѣ змѣи, свои исунувъ жалы ,
Изпоргли рыцари блестящѣе кинжалы ;
Кляпъ преступнику въ хребетъ вснаютъ ихъ .
Познавый Гидромиръ соперниковъ своихъ ,

Подобны молніяхъ свирѣпы взоры мещетъ.
 Рамиду заслупивъ бѣснуется, скрежещетъ,
 Всю прапу онъ свою въ умъ вообразилъ;
 Мечъ поднялъ, наступилъ, соперниковъ сразилъ:
 Во звѣрской ярости опсѣкъ главу Мирседу,
 Онъ вскрылъ Бразину грудь и довершилъ побѣду!
 Рамида въ оный мигъ, къ спасенью своему,
 Вонзила мспительный кинжалъ въ горпанъ ему.
 Омылись рыцари дымящею кровью,
 Пошли ихъ души въ адъ съ позорною любовью;
 Попоки крови ихъ бѣгутъ другъ другу въ слѣдъ.
 Рамида видяща, что мертвъ лежитъ Мирседъ,
 Падетъ, надъ нимъ падетъ, и тѣло лобызаетъ,
 Въ опчаянѣ она кинжаломъ грудь пронзаетъ . . .
 Несчастная любовь! прежалостный конецъ!
 Вотъ жребій жаждущихъ плотскихъ утѣхъ
 сердецъ!

Нигринъ въ смущеніи въ чертогъ къ Рамидѣ
 входитъ;
 На мертвыя тѣла туманный взоръ возводитъ,
 Воищелей въ крови, Рамиду познаетъ.
 Что вижу я! увы! что вижу! вопіетъ:
 О дочь, любезна дочь! швои зашмились взоры,
 Лишилась въ рыцаряхъ Казань своей подпоры.
 Но не расстануся во вѣки съ вами я;
 Наука оживитъ моихъ друзей моя.
 Наполнилъ спрашными геенну онъ словами,
 И превратилъ тѣла крылашными змїями.
 Въ семъ видѣ, онъ вѣщаль, вы должны въ мїрѣ
 житъ,
 И въ пагубу при мнѣ Россіянамъ служишь.

Но горестъ излилась какъ ядъ въ сердца
 народу,
 Что опиялъ рокъ у нихъ и рыцарей и воду.
 Уже погибели не изчисляя мѣръ,
 Въ опчаяніе впалъ жестъ кій Едигеръ;
 Съ народа для Москвы въ умъ собираетъ дани,
 И хочетъ отворить Царю врага Казани;

Но часъ Россіянамъ побѣды не пришекъ.
Предсталъ Нигринъ Царю, и тако въ гнѣвѣ рекъ:
О Царь! не унывай; я власть еще имѣю,
И Россевъ отвратишь отъ спѣхъ твоихъ умѣю:
Я воду източу изъ воздуха для васъ;
Ошмщу за дочь мою, воздвигну спужи, мразъ,
Воздвигну жипрости волшебныя отъ града,
Свирѣпость, оружу подвласнаго мнѣ ада:
Не могушъ мщенія злодѣи претерпѣть:
Оснавятъ градъ, иль имъ подъ градомъ уме-
реть!

Помедли три луны; о Царь! я вѣрно льщуся,
Что съ бурями къ тебѣ и съ мразомъ возвра-
щуся. . . .

Вѣщая тѣ слова, на мрачный облакъ сѣлъ,
И влечь себя змѣямъ крылатымъ повелѣлъ.
Они бы въ ярости другъ друга изпребили,
Когда бы не волжвомъ обузданными были.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ НА ДЕСЯТЬ.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льди-
стыхъ горъ ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный соспа-
вляющъ ,
И солнечныхъ лучей паденье пригупляющъ ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ ,
Изсѣченъ изъ льда сплоскъ обширный домъ :
Тамъ бури, тамо жладъ, тамо вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра ,
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра ;
Соперница весны, и осени, и лѣта ,
Изъ снѣга сотканной порфиною одѣта ;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары ;
Престолъ имѣетъ видъ алмазные горы ;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны ,
Сребристый мечущъ блескъ лучами озаренны ;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ ;
Спихія каждая движенья не имѣетъ :
Ни воздухъ проронится , ни огонь пылать не
смѣетъ ;
Тамъ пещеры нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтущъ ;
Вода расплещена надъ сводами лучами ,
Окаменѣвъ виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы въ воздухъ вѣщаемы слова ,
Но все заслужено, натура вся мертва ;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ ;
Гуляютъ инѣи, зефиры тамъ нѣмѣютъ ,

Мятели вьются вокругъ и производятъ бѣгъ ,
 Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ ;
 Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ ,
 Единымъ видомъ кровь котеры заспужаютъ ;
 Спѣсненны мразами , составили снѣга
 Сребристые бугры, алмазные луга ;
 Ошполъ къ намъ Зима державу простираетъ ,
 Въ поляхъ праву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ ,
 И соки жизненны древесные сосетъ ;
 На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ ;
 День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ
 ночи ,
 И солнцу отвращаетъ великъ свѣщающіи очи ;
 Ее со препенемъ лѣса и рѣки ждущъ ,
 И спужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядущъ ;
 На всю нашуру сонъ и страхъ она наводитъ .

Влекомъ змїями къ ней, Нигринъ въ пещеру
 входитъ ;
 Безбожный чародѣй , вращая смутный взглядъ ,
 Почувствовалъ въ крови и въ самомъ сердцѣ
 хладъ ;
 И превратился бы Нигринъ въ спуденый камень,
 Когдабъ не согрѣвалъ волхва геенскій пламень ;
 Со страхомъ осмопрѣвъ ужасныя мѣста ,
 Отверзъ дрожащія и мерзлыя уста ,
 И рекъ царицѣ мѣстъ: О страхъ всея природы !
 Тебя боятся громъ, тебя огонь и воды ;
 Мершвѣющъ вокругъ тебя природы красоты ,
 Она живошворитъ , но жизнь отъземлешь ты ;
 Хаосъ тебѣ отецъ, и дщерь швоя Ничтожность !
 Поборствуй шаршару, и сдѣлай невозможность :
 Хотя зашворена швоихъ вершеповъ дверь ,
 И осень царствуетъ въ полунощи теперь ;
 Разрушь порядокъ свой, сними, сними зашлепы ,
 Мятели свободи, морозъ, снѣга свирѣпы ,
 Необнаженная и швердая земля ,
 Теперь одры для нихъ цвѣшущія поля ;
 Теперь безстрашныя Россїяне во брани ,
 Ругаясь шобой, стоятъ вокругъ Казани ;

Напомни имъ себя, твою напомни мочь :
 Гони ихъ въ дома вспяшь онъ спянь Казан-
 скихъ прочь ;
 Твои способности, твою возможность знаю ,
 И шаршаромъ себя въ семь дѣлъ заклиною ,
 Дай бури мнѣ и хладъ ! . . . Согбенная Зима ,
 Россійской алчуща погибелю сама ,
 На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла ,
 Дожнула — спужа вмигъ на крыльяхъ излестѣла.
 Родится лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ ,
 Къ чему припронесся , преобращаетъ въ ледъ ;
 Гдѣ ступишь , подъ его земля хруститъ пя-
 шую ,
 Стѣсняетъ , жметъ , мертвитъ , сражаясь съ
 теплою ;
 Свои изчадія въ оковы заключивъ ,
 Вышла такъ Зима Нигрину, поручивъ :
 Возьми алмазну цѣпь влеки шуда свободно ,
 Гдѣ мразовъ мощь тебѣ испытывать угодно ;
 Се вихри! се снѣга! иди . . . Явлюсь сама ,
 Явлюсь Россіянамъ . . . узнають , кто Зима !

Подобенъ съ вѣтрами плывущу Одиссею ,
 Нигринъ отправился въ Казань съ корыстью сею.
 При востодѣ прешіей луны къ Царю пришекъ ;
 Народу съ бурями опраду онъ привлекъ.
 При вихряхъ радости повѣяли во градъ ,
 Когда готовились Россіяне къ осадѣ.
 Но прежде чѣмъ Нигринъ простеръ на Россовъ
 гнѣвъ ,
 Четырехъ свободилъ отъ пагубы змѣевъ :
 Рамида, любяща обильны прежде пашвы ,
 И млечныя отъ стадъ и съ поля вкусны яшвы ,
 Веселій ищуща во прахъ и въ пыли ,
 Рамида скрылася во внутренность земли.
 Который изъ любви слѣялъ себѣ кумира ,
 Токъ водный поглотилъ на вѣки Гидромира.
 Единымъ суешамъ идущій прежде въ слѣдъ ,
 Въ стихію прелетѣлъ воздушную Мирседъ.
 Бразинъ пылающей свирѣпостью и гнѣвомъ ,

Гесны погложенъ ненасытимымъ зѣвомъ ,
И тако перешелъ въ печально царство шмы.

Но что при сихъ мечтахъ остановились мы!
Готовясь Казань изобразить погнанну ,
О Муза! обратимъ нашъ взоръ ко Иоанну.

Уже въ подобіе чреватыхъ горъ огнемъ ,
Селищю подкопъ наполненъ былъ совѣмъ ;
И смерть имѣющій въ своей утробѣ темной ,
Горящей искры ждалъ въ крошечности подземной.
Подъ градомъ адъ лежашъ ; во градѣ мразъ и
хладъ !
Царь ждешъ, доколь Хилковъ прїидетъ въ станъ
назадъ.

И се полки его съ Хилковымъ возвратились ,
И гладны времена въ роскошны прешворились ;
Сокровища свои хранила гдѣ Орда ,
Градъ Арскій, яко прахъ, развѣянъ былъ тогда;
Изчезнулъ древними гордящійся годами ,
Пустыни принялъ видъ, распавшись со спадами.
Россіяне его остатковъ не спасли ;
Съ побѣдой многія богатства принесли.
Терпящи нищету, и голодомъ утомлены ,
Россійски вдругъ полки явились оживленны ;
На часни пригнанныхъ дѣляшъ спада воловъ ,
Пиръ сославились на высотѣ холмовъ ;
Ликуютъ воины, припасами снабженны ,
И злато видно тамъ и ризы драгоценны.
Но совѣсть воинамъ издалека грозилъ ,
Которыхъ злата блескъ и роскошь заразилъ ;
Герои таковы надежда естъ Державы ,
Которымъ льстятъ одни вѣщцы безсмертной
славы ;

Но Царь внесенныя сокровища къ нему ,
Въ награду воинству назначилъ своему.
Такою храбростъ ихъ корыстью награждена ,
Могла корыстью бытъ взаимно побѣждена ,
И вскорѣ то сбылось ! . . . Ошважный Иоаннъ
Уже повелѣвалъ подвигнуть рацный станъ ;

Въ долинахъ воинство пренятсѣва не встрѣчало,
Осады пламенной приблизилось начало.

Возволновался вдругъ природы спройный чинъ :
Пришедый съ бурями и мразами Нигринъ ,
На стѣны съ вихрями какъ облако восходитъ ,
Оковы сѣмлетъ съ нихъ, въ движеніе приводитъ ;
На войски указавъ, лежащи за рѣкой ,
Туда онъ гонитъ ихъ, и машетъ имъ рукой :
Летите! вопіетъ, на Россовъ дхните прямо !
Разсыпьте тамъ снѣга, развѣйте спужи тамо! . . .
Онъ бури свободивъ, вершится съ ними вкругъ (*).
Какъ пщицы хищныя, спущенны съ пущелъ вдругъ,
Поля воздушныя крилами разсѣкаютъ ,
На спадѣ голубей паренье успремляютъ :
Съ спремленьемъ таковымъ оставивъ скучный градъ ,

На бѣлыхъ крыліяхъ летятъ морозы, жладъ ,
И воздухъ льдистыми наполнился иглами.
Россіянъ снѣжными покрылъ Борей крилами ;
Поблекла тучная зеленость на лугахъ ;
Вода наморщилась и спынетъ въ берегахъ ;
Жестокая Зима на паспвы возлегаетъ ,
И грудь прижавъ къ землѣ, жизнь къ сердцу
припягаетъ :

У щедрой Осени престола она беретъ ,
И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей трепетъ.
Мертвѣютъ въ пшьями лѣса кругомъ шумящи ;
Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи ;
Увяла сочная безвременно трава.
Нашура видима томна, блѣдна, мертва ;
Спада, шѣснимыя машелями и жладомъ ,
Въ единый жмутся кругъ, и погибаютъ гладомъ ;
Крупились по льду вихрь, спремилсь воздухъ
сжатъ ;

Не могутъ ратники оружія держащъ.
Изъ облака морозъ съ стрѣлами вылетаетъ ,

(*) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ временъ согласно повѣствуютъ.

Всѣхъ ранишь , всѣхъ язвишь , дыханье опни-
маешь.

Россійски рашники уже не ко спѣнамъ ,
Но храбростью горя, бѣгунъ къ своимъ огнямъ ;
И тамъ спуденый вихрь возженный пламень
шумишь ,

Зима всѣ вещи въ ледъ преображаетъ, сушишь.

Не грѣешь огонь, вода рѣчная не печетъ ,

Земля сѣдетъ вокругъ, и воздухъ зрится сѣдъ.

Уже спасенія Россіяне не чають ;

Смущенны, на спѣнахъ Нигрина примѣчаютъ ,

Который въ торжествѣ съ Казанцами ходилъ ,

Руками дѣйствуя, морозы наводилъ.

Сіе Казанское лукавое злодѣйство

Признали рашники за адско чародѣйство.

Всплывше солнце въ знакъ Вѣсовъ узрѣвъ они,

Далеко отъ себя считали зимни дни ;

Въ противны времена естественному чину ,

Поставили зимѣ волшебную причину.

Нигринъ, который ихъ перевозить продолжалъ,

Россіянь вихрями и спужей поражалъ.

Но Царь благій совѣтъ священныхъ стар-
цевъ внемлешь ,

Который помощью врачебною пріемлешь ;

И чародѣйствіе и шартаръ отразить ,

Велѣлъ поднявъ Хоругвь священну водрузить ,

На ней изображенъ въ сіяніи Спаситель ,

Геенскихъ умысловъ всемогущный побѣдитель ;

Святыня на челѣ , во взорахъ Божество ,

Сулили надъ врагомъ Россіи торжество.

Благопріятствуешь Россіи мысль Царева ;

Во знамѣ часть была животворяща древа ,

На коемъ Божій Сынъ, являя къ намъ любовь ,

Къ спасенью грѣшниковъ безцѣнну пролилъ кровь ;

И сею кровью міръ отъ ада избавляетъ.

Се ! вѣрныхъ Крестъ святой вторично изку-
пляетъ.

Божественную пѣснь священники поютъ ;

Возжегся еиміямъ, и бури престають.

Свѣтило дневное воздушны своды грѣя,
Обезоружило свирѣпаго Борея;
Зефирами гонимъ, онъ тяжко возсеналъ,
Мятели предъ собой, и бури вспяну погналъ.
Теряютъ силу всю Нигриновы угрозы,
Въспрѣ крылія свернулъ, ушли въ Кавказъ морозы;
Сѣдые у Зимы распаяли власы;
Пріемлютъ жизнь въ поляхъ естесивенны красы.
Но риза, чемъ была Казань вкругъ спѣну одѣта,
Та риза солнечнымъ сіяніемъ согрѣта,
Лишилась бѣлизны и распутилась врозь,
Тончаетъ, и хребетъ земный проходишь сквозь.
Россіянъ строга зима не побѣдила,
Но снѣжная вода подкопы повредила;
Она въ употребу ихъ ручьями протекла,
Селипру пламенну въ недѣйство привела.

Явленіемъ святымъ животворящя войски,
Воскресли въ ихъ сердцахъ движенія геройски;
И видя помощь къ нимъ низпосланну съ небесъ,
Ликуютъ посреди Божественныхъ чудесъ.
Къ осадѣ ихъ сердца, готовы къ бранямъ руки;
При пѣніи святомъ внимаютъ трубны звуки.

Адашевъ и Алей! я вашу крепость зрю:
Вы мира сладости представили Царю;
Ко ближнему любви, и крепости послушный,
Пріемлетъ Іоаннъ совѣтъ великодушный;
Онъ видѣлъ всѣхъ подпоръ лишенную Казань,
И руку удержалъ, держащу громъ и брань;
Предпочитающій сраженіямъ союзы,
Съ Казанца плѣннаго снимаетъ тяжки узы;
Великъ его во градъ мятежный опуститъ,
И тамо ихъ Царю съ народомъ возвѣститъ,
Что рока близкаго себя они избавятъ,
Когда Россіянамъ ихъ древній градъ оставятъ;
Или врата свои Монарху отворя,
Пріимутъ отъ него законы и Царя,
И тако возвращатъ наслѣдіе и права
Обиженной отъ нихъ Россійскія державы.

Нечаянной своей свободой вооруженъ ,
 Казалось , плѣнникъ былъ крилами въ градъ не-
 сенъ .
 Простерла ночь тогда съ звѣздами ризу темну ,
 И Розмыслъ паки вшелъ во глубину подземну .
 Сумнѣніе съ Ордой о мирѣ Царь имѣлъ ,
 Водой размышый путь исправить повелѣлъ ;
 Гробница мрачная была совсѣмъ опверста ,
 И городъ поглотить , ждала ко знаку перста .

Въ то время свѣтлая открылись небеса ,
 Во мракѣ озаривъ различны чудеса :
 Внѣ града слышались Казанскихъ тѣней споны ,
 Внимались во стѣнахъ церквей Россійскихъ звоны ;
 Остановилося печенье ясныхъ звѣздъ ,
 Простерлась лѣстница къ землѣ отъ горнихъ
 мѣстъ ,
 Небесны жители на землю низходили ,
 И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили .
 Надъ градомъ облако багровое лежишь ,
 Вздыхающъ горы шамъ , и зданіе дрожишь ;
 Тамъ жены горькихъ слезъ не знающъ ушоленья :
 Вѣщающъ близкій рокъ имъ страшныя явленья ;
 Ожесточенная и гордая Казань
 Крѣпится , бодрствуетъ и движется на брань :
 Такъ змѣй , копьемъ пронзенъ , болѣнью не внем-
 летъ ,
 Обвившись вокругъ копья , главу еще подбемлетъ .
 Нигринъ пророчествомъ Казанцовъ веселитъ ,
 Даетъ видѣньямъ полкъ , побѣду имъ сулитъ .
 Невольникъ присланный во градъ остается ;
 Съ другими во стѣнахъ онъ вскорѣ погребется .

Едва заря луга румянитъ начала ,
 Упала предъ Царемъ пернатая стрѣла ,
 Копорую Казань съ высокихъ стѣнъ пустила ;
 Писаніе къ стрѣлѣ съ презрѣньемъ прикрѣпила :
 Какъ древу сей стрѣлы вѣкъ не прожвѣшатъ ,
 Такъ Россамъ царства вѣкъ Ордѣ не уступатъ . . .
 Уступитъ его ! вѣщаетъ Царь съ досадой ,

И войска двигнулся съ великою громадой.
 Такъ басни брань боговъ изображающъ намъ,
 Когда Олимпъ оимщаль ихъ злость земнымъ
 сынамъ;
 Перунами Зевесъ со многозвѣдна трона,
 Разилъ кичливаго и гордаго Тифона;
 Весь адъ воспрепешаль, и всей вселенной связь,
 Въ превогъ ропотной дрожала устрашась.
 Со всѣхъ сторонъ трубы во епанъ возгремѣли,
 Казанцы робкіе смушились, онѣмѣли;
 Но видя молніи оружіи подъ спѣной,
 Весь градъ, обѣмлемый какъ будто пеленой;
 Казанцовъ Едигеръ на спѣны призываеиъ.
 Опчаянне плодомъ свирѣпости бываеиъ!
 Опрыгнувъ подлую Россіянамъ жулу,
 Готовяиъ на спѣнахъ кипящую смолу;
 Горшани мѣдныя, рыгающія пламень,
 Горящи углія, песокъ, разженный камень;
 Блистающъ тучи спрѣль Россіяиъ опиражашъ;
 Не можеиъ Россовъ громъ ни пламень удержашъ;
 Какъ будто посреди цвѣшовъ въ глухой пу-
 сшынѣ,
 Росскійскіе полки дерзаютъ въ стройномъ чинѣ;
 Подобно молніямъ доспѣхи ихъ горятъ;
 Казалось, то орлы прошиву тучъ паряиъ:
 Весь воздухъ пѣніе святое наполняеиъ.
 Самъ Богъ, самъ Богъ съ небесъ идущихъ освѣ-
 няеиъ,
 И лаврами побѣдъ благословляеиъ ихъ!
 Остановился вѣпръ, и шумъ рѣчный утихъ;
 Повсюду теплое возносившя моленье;
 Во градъ слышанъ вопль, внѣ града умиленье;
 Въ спѣнахъ гремѣщій звукъ превогъ возпробилъ,
 Но онъ произительнымъ подобенъ спсенамъ былъ;
 Уныены внемлюшя шамъ гласы мусикійски;
 Благоговѣніе бодритъ полки Россійски;
 За вѣру и народъ грядущъ ополчены,
 Со псалмопѣніемъ священныя Чины;
 Святою воинство водою окропляющъ,
 И хѣброссти огни во ратникахъ пылающъ.

Какъ солнце, видимо во славу при веснѣ,
 Такъ войску Царь предшлѣ, сѣдящій на конѣ;
 Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ приносишъ,
 Господней помощи сражающимся просишъ:
 О Боже! вопіешъ, вѣнчаемый Тобой,
 Мамаю сокрушилъ Димитрій, предокъ мой,
 У Невскихъ береговъ Тобой поправлены Шведы;
 Тамъ храбрый Александръ пожалъ вѣнцы победы:
 Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
 Дай помощь намъ, Казань, о Боже! низложишъ;
 Вели торжествовать Твоей святыни дому. . . .
 Онъ рекъ; — слова его подобны были грому;
 Въ пылающихъ сердцахъ Россіянъ раздались,
 И стѣны гордыя Казани потряслись.
 Промчался въ полѣ гласъ, какъ нѣкій шумъ ду-
 бровы:
 Пролишь за вѣру кровь Россіяне готовы!
 И вдругъ умолкнулъ шумъ, настала тишина:
 Такъ вышедъ на берега, смирятся волна.

Тогда послѣдую благоволеньямъ Царскимъ,
 Князь Курбскій издѣленъ, къ врагамъ подвигся
 Арскимъ;
 Съ другой страны покрылъ Нагайскихъ часть
 полей,
 Съ отборнымъ воинствомъ безспрашный Царь
 Какъ камни нѣкіе казались въ пучинѣ, (Алей:
 Вельможи храбрые Россійскихъ войскъ въ срединѣ;
 Различной красою убранство ихъ цвѣтешъ;
 Но разносити въ огнѣ сердечномъ къ славу нѣшъ.
 Полки, какъ Богъ мѣры, въ порядокъ Царь уста-
 вилъ,
 И давъ движеніе имъ, къ осадѣ ихъ направилъ.
 Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
 Къ моленью теплomu въ неоплаченный станъ;
 Но войску повелѣлъ идущему ко граду,
 Услышавъ грома звукъ, начать тотчасъ осаду.

Сей знакъ съ надежной былъ побѣдой со-
 пряженъ;

Ужъ Розмыслъ вшелъ въ подкопъ, огнемъ воору-
 И молнія была въ рукахъ его готова; (женъ,
 Ужасный громъ родишь, снѣ ждалъ Царева слова.
 Тогда воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
 Молитвы шеплыя излилъ Владѣтель самъ.
 Господь съ умильностью молишвамъ Царскимъ
 внемлетъ;
 Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ пріемлетъ:
 Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ шучь,
 Царю влилася въ грудь и проліяла лучъ.
 Воззвалъ, внимающей свяшую литургію:
 О Боже! подкрѣпи, спаси, прославь Россію! . . .
 И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.
 Едва сей важный спихъ Пресвитеръ произнесъ:
 Единый пастырь днесъ едина будетъ спада . . .
 Разрушился вдругъ подъ градомъ связи ада;
 Поколебалися и горы и поля;
 Ударилъ спрашый громъ, разсѣлася земля;
 Трепещетъ, мечется и воздухъ весь сгущаетъ;
 Казалось, міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ;
 Разверзлась мрачна жлябъ, изходитъ дымъ съ
 огнемъ;
 При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.
 Мы видимъ вешаго въ преданіяхъ закона,
 Какъ спѣны гордаго упали Ерихона,
 Едва гремящихъ трубъ спѣнамъ коснулся звукъ:
 Казански рушились твердыни тако вдругъ.
 Разпоргнувъ молніи проломъ въ спѣнахъ воз-
 женныхъ;
 И побѣдителей спрашатъ и побѣжденныхъ.
 Осыпалъ темный прахъ и горы и луга;
 Земля волнуется, вздымаютъ берега,
 Изображеніе Казанскія напасти,
 Лешаютъ ихъ тѣла, разпоргнуты на части:
 Въ развалинахъ они кончаясь вопіютъ,
 Но громы слышатъ ихъ стenanья не даютъ.
 Нигрихъ, опломкомъ въ грудь отъ камня пора-
 женный;
 Валился вмѣстѣ съ нимъ въ глубокой адъ без-
 денный;

Вращаясь лешѣль при дни, при ноши онѣ ;
Въ гееннѣ рвеніѣ власы, пускаешъ тяжкій спонѣ.
Пріемлетъ таковой конецъ всегда злодѣйство!

Но дымъ густый закрылъ полковъ Россій-
скихъ дѣйство ;
Князь Курбскій съ воинствомъ кидается въ про-
ломъ ,
Сгонъ черезъ огни, чрезъ громы вноситъ громъ ;
Преходитъ градски рвы, спѣною заваленны ;
Преграды размешалъ, огнями возпаленны.
Какъ бурная вода, плошину разорвавъ ,
Вломился онъ во градъ, примѣръ другимъ подавъ ;
По спогнамъ жилищей встрѣчающихся рубишь ,
Разишь , спѣсняетъ , жметъ , побѣду въ градѣ
трубитъ ,
Съ другой страны Алей, какъ будто страшный
левъ ,
Съ полками на раскатъ и съ громомъ возлещевъ ,
По лѣспвицамъ спрѣльницъ Казанскихъ дося-
гаетъ ,
Кипящій варъ, песокъ, огонь пренебрегаетъ ;
Онъ пламень опряхнувъ со шлема и власовъ ,
Касается одной рукою спѣнъ зубцовъ ;
Другой враговъ разишь , женетъ , на спѣны
всходитъ ;
Неустрашимостью спрахъ, ужасъ производитъ.
Какъ солнечнымъ лучемъ влекомая вода ,
Текутъ ему во слѣдъ его полки пуда.
О диво! взносятся знамена не руками ,
Возносятся они на спѣны облаками.
Какъ легкимъ бурный вѣтръ играющій перомъ ,
Россіяне враговъ свергающъ бросивъ громъ.
Со трепетомъ мѣста Казанцы покидаютъ ,
Кидаются со спѣнъ, иль паче упадаютъ.
Но яко часть горы, отъ жолма отдѣлясь ,
Валишь дубовый лѣсъ, со спукомъ внизъ катясь ;
Или какъ грудью вѣтръ корабль опровергаетъ :
Шумящъ оружіемъ, Алей во градъ вбѣгаетъ :
Все ломитъ и крушитъ, опмщеніемъ разженъ ,

Ему не внятенъ стонъ мужей, ни вопли женъ.
 Россійскіе полки, Алеемъ ободренны,
 Бросаются къ врагамъ, какъ тигры разъяренны;
 Спѣсняяютъ, колятъ, бьютъ, сражаются; и
 Услышали вблизи мечей и копій звукъ; (вдругъ
 Россіяне враговъ, друзей Казанцы чаютъ;
 Но Курбскаго въ дыму далеко примѣчаютъ,
 Который на копѣ противника небесъ,
 Вонзенную главу Ордынска Князя несъ:
 Померклымъ глазъ она еще не зашорила,
 И мнилася, жителямъ смиришесь! говорила.
 Сей Князь съ державцемъ ихъ воспитанъ вмѣстѣ
 Къ Россіи за вражду народъ его любилъ; (былъ,
 Но зря его главу несому предъ полками,
 Смутились, дрогнули, и залились слезами.
 Казалось, казнь и смерть опчаянныхъ разитъ;
 Такоежъ бѣдство имъ, иль вѣщее грозитъ,
 Зіяютъ изъ главы, имъ зрится, черны жалы.
 Казанцы въ ужасъ изторгли вдругъ кинжалы;
 Единъ изъ воиновъ въ неистовствѣ речетъ:
 Вы видите, друзья! что намъ спасенья нѣтъ;
 Предупредимъ позоръ и намъ грозящи муки,
 У насъ кинжалы есть, у насъ оспались руки;
 И вдругъ кинжалъ вонзилъ внутрь чрева своего;
 Дрожаща внутренна упала изъ него.
 Жестокій сей примѣръ другихъ ожесточаетъ:
 Братъ брата, сынъ отца въ безумствѣ поражаетъ;
 Междоусобное сраженіе началось,
 И крови озеро со звѣрствомъ пролилось.
 Безчеловѣчное такое видя дѣйство,
 Россійски воины забыли ихъ злодѣйство;
 Ко избавленію враждующихъ текутъ,
 Вломившись въ тѣсноу, изъ рукъ кинжалы
 рвутъ,
 Смиряютъ варваровъ, ихъ злобу уполяютъ,
 Хопающихъ смерти имъ, отъ смерти избавляютъ.
 Но жалилъ иногда полмертвая змѣя
 Спасителей своихъ, въ утробѣ ядъ тая:
 Единъ признательнымъ Ордынцемъ притворился,
 Весь кровью орошенъ, онъ Россамъ покорился.

Лишь только подступилъ Россіянинъ къ нему,
 Онъ мечъ его схвативъ, вонзилъ во грудь ему.
 Къ Алею бросился съ поносными рѣчами,
 И тамо кончилъ жизнь пронзенный сквозъ мечами.
 Другіе дней скончашъ спокойно не могли;
 На кровы зданіевъ горящихъ пошекли,
 Стрѣлами и огнемъ Россіянъ поражали,
 Сгарая, мщенья жаръ въ герояхъ умножали.
 Россіянъ огонь губилъ и улицъ шѣноша;
 Но града часть сія уже была взята.
 Какъ два источника, съ вершины горъ текущи,
 И камни тяжкіе и съ корнемъ лѣсъ влекущи,
 Гремящею волной разятъ далече служъ;
 Полспада потерявъ на холмъ бѣжитъ паспужъ,
 Трепещущъ и унылъ на пажити взираетъ,
 Которы съ жижиной шокъ бурный пожираетъ:
 Тамъ съ Курбскимъ Царь Алей победы умножалъ;
 Такъ робко Едигеръ отъ грома прочь бѣжалъ;
 Разрушилась его надежда со стѣнами;
 Онъ скрылся въ испуканъ съ прекрасными женами:
 Пророчествомъ своихъ волхвовъ предубѣжденъ,
 Еще ласкался бытъ на тронъ утвержденъ.
 Уже Россіяне препоны не встрѣчали,
 И вскорѣбъ лавры ихъ во градъ увѣнчали;
 Но вдругъ сквозъ бурный огонь, сквозъ пыль,
 сквозъ черный дымъ,
 Корыстолюбіе какъ шѣнь явилось имъ:
 Ихъ взоры, ихъ сердца, ихъ мысли обольщаетъ,
 Ищите въ градъ вы сокровищей, вѣщаетъ.
 Затмились разумы, прельсился златомъ взоръ;
 О древнихъ спыдъ времянъ! о воинства позоръ!
 Кто въ злою влюбился, шотъ славу позабудетъ,
 И шверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ
 будетъ.
 Прельщенны ратники, принявъ корысти ядъ,
 Для пользы собственной берутъ, казалось, градъ;
 Какъ пшицы жищныя къ добычѣ устремились;
 По стогнамъ пошекли, во зданія вломились;
 Корыстолюбіе повсюду водитъ ихъ,
 Велитъ оставить имъ и начальниковъ своихъ.

Уже на торжищахъ грабленіемъ дѣлятся ;
 Но жищники своей бѣдою веселятся.
 Сребро успѣло ихъ отравой заразить ;
 Возможно ль было ждашь, возможно ль вобразить?
 Тамъ жребій рапники на смерть свою мешали ;
 Единодушные противниками спали.
 Раздоръ посѣялся, изъ рукъ одежды рвущъ ,
 И рѣки за сребро кровавыя текутъ ,
 Забыта важная опечеству услуга ;
 Лишающъ живота Россіяне другъ друга.
 Коликихъ ты корысть бываешь золъ виной !
 Опломки золота за градъ влечетъ иной ;
 Иной на плѣнъ и прахъ исполненный надежды,
 Окровавленные уносишь въ станъ одежды :
 Но прежній другъ его за нимъ съ мечемъ бѣжитъ ,
 Сражаетъ , и надъ нимъ пронзенный мертвъ
 лежитъ.

Ко славѣ пламенемъ и ревностью возженны,
 Князь Курбскій и Алей симъ видомъ раздра-
 женны ,
 Какъ вихри мчатся въ слѣдъ и воинамъ рекутъ ,
 Которые отъ нихъ къ грабленію текутъ :
 Стыдишесь! вспомните, что Россами родились,
 Не славой вы теперь, но плѣномъ ослѣпились ;
 Побѣда вамъ и честь спяжаньемъ быть должна.
 Рекутъ, но рѣчь сія бѣгущимъ не слышна !
 Къ отважности Алей и власти прибѣгаетъ :
 Совѣтомъ не успѣвъ, онъ мечъ свой изпоргаетъ ,
 И потомъ орошенъ, бѣгущимъ въ слѣдъ печетъ ;
 Вамъ лучше кончить жизнь во славѣ , онъ ре-
 четъ ,
 Чѣмъ слыть грабительми! . . . Тогда до Іоанна
 Достигла вѣсть: Казань взята, попрашна,
 Доколь побѣдою пророкъ не возгремѣлъ ,
 Дошолъ руки вверхъ простертыя имѣлъ ,
 Молитвой теплою рѣшилась брань велика ;
 И тако поразилъ во брани Амалика :
 Держалъ въ объятіяхъ своихъ свящій олтарь ,
 Доколь победы гласъ услышалъ съ громомъ Царь.

Онѣ пролилъ токи слезъ, какія множитъ радости,
 Производя въ душѣ по тяжкихъ скорбяхъ сла-
 дость ;
 И только рѣчь сію промолвить въ плачѣ могъ :
 Законъ Россійскій святъ! великъ Россійскій Богъ!
 Надъ нимъ летающа съ трубою зрѣлась Слава,
 Въ очахъ, въ лицѣ его ликуетъ вся держава ;
 Подобенъ небесамъ его казался взглядъ ;
 Съ оруженосцами онѣ шествуетъ во градъ.
 Такъ видится луна звѣздами окруженна ;
 Иль множествомъ цвѣтовъ въ лугахъ весна бла-
 Или обѣмлемы волнами корабли ; (женна ;
 Иль между селъ Москва спояща на земли :
 Его пришествіе побѣда упреждаетъ ,
 И слава подданныхъ Монарха услаждаетъ ,
 Адашева обнявъ въщаетъ наконецъ :
 Не успыдишься мной ни дѣдъ мой, ни отецъ ;
 Не успыдишься ты моею дружбой нынѣ ,
 Не именемъ я Царь , я славлюсь въ Царскомъ
 чинѣ ;
 Но славенъ Богъ единъ! . . . Сія кротчайша рѣчь
 Засланила у всѣхъ попоки слезны печь.

И Царь , достигнувый подъ самы градски
 стѣны ,

Увидѣлъ вдругъ свои поверженны знамены.
 Какъ агнцы робкіе Россіяне пекутъ ,
 Вещающъ съ ужасомъ: тамъ рубящъ и сѣкутъ !
 Какъ язва жителей перзающа во градъ ,
 Или свирѣпый шигръ ревущій въ агнчемъ спадѣ:
 Такъ сильно дѣйствуетъ надъ воинами спрахъ,
 И мечетъ ихъ со стѣнъ , какъ буря съ камней
 прахъ ;
 Царя бѣгущихъ вопль и робость огорчаетъ ,
 Печальный оборотъ побѣды видѣть чаетъ.
 Уже изторгнувъ мечъ, онѣ самъ во градъ дерзалъ,
 Но посланный къ нему Алеемъ мужъ предсталъ.
 Явились истинны лучи во темномъ дѣлѣ ;
 Не ужасъ гонитъ ихъ, корысть влечетъ опселя,
 И сребролюбіе сражаться имъ прешилъ.

Тотъ робокъ завсегда, кого серебро прельститъ!
Алеемъ посланный Царю сіе вѣщаетъ:
Ни стыдъ отъ грабежей, ни страхъ не отвра-
щаетъ;

И естли Царь сея алчбы не пресѣчетъ,
То вскорѣ самъ Алей изъ града потечетъ,
Едва крѣпится онъ! . . . Смущенный Царь рѣчами,
Велѣлъ опричникѣмъ приблизиться съ мечами;
И симъ оплопомъ бѣгъ текущимъ преградить,
Велѣлъ забывшихъ честь Россіянъ не щадить.
Въ румянѣмъ облакѣ Стыдъ жищникамъ явился,
Корысти блескъ погасъ и въ дымъ преобразился;
На крыльяхъ мужества обратно въ градъ летятъ,
За малодушіе свое Казани мстятъ.

Трепещетъ, спонетъ градъ, рѣками кроль лѣется,
Послѣдній Россамъ шагъ къ побѣдѣ остаётся;
Разшерзанъ былъ драконъ, оспалася глава,
Зіяюща еще у Тезицкаго рва.

Подобны вижрѣмъ, внупръ пещеры заключеннымъ,
И плѣномъ собственнымъ и имой ожесточен-
нымъ,

Которы селятся въ движеніи и борбѣ,
Сыскавъ опроверженіе чрезъ своды горъ себѣ,
Казанцы воинствомъ Россійскимъ окружены,
Противоборствуютъ громами вкругъ раженны;
Прорвавшись думаяхъ сквозь тысячи мечей,
Текутъ; но не они, то крови ихъ ручей;
Волнуются, шумятъ, спѣсняются, дерзаютъ;
Но встрѣтивъ блескъ мечей, какъ тѣни исчезаютъ.

Князь Курбскій и Алей полками подкрѣпленъ,
Ни тою сраженіемъ, ни сей не ушомленъ,
Подобны тучамъ двумъ казались идущимъ,
Перуны пламенны въ сердцахъ своихъ несущимъ,
Котора вдалекѣ блистаетъ и гремитъ;
Возходятъ вверъхъ горы, гдѣ Царскій Дворъ
стоитъ.

Тамъ робкій Едигеръ съ женами затворился,
Сокрывшись отъ мечей, отъ сража не сокрылся.
Опчаянне тудѣ вбѣжало въ слѣдъ за нимъ;

Свѣтъ солнца у него сгущенный опналъ дымъ;
 Казалось, воздухъ тамъ наполнился измѣны;
 Земля вздыхаетъ вокругъ, трепещутъ горды
 Рыданіе дѣшей унылы вопли женъ; (спѣны;
 И многими смертями онъ зрится окруженъ . . .
 Еще послѣдніе его полки бѣются,
 Послѣдней храбрости въ нихъ искры остаются;
 Тѣнь мужества еще у Царскихъ вратъ стоитъ,
 Волнуется, и входъ Россіянамъ препитъ;
 Усердіе къ Царю насильства не выпускаетъ,
 Почти послѣдній вздохъ у праговъ выпускаетъ;
 Но силился еще Россіяны отражать.

Возможноль тѣнинымъ чемъ перуны удержатъ?

Алей и Курбскій Князь, какъ вихри напряженны,
 Которыхъ крылія къ дубравъ приложенны,
 Лѣсъ ломаютъ и ревутъ: Князь Курбскій съ ко-
 пѣемъ,
 Алей по трупамъ тѣлѣ бѣжитъ во рвы съ ме-
 чемъ;
 Какъ будто Ахиллесъ гремящъ у вратъ Скіискихъ,
 Тамъ видѣнъ брани богъ, и духъ стрѣльцовъ
 Россійскихъ;
 Въщаетъ грозну смерть мечный и трубный звукъ,
 У стражи падаютъ оружія изъ рукъ;
 Опчаянье въ сердцахъ, на лицахъ помна блѣд-
 ность,
 Тѣлохранипелей являютъ крайню бѣдность.
 Какъ будто бы народъ на храмъ еѣ печалью зрится,
 Который воспаленъ отъ молніи горитъ,
 И видя пламенемъ опвсюду окруженно,
 Любезно божество внутрь спѣнъ изображенно,
 Спасая свой животъ, отъ храма прочь течетъ;
 О! богъ избавься самъ! въ опчаяньѣ речетъ.
 Такъ видя молніи и спѣны вокругъ дрожащи,
 Рѣкой кипящу кровь, тѣла кругомъ лежащи,
 Казански воины у Збойливыхъ вратъ,
 Творящи Царскому Двору живой оплотъ,
 Который какъ простникъ герои врозь метали.

Тѣлохранители сражались перестали ;
 Россіянѣ укротивъ на малый часъ, рекли :
 Цареву жизнь до днесъ, какъ нашу, мы брегли ;
 Россіяне! тому свидѣтели вы были ,
 Что крови мы своей за царство не щадили ;
 Но днесъ, коль васъ вѣнчалъ побѣдою вашъ Богъ,
 Когда падетъ нашъ градъ, и Царскій съ нимъ
 чертогъ ;

Когда Ордынская на вѣки гибнетъ слава ,
 Вручаемъ вамъ Царя несчастлива , но здрава ,
 И вамъ Казанскую корону отдаемъ ;
 Но смертну чашу пить теперь за градъ пой-
 демъ . . .

Спускаются съ горы, текутъ за стѣны прямо.
 Бѣгущихъ Палецкій съ полками встрѣпилъ тамо ;
 Уставилъ щипъ къ щипу, противу грома громъ ;
 Ордынцы мечутся чрезъ стѣны, чрезъ проломъ,
 Окровавляются берега рѣки Казанской ,
 И кровь Ордынская смѣшалась съ Христіянской.
 Багровыя струи , Казанка гдѣ текла ,
 Несутъ израненны и блѣдныя тѣла

Внезапно вопль возникъ, умножилось сненанье :
 То городъ, испустя послѣднее дыханье ,
 Колѣна преклонилъ ! . . Но дерзкая Орда
 Ласкается, что ей погибнуть не чреда ;
 И гибелью своей въ свирѣпствѣ ускоряютъ ,
 Болошамъ и рѣкамъ несчастну жизнь ввѣряютъ ;
 Отъ покровительства отторглися небесъ ;
 Въ безумствѣ предпочли подданству темный
 лѣсъ.

Съ перуномъ Курбскій Князь по ихъ спремится
 слѣду ,
 Достигъ, сразилъ, попрали и довершилъ побѣду.
 Между прекрасныхъ женъ во испуганъ скрытъ ,
 Увидѣвъ Едигеръ, что градъ кругомъ горитъ ;
 Что стражи обнажась, препещутъ замка стѣны ;
 Наполненные рвы кровавой видя пѣны ;
 Что робость отгнала воителей въ поля ;
 Несчастный Царь шокъ и плачу женъ внемля ,
 Бѣетъ сменящу грудь, вѣнецъ съ главы свергаетъ ;

Но въ ужасѣ еще къ лукавству прибѣгаетъ.
 Какъ будто плаватель богатствомъ удрученъ,
 На мѣли бурныхъ водъ стремленьемъ привлеченъ;
 Спасая жизнь свою, души своей пріятства,
 Въ боязни не щадитъ любезнаго богатства;
 И что чрезъ долгій вѣкъ пріобрѣтенно имъ,
 То мещетъ съ корабля во снѣдь волнамъ съдымъ:
 Такъ войска окруженъ Россійскаго волнами,
 И вкупѣ сътующъ съ прекрасными женами,
 Умыслилъ Едигеръ, еще алкая жизнь,
 Пригожество женъ противъ Россіянъ вооружить,
 Которы иногда героевъ умягчаютъ,
 Надъ побѣдительми побѣды получаютъ.
 Опчаянный на все дерзаетъ человекъ!
 Златыми ризами наложницъ онъ облекъ,
 Украсилъ въ бисеры и камни драгоценны,
 Пріятства оживилъ, печалью потушенны;
 Въ убранствахъ повелѣлъ имъ шествовать къ
 вратамъ,
 И взорами Князей обезоружить тамъ.
 Уже прекрасный полъ съ высокихъ лѣстницъ
 сходилъ,
 Единый ихъ Царевъ воспитанникъ предводитъ;
 Выносятъ не мечи, несутъ онъ цвѣты,
 Пріятства, нѣжности, заразы, красоты;
 Главы ихъ пестрыми вѣнками увязены;
 Власы по раменамъ, какъ волны разпущенны;
 Спешенья вырвались и слезы наконецъ;
 Оружія сіи опасны для сердецъ!
 Выходятъ, ко спопамъ героевъ упадаютъ,
 Обнявъ колѣни ихъ, болѣзнуютъ, рыдаютъ;
 И злато вольности на выкупъ отдаютъ,
 Спасите нашего Монарха! вопіютъ;
 Кровавые мечи, свирѣпость отложите;
 И человѣчество при славѣ докажите;
 Для насъ Царя, и насъ спасите для него;
 Остались мы ему, и больше никого! . . .
 Россіянъ прогаеетъ красавицъ сихъ моленье,
 И близко прилегло къ сердцамъ ихъ сожалѣнье.
 Сабинки древнія такъ нѣжностью рѣчей,

Снягчили сродниковъ , кидаясь средь мечей.
 Теряютъ мужество , теряютъ крепость мочи ;
 Въ сердца желаніе , соблазнъ приходишь въ очи:
 Младые воины не храбростью кипятъ ,
 Кипятъ любовію , и пасутъ къ ногамъ хотятъ ;
 Побѣду прелести надъ разумомъ пріемлютъ :
 Россіяне уже прекрасныхъ женъ обѣмлютъ.

Но вдругъ какъ нѣкій вихрь , поднявшійся
 съ полей ,
 Вломились во врата Мстиславскій и Алей ;
 Примѣшивъ , что любовь воицелей прельщаетъ ,
 Мстиславскій ихъ спыдомъ какъ громомъ по-
 ражаетъ :
 Гдѣ Россы ? вопіетъ , гдѣ дѣлися они ?
 Здѣсь храбрыхъ нѣтъ мужей , но жены лишь
 одни !

При словѣ томъ Алей , Ордамъ злодѣйства
 мстѣющій ,
 Преходитъ сквозь толпу , какъ камни ключъ ки-
 Подѣмлетъ копіе , и яростью разженъ , (пѣщій ,
 Разитъ онъ юношу стоящаго средь женъ.
 Сей юноша самимъ воспишанъ Едигеромъ ,
 И женской наглости содѣлался примѣромъ ;
 Пораненный въ чело , бѣжитъ въ чертоги онъ ;
 Отвсюду слышится рыданье , плачь и стонъ.

Какъ вътрѣ , играющей въ ненастный день
 Или какъ горлицы шумящія крилами , (валами ,
 Которыхъ ястреба летая вкругъ спрашатъ :
 Такъ жены обращаясь за юношей спѣшатъ ;
 Тѣсняются , вопіютъ , бѣгутъ ко испукану ;
 Но юноша схвативъ своей рукою рану ,
 Изъ коей кровь текла багровою струей ,
 Къ Алею возопилъ : будь жалостливъ Алей !
 Не убивай меня , оставь Царю къ отрадѣ ;
 Я не былъ на войнѣ , ни въ полѣ ни во градѣ ,
 Не омочалъ моихъ въ крови Россійской рукъ.
 Алей на то ему : Но ты Казани другъ ;

Довольно и сего! . . . Въ немъ ярость закипѣла,
Уже главу его жопѣль сорвать онъ съ тѣла;
Но храбрый Іоаннъ, какъ вихрь шуда вбѣжалъ,
И руку острый мечъ вносящу удержалъ;
Къ Алею возопилъ: престанемъ быть ужасны!
Престанемъ гнать враговъ, которы безопасны:
Казань уже взята! вложи обратно мечъ;
Не крови, милостямъ теперь прилично течь.

Явились яко свѣтъ слова его предъ Богомъ;
Богъ пролилъ благодать къ Царю щедротъ за-
логомъ . . .
Молчитъ вселенная, пресѣкся бѣгъ планетъ;
Казалось, Іоаннъ въ правленіе міръ беретъ.

Но только робкихъ женъ Казанскій Царь
увидѣлъ,
И скипетръ и пресполъ и жизнь возненавидѣлъ;
Увидѣлъ, что сердце не тронула любовь;
Багрову на челъ воспитанника кровь;
Внимая громъ мечей, внимая трубны звуки,
Опчаянъ рветъ власы, рыдаетъ, вноситъ руки.
Коль юность не смягчатъ сердце, ни красоты,
Чемъ льстишься, Едирегъ, смягчишь героевъ ты?
Онъ тако возопилъ, и расперзая ризу,
Низвергнувшись жопѣль со испукана низу.
Хотя во ужасъ на глубину взиралъ,
Но руки онъ уже далеко простиралъ:
Главою ко землѣ и шѣломъ понижался;
Висящъ на воздухѣ, одной ногой держался.

Тогда kloкочущій въ поляхъ воздушныхъ
шаръ,
Направилъ пламенный во испуканъ ударъ;
Громада потряслась, глава съ него свалилась,
Весь градъ запрепещалъ, когда глава капилась;
Разсѣлся испуканъ . . . Но робкаго Царя
Небесный Духъ схватилъ, лучами озаря;
Онъ пальмы на главѣ вѣнцемъ имѣлъ сплешенны;
Лилей онъ держалъ въ Едемъ насажденны,

И ризу въ небесахъ сотканную нссилъ ;
 Взявъ руку у Царя, какъ лира возгласилъ :
 Несчастный! укрѣпись, опринь Махометанство ,
 Иди къ Россіянамъ, наслѣдуй Христіянство !
 И вѣрой замѣни мірскія суебы ;
 Не траать твоей души, утративъ царство ты ;
 Россійскій крошокъ Царь, не недругъ побѣжден-
 нымъ :

Живи, гряди и вновь крещеньемъ будь рожден-
 нымъ !
 Во изумленіи взирая на него ,
 Смущенный Едигеръ не взвидѣлъ вдругъ его .
 Но благовѣстіе напомнивый небесно ,
 Призналъ Божественнымъ явленіе чудесно ;
 Свой жребій Едигеръ судьбинъ покорилъ ;
 Низходитъ съ высоты паренъемъ быспрыжъ крилъ ;
 Бѣжитъ, являясь Царю во Дворъ входящу ,
 Спасите Царску жизнь! войтелямъ гласящу .
 И се! его зоветъ военная труба ,
 Приходитъ Едигеръ во образъ раба :
 Глава его была на перси преклоненна ,
 Покрыта пепеломъ дрожаща, откровенна ;
 Омыта потокомъ слезъ его сменяща грудь ;
 Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный царства
 путь ,
 Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубищъ раздран-
 номъ ,
 Повергся, возрыдалъ, упалъ предъ Іоанномъ ;
 Челомъ бѣющій пылъ, стопы Монарши зря ,
 Вѣщаетъ: Не ищи Казанскаго Царя !
 Ужь нѣтъ его ! ужь нѣтъ ! . . . ты Царь сея
 державы ,
 Съ народомъ я хочу твои принять успавы ;
 Всеобщей вѣрности я спавлю честь въ залогъ .
 Ты будь моимъ Царемъ! твой Богъ, мой будетъ
 Богъ !

Со умиленіемъ Герой спенанью внемлетъ ,
 И плѣннаго Царя какъ друга онъ объемлетъ ,
 Вѣщая: вѣрой мнѣ и саномъ буди братъ ! . . .
 Услыша тѣ слова , вспрынулъ и ожилъ градъ .

Тогда умножились во градъ звучны бои;
Привѣспивующѣ Царя Россійскіе герои;
Князь Курбскій кровію и пылью покровенъ,
Въщаль: да будетъ вѣкъ сей день благословенъ!
О Царь, великій Царь! твоя победы громки
Со временемъ прочтутъ съ плесканіемъ пошомки.

Мстиславскій, мечъ въ рукѣ какъ молнію
носящъ,
Царей Казанскихъ скиптръ въ другой рукѣ дер-
Сію величества подпору и блистанье, (жащъ,
Къ Монаршескимъ стопамъ приноситъ на по-
пранье.

Щенятевъ плѣнниковъ окованныхъ привлекъ;
Ордынскихъ многихъ силъ, се тѣнь послѣдняя!
Твоею, Царь, они рукою побѣждены; (рекъ;
За подвигъ нашъ твоей мы славой награждены.

Романовъ съ торжествомъ текущій по тѣ-
ламъ;
Приноситъ знамя то къ Монаршескимъ сто-
памъ;
Которо смутныхъ Ордъ символомъ гордымъ
было;
Оно запрепешавъ, луну къ землѣ склонило.

Шемякинъ окруженъ добычами предсталъ;
Но славой паче онъ, чѣмъ бисеромъ блисталъ.

Микѹлинскій, сей мужъ Россійскихъ силъ
Орудія принесъ разрушеннаго града, (ограда;
Мечи кровавыя, щипы, пищали тамъ,
Какъ горы видѣшся Монаршескимъ очамъ.

Адашевъ возопилъ: О Царь и храбрый воинъ!
Ты славою сталъ, но будь сей славы въ вѣкъ
достойнъ!
Спокойство возвратилъ ты не единымъ намъ;
Даруешь ты его и позднимъ временамъ.

О! естлибъ ты смиришь Казани не рѣшился,
Какихъ бы ты похвалъ, какихъ побѣдъ лишился!

Явился Палецкій, парящій какъ орелъ;
По грудамъ онъ къ Царю щиповъ и шлемовъ
Хотя рука его корыстей не имѣла; (шелъ;
Но вокругъ его хвала Россійскихъ войскъ гремѣла.

У Шеремѣшева еще и въ оный часъ
Геройскій духъ въ очахъ и пламень не погасъ.

Плещеевъ плѣнниковъ собираетъ Христіян-
скихъ;
Въ темницахъ ищетъ ихъ, въ развалинахъ Ка-
занскихъ,
И купъ возвративъ свободу имъ и свѣтъ;
Ко Іоанну ихъ въ объятія ведетъ.

Сбираетъ въ тѣсный кругъ вельможей, храб-
рыхъ Слава.
Вдругъ новый Царь насталъ и новая держава!

Ликуй, Россійскій Царь! вѣщалъ ему Алей;
Казань ты покоришь, и всѣхъ Ордынцовъ съ ней,
Опшныи въ вѣкъ Москва останется спокойна.
Но вѣрность ежели моя награда достойна,
Въ корысть прошу одну Сумбеку, Государь!...
И дружбу съ ней мою прими! вѣщаетъ Царь.

Въ восторгахъ радостныхъ Монархъ при-
вѣтсвамъ внемлетъ;
Вельможей, воиновъ, съ потокомъ слезъ обѣм-
летъ;
И рѣчь сію простеръ: Сей градъ, вѣнцы сіи,
Дарите Россамъ вы, сотрудники мои!
И естли нашихъ дѣлъ попомки не забудутъ,
Вамъ славу воспоютъ, и вамъ дивятся будутъ,
А мнѣ коль славится удобно въ міръ семъ,
Мнѣ славно, что я есмь шоль храбрыхъ войскъ
Царемъ;

Внимая небо то, одѣлось новымъ блескомъ,
И рѣчь заключена общенароднымъ плескомъ.

Разженный къ Вышнему благоговѣнъемъ
Царь;

Во градъ повелѣлъ сооружить Олшарь.
Влекомыя къ Царю небесной благодатью;
Сопровождающія чины священны рапью;
Ликующъ небеса, подземный стонетъ адъ;
Благоуханіемъ наполнился весь градъ.
Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонъ и плачь не-
давно;

Тамъ нынѣ торжество сіяетъ православно;
Святое пѣніе пронзаетъ небеса:
Животворящая простерлася роса;
И стѣны чистою водою окроплены,
Свой пепелъ отряхнувъ, явились оживленны;
Святому пѣнію съ умильностью внимля,
Возрадовались вокругъ и воздухъ и земля.
Тогда среди кадилъ на гору опдаленну,
Олшарь возносится, являющій вселенну:
Хоругвями уже онъ зрится огражденъ,
Недвижимый споишъ на камняхъ утвержденъ.
Передъ лицомъ святой и таинственной Сѣни;
Первосвященникъ палъ смиренно на колѣни;
Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
И Бога къ Олшарю низшедша возгласилъ!
Народъ и Царь главы со страхомъ преклонили,
Небесные огни сердца возпламенили.

Тогда, дабы почпишъ свяшую благодать,
Тѣла во градъ Царь велѣлъ землѣ предать;
Онъ теплыхъ слезъ своихъ Ордынцевъ удо-
стоилъ;

По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
Повсюду пѣніе, повсюду еиміамъ.
Гдѣ шаршаръ ликовалъ, ликуетъ Вѣра тамъ;
Безбожіе взглянувъ на Свяtosшь, воздохнуло.

И солнце на Казань внимательно взглянуло;
Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;

Возобновленный градъ главу свою вознесъ ;
 Отъ крови въ берегахъ очистилися волны ;
 Казались радостью лѣса и горы полны.
 Церуномъ пораженъ Раздоръ въ сѣи часы ,
 Терзаясь на главѣ змѣиные власы ,
 Со трепетомъ глаза на Благадѣ возводишь ;
 Скрещешь, мечешся, въ подземну тму уходишь.

Чело вѣнчано Россія подняла ;
 Она съ тѣхъ дней цвѣсти во славѣ начала.
 И естли кто сѣ чашающій творенье ,
 Не будетъ уважать Казани разрушенье ,
 Такъ слабо я дѣла Героевъ нашихъ пѣлъ ;
 Иль сердце хладно чашашель мой имѣлъ.
 Но, Муза! общимъ будь вниманьемъ ободренна ;
 Двухъ царствъ судьбу воспѣвъ, не будешь ты забвенна.

К О Н Е Ц Ъ.

М О С К В А

Въ вольной Типографіи Пономарева.

■ 8 0 7.

